

УДК 82-3
ББК 76.01

М90

Оформление Натальи Половниковой

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям*

М90

Владимир Мукусев. Оглядываясь на «Взгляд» или обратная перспектива. – М.: Аграф, 2019. – 320 с. – ISBN 978-5-7784-0518-9

Новая книга известного журналиста, кандидата политических наук Владимира Мукусева посвящена одному из самых ярких в истории отечественной журналистики периоду – времени перестройки. Владимир Мукусев – автор и ведущий известных телепередач «Мир и молодежь», «12-й этаж», «Телемосты с Америкой», «Взгляд». Эти передачи стали в свое время большим событием не только для нашего телевидения, но и для общественной жизни страны.

В своей книге автор исследует феномен перестроечной журналистики, ищет и находит корни огромной популярности программ того времени. Эти корни он видит в искренности и гражданской ответственности их создателей, в непосредственной связи показываемых на экранах материалов с жизнью миллионов телезрителей. Мукусев также возвращает из забвения имена многих замечательных журналистов перестроечного времени.

УДК 82-3
ББК 76.01

ISBN 978-5-7784-0518-9

ВЛАДИМИР
МУКУСЕВ

ОГЛЯДЫВАЯСЬ
НА
«ВЗГЛЯД»
ИЛИ
ОБРАТНАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

© Мукусев В.В., 2019
© Половникова Н., дизайн, 2019
© Издательство «Аграф», 2019

Обратная перспектива -

Система изображения, при которой изображаемые предметы расширяются по мере удаления, словно центр схода линий находится не на горизонте, а внутри самого зрителя.

«Взгляд» -

Популярная телевизионная программа времен Перестройки. Производство Главной редакции программ для молодежи Центрального телевидения Гостелерадио СССР. Первый выпуск вышел в эфир 2 октября 1987 года. Последний — 28 декабря 1990 года.

Спасибо, автор!

Да, все проходит, да, правда, “и это пройдет”. Непреходящим становится незабываемое — в руках, не забывающих и имеющих дар передавать ценности осмысленным гражданам.

Я читал эту книгу и не мог отмахнуться от личных параллелей. В 1969 году я подхватил инфекцию “телечуда”: в меня как в режиссера поверила сама Елена Гальперина, без которой не было бы у нас ни КВНов 60-х, ни «телетеатра» 70-х. Она и ее окружение в лит-драм-редакции на 11-м этаже Останкинской махины дали жизнь этому уникальному жанру телевизионных спектаклей. И увидели миллионы зрителей в СССР шедевры режиссеров Петра Фоменко, Анатолия Эфроса, Марка Захарова, Александра Орлова и других. Слава Богу, сочинить и поставить для малого экрана Флобера, Гоголя, Маяковского или Некрасова не было моей основной работой. Как-никак, это были годы золотого века любимовской «Таганки». Но вот, как раз мое соучастие в делах и победах-бедах

репертуара театра, неугодного властям, не давало право благоухать на лаврах упоительных съемок. Я узнал, кроме упоения, суровую правду медиа-жизни и тщетность многих благих порывов: запреты и обсуждения-осуждения, сокрушительный абсурд теле-чиновников, парад трусов и предателей — из числа бывших хвалителей. Но это я пережил как режиссер. Меня же и как актера останкинский 6-ой этаж «Экрана» раз восемь казнил запретом на киносъемки. То ли «Таганка» пугала боссов ЦТ, то ли «нерусский нос» мой возмущал их.

Книга Владимира Мукусева предъявляет счет более позорным страницам и лицам родного ТВ. То, что в истории советского театра совершил Юрий Любимов, названо громко и на весь свет. И влияние художественных прорывов Таганки на лучшие новости отечественной сцены: от Льва Додина и Анатолия Васильева — до Кирилла Серебренникова — бесспорно и высоко продуктивно. А то, что в «самом важном для нас» искусстве телевизионных откровений — не с массой людей, а с каждым человеком страны! — могло влиять на стиль, качество, честь и достоинство ТВ-продукта — это был человеческий и профессиональный урок «Взгляда».

«Взгляд» был сказочным прыжком из болота унылого ширпотреба и телеванья — в неслыханную радость гражданского обновления. Миллионы осмысленных жителей СССР рвались к экрану, чтобы потом случалась ежедневная переключка (устно или письменно) и что-то жизненно важное в несчастной стране менялось к лучшему.

Но если за все кошмары издевательств Любимову и нам, ветеранам, так сказать, воздалось всенародно и щедро (хоть и с опозданием), то что же сказать о тех молодых красавцах-взглядовцах? Чем отблагодарило их общество — за бесстрашие, за любовь и сострадание простым людям?

...Книга, между прочим, читается так жадно, как смотрелись их передачи. А главное: этот захватывающий репортаж не вызывает на дуэль виновников, не зовет ни к какой сатисфакции. Мудрость повествования — в очень простой ясности парадоксального вывода...

Тот факт, что не уважающие свой народ временщики-начальники вредили и вредят здоровью российской культуры — не удивляло и не удивляет, увы... Но то, что, вопреки всем злым умыслам наших властей, прорвались к людям, увидели свет: «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Андрей Рублев» Тарковского, книги и аудиозаписи Высоцкого, романы и повести Гроссмана, Войновича, Аксенова, Шаламова, спектакли Любимова, Эфроса, Фоменко и яркие, яростно честные программы Мукусева, Политковского, Листьева и их друзей — в это трудно поверить, но этому можно порадоваться. Или — нужно порадоваться.

Сегодня особая радость чтения книги — назовем ее «Былое и думы Владимира Мукусева» — возникает по двум причинам. Во-первых, исповедь блестящего журналиста — это хороший урок его нынешним кол-

легам, фатально отстающим по предмету «русский язык и литература». А во-вторых, для нынешних горячих голов одаренной молодежи, попадающих в очередные тиски злодейских персонажей Гоголя и Сухово-Кобылина, весьма полезно знать реальность этого чрезвычайного явления конца 80-х: «культурной революции» снизу, в одной отдельно взятой стране — 1987-1990-х годов. Бойцов, проигравших только на первый «взгляд». Четыре года «Взгляда» — это четыре года войны теле-народовольцев за права человека в России, за «прекрасное далёко» наших детей и внуков, за культуру и достоинство на Родине.

P.S. А «Таганка» во главе с Ю.П. Любимовым полюбила Владимира Мукусева и доказала это — на выборах народных депутатов... И я прошу автора затруднить свое перо и прибавить к тексту книги хоть малый рассказ о нашем тогдашнем единогласии...

Вениамин Смехов

ГЛАВА 1.

ДЕПУТАТ ТАГАНКИ

КОНЕЦ ПЕРЕСТРОЙКИ

Начало 1990 года было тревожным. Затеянная в 1985 году в Кремле перестройка фактически захлебнулась. С прилавков магазинов стали исчезать продукты. Дефицитные товары можно было только «достать», а не купить. Да и то отстояв огромные очереди. По стране прокатилась волна «табачных» и «водочных» бунтов. Вернулись в обиход забытые с времен гражданской и отечественной войн, ленинградской блокады, слова-символы: карточки и талоны. Призывы с телеэкранов Президента СССР М. Горбачева «ускорить и углубить», отсутствие реальных успехов и половинчатость принимаемых им решений стали раздражать даже его верных помощников и соратников. Война между сторонниками и противниками Перестройки выплеснулась за стены Кремля. Советская империя запыхалась по окраинам. Националисты и авантюристы всех мастей, рука об руку с местной партийной элитой и чекистами, провоцировали со-

здание всяческих народных фронтов и уже открыто противопоставляли себя Москве. На митингах звучали требования не просто экономической самостоятельности и политических свобод, а выхода из СССР. Начался печально известный «парад суверенитетов». Номенклатурный харизматик Б. Ельцин, благодаря неуклюжим попыткам партийных аппаратчиков его приструнить и приручить, становился все более популярным у демократически настроенных политиков и общественных деятелей. А у части интеллигенции и в общественном мнении превращался чуть ли не в спасителя отечества. Руководители ВПК, армии, КГБ и МВД уже в открытую заявляли о своем несогласии с проводимыми в стране реформами. «Взгляд», проведя серьезное журналистское расследование, основываясь на полученных от военных абсолютно секретных документах, расскажет о готовящемся государственном перевороте и назовет имена будущих ГКЧПистов. В Кремле нам никто не поверит, а мы сами окажемся в роле гонца, принесшего дурную весть. (Через год окажется, что мы были правы, но будет поздно. Решившись на государственный переворот, коммунисты пустят страну под откос). При покровительстве правоохранительных органов, а то и при непосредственном участии в преступлениях «оборотней в погонах», стала расти преступность. «Хлеба нет, но полно гуталина. Да глумится горбатый главарь» — это про то время. В самом воздухе чувствовалось приближение скорой и неизбежной большой беды, но какой — было еще не очень понятно... И 19 августа 1991 года беда, о которой мы предупреждали в эфире «Взгляда» много раз, пришла. По улицам Москвы загрохотали гусени-

цы танков. И это был отнюдь не мирный парад. Пролитась кровь мирных граждан. Первая и, к сожалению, далеко не последняя кровь в истории новой нарождающейся российской государственности. Переворот провалился. но еще долго при встречах люди спрашивали друг друга: «А где ты был 19 августа?». И в зависимости от ответа либо обнимались, жали руки, либо отворачивались друг от друга. Причем многие — навсегда...

А ГДЕ ТЫ БЫЛ 19 АВГУСТА?

К середине 91-го года травма позвоночника, полученная мной в Афганистане, превратилась в серьезную проблему — требовалась операция, причем срочная. Срочность диктовалась состоянием: я не мог обходиться без сильнодействующих болеутоляющих, к тому же практически отказали ноги. Да и весь «нижний этаж» переставал функционировать.

Местом для операции был выбран Центральный военный госпиталь имени Бурденко. Так решили мои друзья-афганцы, а, точнее, полковник Александр Котенев, мой боевой друг, которому я, по мере сил, с помощью «Взгляда» и депутатского мандата, помогал создавать Союз ветеранов Афганистана. И вот первый, после всех возможных и многочисленных исследований и анализов, консилиум в палате. «Приговор» озвучил начальник отделения, полковник, нейрохирург Игорь. Назовем его так. Как знать, как он сегодня относится к той истории, о которой я хочу рассказать и в которой он сыграл главную роль.

«Операция — 19 августа в 10.00,— военврач говорил подчеркнуто холодно, отрывисто, четко, будто

отдавал команды, без малейшего даже намека на сочувствие ко мне. — Перспективы — 20 на 80. Двадцать процентов — через месяц-другой вы встанете. Ходить — будете. Сначала — на костылях. Бегать — никогда. О 80% говорить не буду. Пока. Во всяком случае, до операции. Будем стремиться к 20-ти. Но, если вы откажетесь или хотя бы промедлите, стопроцентно останетесь в койке надолго. Может, навсегда. Дальше — ампутация конечностей и коляска. Все! Вопросы?»

Я почувствовал, как сжала мою руку жена Таня, не отходившая от меня последние недели. Наступила нехорошая пауза. «Ясно. Готовьте!» — бросил врач медсестре и первым стремительно вышел из палаты. За ним — все остальные...

Госпиталь имел странную особенность. Его палаты находились как бы между двух «мест общего пользования» — коридором и общим балконом. И, гуляя по балкону, любой пациент мог свободно через окна увидеть все, что делалось в соседних палатах. От стричек я узнал, что лежали в госпитале в основном ветераны, но были и совсем молоденькие офицеры. Редко кто из пациентов отделения проходил мимо моего открытого окна без остановки. На живого «взглядовца» хотели посмотреть все. Но чувства и слова при этом были разные. От: «Спасибо, сынок за все, что вы для нас, военных, да и для страны делаете. Дай Бог тебе долгих лет и выздороветь побыстрее!...». До: «Ну что, сволочь, армию ругал? А как прихватило самого, так к нам приполз, гад. Перестройщик, мать твою...».

Рано утром 19 августа в палату вошла неулыбчивая сестра с привычным: «Доброе утро, Владимир Викторович, как дела? Вот градусник, скоро будет за-

втрак...». А за ней буквально влетел врач Игорь. Халат был не надет и аккуратно, как обычно, застегнут, а небрежно накинут на китель. Сказать, что он был взволнован, — не сказать ничего. «Вы уже знаете?» Я молча кивнул — радио и телевизор в палате работали почти круглосуточно. «Что будем делать?» — спросил полковник. «Вы будете лечить. И работы у вас, дорогой мой доктор, думаю, сильно прибавится. А я буду лежать и ждать, когда за мной придут. Вот и все».

— Нет, вы должны... исчезнуть, раствориться, спрятаться, убежать, наконец, — он осекся и замолчал, видимо осознав, что «убежать» предлагает своему, практически неподвижно ЛЕЖАЧЕМУ пациенту, которого через два часа он же сам должен оперировать. Передо мною вновь стоял уверенный в себе, спокойный и жесткий военный хирург, человек, принявший внезапно какое-то очень важное и трудное решение.

— Не прощаюсь, — выходя, сказал Игорь.

А на балконе перед моей палатой гудел настоящий митинг. Обсуждался один вопрос: что делать со «взглядовцем». Выкинуть с балкона — отмени сразу: всего третий этаж — низко, не разобьется, гад. А вот идея повесить мерзавца пришлась большинству по душе. Правда, заспорили, как повесить лучше, чтоб дольше помучился. Решили — вешаем за ноги. И подтвердив жестами, что они скоро со мной будут делать, участники «митинга-суда» разошлись по своим палатам.

Часа через два вновь появился Игорь. Он был собран и... весел. Глаза светились. Закрыв плотно дверь, полковник склонился надо мной и зашептал в ухо: «Все в порядке! Мы нашли и сняли в Красногорске «берлогу». Однокомнатная! Воды нет. Но это ерун-

да. Главное — тебя (он впервые перешел на «ты») тайно туда перебросить отсюда. Тут проблема. У госпиталя по периметру БТРы. Охрану сменили. Но мы узнали. Это не «кантемировцы» и не «дзержинцы». Стоят паны, первогодки, пехота. Мы всё придумали. Завернем тебя в простыню и положим в «труповозку». Дескать, везем тело на специальное вскрытие. Иногда мы так действительно делаем. Ночью проверять вряд ли будут. А если захотят посмотреть, что внутри, мы простыню намочим водой, йодом, анализной кровью, мочой и еще чем-нибудь пахучим. Пусть разворачивают. Она же будет холодная, мокрая, страшная, а узлы завяжем крепкие... Главное — выехать за ворота, а там... Пусть потом ищут. Как план?».

Первое, что пришло в мою, замутненную болью и лекарствами голову, застрявшее еще с армейской службы слово «отставить!» Я попытался объяснить своему неожиданному спасителю, что, конечно, не сразу, но очень скоро новые «хозяева жизни» начнут искать журналиста и народного депутата-демократа, автора и ведущего популярной и ненавистой им телепередачи. И приедут сюда. Потому что узнать, где я — элементарно. Заговорщику Крючкову, «большому другу «Взгляда», это известно доподлинно. А здесь полный госпиталь добровольных помощников ГКЧП, которые с удовольствием и на перегонки сдадут и его самого, и его друзей. И что тогда? Конец всему? Званию, должности, карьере? А может, и свободе? Кто знает, как все повернется?..

— Ну и что, — спокойно сказал Игорь, — когда-нибудь меня спросят внуки: а что, дед, ты делал в августе 1991 года? А я им отвечу: спасал Мукусева.

Одного из тех журналистов, который доказал своей передачей и своей позицией мне, да и всей стране, что можно и нужно жить по-другому, что я не винтик, не скот, не быдло, я — человек и гражданин своей Родины...

Возможно, врач говорил все это как-то по-другому, но смысл был именно такой. И еще я запомнил слезы на его, вероятно впервые за годы военной службы, плохо выбритых щеках. Впрочем, может мне это показалось. Мы обнялись и расстались. Последнее, что он сказал: «Ну, держись. Лихая будет ночь».

...А по телевизору шла знаменитая пресс-конференция с трясущимися руками Янаева и прекрасным в своей наивности, всесокрушающим и безжалостным вопросом молоденькой журналистки Татьяны Малкиной про государственный переворот и про то, понимают ли они, что совершили. Наступила тишина и всем, кто это видел и слышал, стало очевидным (вероятно, не только мне), что всё это ГКЧП — не серьезно, глупо, не подготовлено, безумно скучно и тоскливо. А значит — обречено.

Позвав Игоря и обсудив с ним увиденное, я предложил ему подождать с моим «спасением» хотя бы неделю. Я ошибся с прогнозом. Хватило и трех дней — путч провалился.

Моей жене Тане удалось добиться от руководства Верховного Совета выделения денег на операцию. «Афганцы» организовали самолет. И уже через неделю я лежал в операционной берлинского госпиталя «Штеглиц». Но это, как говорит один наш со Смеховым друг-актер в своей телепередаче, «... совсем другая история»...

КОНЕЦ ПЕРЕСТРОЙКИ

(продолжение)

В этой тяжелой обстановке многим казалось, что выходом из политического и экономического тупика может стать передача всей полноты власти от КПСС, лишенной основы своего могущества, 6-ой статьи Конституции СССР, провозглашавшей ее главенство, — Советам как органам реального народного властия. Многим казалось, что спасение разваливающегося на глазах государства — в альтернативных, свободных выборах в новый Российский парламент. Съезд народных депутатов и сформированный им Верховный Совет должны были стать прообразом истинно народной власти будущей новой демократической России, главной задачей которой будет сплотить и сохранить «союз нерушимый республик свободных».

Начался активный поиск людей, способных, по мнению инициативных групп, предотвратить сползание страны в пропасть и хаос гражданской войны. Это коснулось и нас, журналистов. Но до определенного момента многочисленные предложения «пойти в депутаты» нами отвергались. Мы считали, что пока «Взгляд» существует, у нас есть возможность делать наше главное, как мы его понимали, дело — максимально полно и объективно информировать зрителей о событиях в стране, давать прямой эфир не подготовленным Лубянкой и Старой площадью провокаторам, профессиональным крикунам-пропагандистам, вечерним «м....звонам» по-нынешнему, а людям разных политических взглядов, но ищущих консенсус и одинаково озабоченных происходящим в стране. А глав-

ное, предлагающим реальные пути выхода из кризиса. Именно так я объяснял свою позицию на многочисленных собраниях по выдвижению меня кандидатом в депутаты. Чаще всего они проходили в крупнейших университетах страны и академических институтах. И далеко не все и далеко не всегда понимали и принимали мои доводы. Часто я с горечью слышал от организаторов подобных встреч: «Эх вы... а мы-то вам верили!..» Но я был убежден — наше дело журналистика, а не политика! И обязательно отказался бы дать согласие баллотироваться в новый российский парламент очередному звонившему, если бы в трубке не прозвучало: «Это говорит режиссер Любимов Юрий Петрович. Да-да, помните такого, уважаемый Владимир Викторович? Я был у вас в эфире «Взгляда», а вы были у меня дома. Весь театр на Таганке хочет видеть вас нашим представителем в Кремле. Приезжайте, пожалуйста, давайте обсудим...»

ТА ТАГАНКА

Более 20 лет для мыслящего меньшинства страны, интеллигенции, любимовский театр был не просто местом отдыха и развлечений. В маленькое здание на Таганской площади в Москве стремились попасть те, кто искал ответы на извечные проклятые российские вопросы — «кто виноват?» и «что делать?». А Таганка великолепной драматургией, революционной режиссурой и удивительным оформлением своих спектаклей пыталась вместе со зрителями не только найти ответы, но и давала надежду на то, что происходящее за стенами театра, да и во всей в стране — не навсег-

да. Что есть он, этот желанный, но такой призрачный и далекий свет в конце бесконечного советского тоннеля. С ростом популярности театра росла и ненависть к нему всякого рода начальников, иезуитская изощренность в попытках «приструнить» непокорный коллектив и жестокость в отношении труппы и её лидера, отца-основателя театра, Юрия Любимова. Об этом сказано и написано много. Но чтобы понять в полной мере масштаб этой поистине кровавой и многолетней борьбы и в то же время ощутить дух того времени, попытаться самим прочувствовать счастье побед и горечь потерь легендарного коллектива, необходимо прочитать удивительный по своей глубине и искренности двухтомник «Та Таганка» и «В жизни так не бывает» непосредственного свидетеля и участника всех этих драматических событий, прекрасного актера и режиссера, истинного патриота и гражданина, тонкого и умного писателя, Вениамина Смехова. О нашей многолетней дружбе и его роли в истории «Владимир Мукусев — депутат Таганки» речь впереди. Здесь же вспомню лишь короткую забавную историю нашего с Вениамином заочного знакомства и «единения» ...

САЛЮТ, ФЕСТИВАЛЬ!

Много лет Главная редакция программ для молодежи Центрального телевидения СССР пыталась вернуть в эфир свой звездный проект, любимый народом, но запрещенный в семидесятых годах прошлого века, КВН. Руководство легендарной Молодежки — главный редактор Евгений Широков, его заместитель в то время, Эдуард Сагалаев, заведующий отделом массовых

передач и конкурсов, а, в не далеком прошлом, капитан легендарной команды КВН МИСИ Андрей Меньшиков и блистательный режиссер и прекрасный поэт Анатолий Монастырев, под сурдинку подготовки молодежи страны и мира к очередному, 11-му Всемирному фестивалю молодежи и студентов, который должен был пройти летом 1978 года на Кубе, придумали и предложили руководству Гостелерадио СССР новую программу — всесоюзный телевизионный конкурс «Салют, фестиваль!». Начальство не разглядело подвоха или сделало вид, что не разглядело, и дало добро. А подвох был в том, что от официального рабочее название передачи отличалось и было обозначено как «Конкурс капитанов КВН». И дело было не в только в разнице названий, а в сути всего проекта, его содержании. Молодые люди со всей страны, игравшие в студенчестве в КВН, либо имеющие отношение к «веселым и находчивым» в тот момент, отбирались журналистами столичной редакции «на местах» и приглашались в Москву. В мой родной Питер отбирать будущего участника приехал сам Меньшиков и расположился в Смольном, где помещался тогда ленинградский обком комсомола. Среди приглашенных на собеседование к московскому гостю был и я — в то время инженер-конструктор одного из оборонных НИИ и, в свободное время, в качестве хобби, ведущий молодежных программ Ленинградского телевидения. Разговор с Меньшиковым длился менее 10 минут и был скорее его монологом, рассказом о новом останкинском телепроекте. Вскоре я о встрече забыл и был немало удивлен, когда через два месяца получил приглашение приехать в Москву для участия в конкурсе. Почему из двух сотен молодых ленинград-

цев выбор пал именно на меня, я тогда не спросил. А теперь и не спрошу — недавно Андрей Викторович Меньшиков ушел из жизни...

Полгода шла эта, очень быстро ставшая самой популярной на ЦТ, телепрограмма, участники которой боролись за путевки в Гавану и, соревнуясь в разных знаниях и умениях, по сути отстаивали свое личное право и вообще право тогда еще советских людей на улыбку, на юмор, на сатирическое и критическое отношение к тому, что происходило в родной и любимой стране, дряхлевшей и впадавшей в застойный маразм. Передача и ее участники стали не просто «телезвездами». На улицах, в транспорте, в магазинах — практически везде, где появлялись мы, вместе или по отдельности, немедленно собиралась толпа. Мы раздавали, наверное, тысячи автографов. По месту жительства участников стали создаваться их фан-клубы. Фотоаппараты тогда были далеко не у всех, но если появлялся фотограф, то сняться с нами хотели все. Было изобретено даже своеобразное «ноу-хау» — нам в Останкино присылали наши же фото, сделанные зрителями во время передачи у себя в квартирах, домах, избах, казармах, то есть везде, где тогда смотрели телевизор и был фотоаппарат. Они вкладывались в конверты с обратным адресом, и просьба собственно была одна — написать несколько слов на фото и бросить конверт в почтовый ящик. Письма от некоторых особо ярких поклонниц поражали. «Когда ты появился на экране, я разделась и прижалась к нему, то есть к тебе, — писали девушки. — Через месяц я поняла, что беременна. Нашего сына я обязательно назову Вовочка! В честь тебя!!!»

Мы получали в прямом смысле слова мешки писем, содержание которых сводилось к одному: спасибо вам, ребята, за то, что не просто дарите нам свои молодость и юмор, но и уверенность, что у нас в стране еще все может быть хорошо... В некоторых письмах мне были и вопросы, причем иногда довольно странные: «Скажите, товарищ СМЕХОВ. Зачем Вы поменяли фамилию? Вам что, не хватает сцены Таганки и вы пошли на телевидение. Или вам так хочется на Кубу?». Перебегая сегодня фотографии того времени, я действительно нахожу некоторое внешнее сходство между мной и знаменитым актером. Жаль, что, встречаясь со ставшим мне настоящим другом, легендарным Атосом, я замечая, что с возрастом оно становится все менее заметным. Зато я не раз убеждался, глядя на прекрасные теле-, кино- и театральные работы Вениамина Смехова, что о многом из нашего прошлого, о нашем сегодняшнем дне, да и о будущем, мы с ним думаем если не одинаково, то очень похоже. И это куда важнее...

Каждый год, 13 января, мы (когда-то соперники в борьбе за путевки на кубинский фестиваль, ставшие во время полугодового телевизионного марафона не просто друзьями, а настоящей командой, перед которой стояла одна цель — сделать передачу как можно лучше, содержательнее, веселее и талантливее), собираемся в уютной небольшой квартирке Андрея и Нины Луковниковых на Маяковке в Москве. Традиция эта родилась еще в 1978-ом. После знакомства в Останкино с руководством Молодежки и с ведущим будущей программы — Александром Масляковым, Андрей Луковников пригласил нас всех к себе «на чай», продемонстрировав истинно московское гостепри-

имство и задал тон будущему соревнованию: «... и дело вовсе не в баллах, которые получит здесь участник». Так Андрей Луковников сформулировал свою мысль в несколько смелой стихотворной форме в эфире, выполняя очередное задание жюри. Его председатель, в то время главный редактор журнала «Юность» поэт Андрей Дементьев был доброжелателен и объективен в оценках наших литературных «танцовщиц», впрочем, как и все остальные «судьи» — расположившиеся на своеобразных трибунах, сделанных в виде фестивальной ромашки. Сердцевиной «ромашки» была сцена, на которую выходили участники программы. «Политику», которой было достаточно много в заданиях (фестиваль, хоть и веселый праздник молодежи из всех стран мира, но мероприятие во многом политическое), оценивал удивительный человек, знавший более тридцати языков, один из самых популярных в то время политобозревателей Гостелерадио СССР Анатолий Овсянников. Наши художественные способности «жюрил» прекрасный художник, знаменитый карикатурист, работавший в основном тогда в не менее знаменитой «Литературной газете», Виталий Песков. Кстати, он был еще и потрясающим мультипликатором. Вспомните хотя бы его фильм «Пиф-паф! Ой-ой-ой!». Наше музыкальное творчество оценивали самые популярные в то время музыкальные коллективы и исполнители. Они же, своими прекрасными номерами, делали из программы настоящее развлекательное шоу. Кстати, со многими из звезд тогдашней эстрады мы продолжили знакомство уже на Кубе, где их выступления проходили с огромным успехом и были частью обширной культурной программы

фестиваля. Жаль, что из-за тогдашнего дефицита видеоленты (сегодня это звучит дико, если представить, во сколько обходились организация, проведение, подготовка эфира и сам эфир каждого выпуска программы по сравнению со стоимостью мотка видеоленты), в архивах Центрального телевидения не сохранилась запись НИ ОДНОЙ программы «Салют, фестиваль!». Все рулоны видеоленты немедленно, после эфира, размагничивались, чтобы было на чем писать следующую программу. Чудовищный бред и бесхозяйственность. Но так тогда жила вся страна, а не только телевидение. Слово «дефицит» было главным. Поэтому многое, о чем могли бы мы рассказать, проиллюстрировать, увы, нечем. Впрочем, у меня случайно сохранился черновик одного из выполненных заданий. Помнится, в устах ведущего Александра Маслякова оно звучало так: необходимо придумать и рассказать, каким будет телевидение в 2000-м году. Напомню, что конкурс проходил в 1978-м. И загадывать так далеко, на 20 с лишним лет вперед, было крайне сложно. Но наблюдая за работой ведущего, за его потрясающим профессионализмом, тактом, уважением, проявляемым и к нам, участникам, и ко всем многочисленным создателям телешоу, и, в то же время, внутренне поеживаясь от обилия штампов в его речи, я решил, Александра, вернее Сашу Маслякова, как мы все, несмотря на его возраст и статус, называли тогда, сделать именно его героем своего выступления. Я как бы превращался в ведущего будущей популярной телевизионной передачи.

Итак, 2000-й год. Студия останкинского телецентра. Появляется ведущий...

— Добрый вечер, дорогие телезрители. В эфире старейший, но вечно молодой телеконкурс «А ну-ка, девушки». Правда, сегодня он не совсем обычный. В нем принимают участие победительницы этой передачи прошлого века. Их, конечно же, не нужно представлять. Они вам все хорошо знакомы. А вот с одним участником нашей встречи я хотел бы вас познакомить. Что, узнали? Правильно! Это все такой же молодой и веселый, как и 20 лет назад, ведущий анука-девушек Александр Масляков. Да, да, не удивляйтесь. Это действительно он. Мы специально принесли его сегодня на студию. Он наше почетное жюри... (читая текст, я видел краем глаза, как стоящий неподалеку Масляков еле сдерживает смех. Его чувство юмора тогда — было абсолютным).

А начнем мы наш конкурс с традиционной разминки. Я попрошу всех девушек вспомнить и сказать свое имя. В этом конкурсе вам помогут ваши паспорта. Все вспомнили? Спасибо! Все получают высший балл.

Но это была разминка. Следующий конкурс значительно сложнее. Вы все наверняка знаете, что математика — это наука. Поэтому задумайте любое число. Задумали? Спасибо! Теперь назовите мне его. Спасибо! Все девушки успешно справились с математикой и поэтому получают высший балл!

Теперь, как говорится, от физики перейдем к лирикам, а точнее, к искусству. У меня в руках книга. И я бы даже сказал, стихи. Вы, девушки, правильно улыбаетесь. Это «Евгений Онегин». Но это еще не все. Назовите пожалуйста автора этого произведения. Из шести букв. По горизонтали. Ну? Кто попробует? Смелее! Репин? Почти верно. Только я немного уточ-

ню. Репин — это композитор из пяти. А мне нужен Пушкин из шести. Кто еще попробует? Это — книга! Верно, девушка. Это — книга. Но мне нужен автор. Что? Вместо вас хочет ответить ваша внучка. Что ж, это ее право. В нашем конкурсе могут участвовать все, кто еще могут. А ну-ка, внученька! Это Пушкин!!! Ответ верный и все получают высший балл.

Теперь от живописи перейдем в наш концертный зал. Мы в тайне от вас подготовили маленький фрагмент короткой части небольшого музыкального произведения. Вам нужно будет узнать произведение и сказать, кто его написал. Задание понятно? Тогда дайте, пожалуйста, фонограмму. Спасибо! Ну, кто первый? Что? Когда будет музыка? Девушка! Музыка уже была. Но вы совершенно правильно подумали, что прозвучала каватина Родольфа из оперы Беллини «Сомнамбула». Нет, девушка, это не Пушкин. Он был в прошлом конкурсе. Но вы тоже где-то правы. Кто еще узнал? Я вижу, что все узнали одинаково и оказались на музыкальной высоте. Поэтому все получают высший балл.

И последний конкурс — традиционный, танцевальный! Но я вижу, что девушки устали, поэтому проводить его мы не будем. А, значит, оценивать его будете вы, дорогие телезрители. Пока вы это делаете, вместо девушек для вас спляшут солисты Большого театра Союза ССР.

Ну вот и все. Наш конкурс подошел к концу. Напоминаю, что все девушки сейчас на первом месте. Кто победит — решать вам! »...

Не судите строго этот, во многом несовершенный и наивный текст, прозвучавший в эфире Центрального телевидения, в самый разгар эпохи застоя, когда любое напоминание о чьем-либо преклонном возрасте партийная цензура считала подозрительным, а значит, недопустимым. Текст был написан любителем, а не юмористом-профессионалом. Прелесть и ценность нашего конкурса как раз и состояла в том, что все задания авторов передачи выполнялись нами абсолютно самостоятельно. То есть «Салют, фестиваль!» продолжил прекрасную традицию, заложенную еще в КВНе. Все, что писалось, говорилось, «шутилось» с телевизионного экрана — писалось, говорилось и «шутилось» исключительно самими участниками. И никем другим. Вернувшись в конце 80-х на большой телеэкран, КВН изменил сам себе. Соревноваться в остроумии стали профессиональные писатели-сатирики и профессиональные режиссеры, ставившие студентам якобы придуманные ими номера. И, ... все рухнуло. Любительская «игра» студентов, помноженная на плохое произнесение ими чужих текстов, убило КВН. Хотя и принесла огромные деньги тем, кто «прихватизировал» знаменитую когда-то, созданную молодежной редакцией ЦТ, передачу...

Но вернемся в 1978-й. «Салют, фестиваль!» во многом предопределил и изменил наши судьбы. Причем — кардинально. Например, автор этих строк после программы был приглашен в Москву работать на Центральное телевидение. В ту самую Молодежку, которая и сделала этот уникальный во многом телевизионный проект, давший начало целому направлению в профессиональном телевизионном творчестве.

Телевидением профессионально заболел не только я. Андрей Луковников стал одним из создателей целой серии уникальных спортивно-развлекательных и музыкальных телепрограмм, среди которых такие, как «Рискнуть и победить», «Наполним музыкой...», «Крутой маршрут» и т.д. Моя первая авторская программа на ЦТ называлась «Веселые ребята». Но по-настоящему звездной и знаменитой ее сделал мой друг и коллега Андрей Кнышев. Выпускник МИСИ и, естественно, КВНщик, он тоже был приглашен в Молодежку и, вместе с режиссером Виктором Крюковым, не только создал уникальное телевизионное шоу, новый телевизионный язык, но и стал профессиональным писателем, чьи «кнышутки» по достоинству оценивают все серьезные и не очень писатели, работающие не только в жанре юмора и сатиры. Убедиться в огромном таланте Кнышева легко — достаточно купить в книжном магазине, либо найти в интернете любую из его книг. В одной из них, кстати, собраны тексты, прозвучавшие когда-то в «Салют, фестивале!». Это знаменитая «Тоже книга» Андрея. В сети же много лет существует удивительная и веселая радиостанция «ЧипльДук», которую придумал и организовал Андрей Кнышев и к созданию которой имел отношение и Андрей Луковников. Подававший когда-то огромные надежды как талантливый молодой физик-теоретик, Александр Авдонин, сегодня — один из руководителей и организаторов всей культурной жизни Саратова и области, главный режиссер Саратовской филармонии. А вот свою детскую любовь к куклам Александр воплотил в созданном им «Театре Папы Карло», который возглавляет вот уже несколько десятков лет. Наш товарищ, представ-

лявший на конкурсе Литву Раймондас Бузялис после окончания юрфака университета не изменил профессии, и сегодня он — один из главных руководителей литовских правоохранительных органов. Елена Головкина-Тайц, единственная девушка, дошедшая до финала программы, тоже профессию не сменила — она ученый-химик. Причем достаточно серьезный и известный. Александр Федоренко — истинный одессит. После окончания Одесской консерватории связал свою жизнь с телевидением. Сегодня он один из самых популярных и уважаемых телеведущих незалежной... А еще — мы с ним оба преподаем то, что есть у них в Украине и когда-нибудь появится снова и у нас — Журналистику. Если вас судьба забросит в Одессу и вы захотите познакомиться с настоящей украинской телезвездой Александром Федоренко, то не знаю, как с ним лично, но с его голосом познакомиться можно, придя на стадион «Черноморец»! Саша там работает комментатором. Причем делает это так, что многие ходят на стадион исключительно для того, чтобы послушать его и насладиться тем, что в народе называют «одесским юмором».

Учитывая предварительный отбор, за путевки в Гавану соревновались несколько сотен прекрасных талантливых молодых людей со всего Союза. Побывать на Кубе удалось пятерым. Но каждый год все те, кого я упомянул, собираются 13 января в Москве, на традиционный сбор в гостеприимном доме Луковниковых. Правда, с Литвой и Украиной связываемся по телефону — кто ж знал, что так все случится... Но никто никогда не заставит нас отказаться от того, что родилось у нас в 4-ой студии Останкинского теле-

центра в далеком 1978 -м и продолжается уже, страшно сказать, сколько лет. А родилось у нас чувство огромного уважения друг к другу и к тем местам, где родился и вырос каждый из нас. Еще у нас есть пароль. И если кому-то из нас будет плохо, он знает — надо набрать номер любого из нас и сказать — «Салют, фестиваль!». И помощь придет. Обязательно...

ТА ТАГАНКА
(продолжение)

По дороге в театр к Любимову я пытался продумать, о чем я буду говорить с Мастером и как буду объяснять свой отказ. То, что надо поблагодарить «за доверие» и вежливо отказаться, я не сомневался. И не только потому, что тогда считал главным делом своей жизни «Взгляд» и не собирался его ни на что менять. Между собой мы, журналисты, наблюдая за поведением народных избранников по телевизору, пренебрежительно называли их «кивалами». Какую бы чушь тогда, впрочем, как и сегодня, не несли с высокой трибуны начальники, реакция депутатов была всегда одинакова — они сосредоточенно кивали головами и с воодушевлением аплодировали. Собственно, в этом и заключалась их работа. Затем они отоваривались сосисками в кремлевском буфете, дублинками и махеровыми шарфами в 200-й спецсекции ГУМа и разъезжались до следующего съезда. Это были времена тотального дефицита и всеобщего одобрения, то есть всеобщего и тотально-го вранья всех всем. Депутаты вали сами себе и окружающим про то, что они народная власть, которая управляет страной и от них чего-то зависит. А КПСС

врала народу, что она ему служит, а «рулит» страной народ. Народ же, как практически всегда в нашей истории, безмолвствовал: тихонько подворовывал и спивался. Появлению депутатов в Кремле предшествовали так называемые «выборы», которые собственно к ВЫБОРАМ никакого отношения в Советском Союзе не имели. Впрочем, в этом смысле мы давно вернулись к «совковым» традициям... Сегодня, как и тогда, официальная идеология страны — тотальная лож. И с ней смирились. Так же как с цифрами в 99,9% якобы поддержки советским народом «нерушимого блока коммунистов и беспартийных». Ситуация изменилась в корне в 1989 году с появлением Съезда народных депутатов СССР как полноценного, действительно, хоть и только наполовину (другая половина — как и раньше, состояла из «кивал» и партийной номенклатуры) избранного людьми, высшего органа государственной власти. Заседания съезда транслировались в прямом эфире, и их смотрела буквально вся страна. Какое-то время это было главным событием общественной и политической жизни 270-миллионного многонационального государства. Но вскоре стало ясно, что съезды — всего лишь «выпуск пара». Никаких радикальных изменений не происходило. Реформы не касались основ. Страна рушилась, а реальная власть по-прежнему находилась у КПСС и КГБ. В этих условиях идти в депутаты и самому стать «кивалой» мне казалось немислимым...

Обо всем этом я и думал говорить с худруком Таганки. Но не только об этом. По-настоящему меня серьезно заботило другое. Полгода назад Юрию Любимову вернули советское гражданство. А за год до это-

го — театр. Как все это перенесли и труппа, и Мастер, я не знал. Но помочь театру, если такая необходимость была, я был готов, предоставив Любимову свой взглядовский эфир. Сегодня хорошо известно, что ситуация в театре было более чем серьезная. Вот что об этом пишет В. Смехов все в той же книжке «Та Таганка»: «...восстановленный в правах гражданина страны и руководителя театра, Юрий Петрович чаще всего пребывал в отчаянии: состояние театра, количество и тяжесть проблем, а главное — беда в стране. Актеры ленивы и не хотят перемен. А Любимов, прямо скажем, находился в состоянии постоянной распятости. Жена, комфорт, контракты — на Западе. Духовный долг, друзья, свой театр — в России. Младший сын Петя, сердце отцовское, — на Западе, в гостях. Ум, душа, язык, интересы художника — дома. Там — чужой язык, чужие нравы, но ореол великого маэстро, изгнанника коммунистического режима. А на Родине — родные стены, но страшная распутица — и внешняя, и внутренняя. Там — бизнес и жестокий темп. Здесь — лохмотья нищеты и бескорыстная любовь к каждому слову экс-диссидента, никто никуда не спешит, все сидят и ждут, что он скажет нового...». Таганка в период вынужденной эмиграции Любимова пережила катастрофу, фактически клиническую смерть. Партийным и советским «трансплантологам» не удалась операция по пересадке. Живой театральный организм Таганки оторвал «чужеродное тело» нового худрука — гениального Анатолия Эфроса. Один Мастер не смог безболезненно и просто механически заменить другого Мастера. Сможет ли театр после всего этого зажечь полнокровной жизнью?

Не стала ли нанесенная рана смертельной? Я искренне хотел в этом разобраться.

В пустом фойе театра меня встречала замечательная актриса и общественная активистка Мария Полицеймако. Но мы с ней пошли не в кабинет главрежа, как я предполагал, а хорошо знакомой мне дорогой в зрительный зал, мимо фотографий актеров Таганки и четырех портретов духовных отцов-основателей — Константина Станиславского, Евгения Вахтангова, Всеволода Мейерхольда и Бертольда Брехта. Войдя в зал, я был поражен увиденным. Здесь НИЧЕГО не напоминало о Храме Искусства. О том Театре, попасть куда для многих было равносильно чуду, на сцене которого происходили удивительные превращения и преображения, а в переполненном зале боялись при этом не то что говорить — дышать! В освещенном лишь дежурным светом ОБЫЧНОМ помещении шло ОБЫЧНОЕ собрание ОБЫЧНОГО трудового коллектива. Судя по количеству людей, здесь были не только актеры, но и все технические и административные службы. Юрий Любимов, стоя спиной к открытой, без одежды, по-сиротски пустой и плохо освещенной сцене, печально выслушивал очередного выступающего. Увидев меня, он оживился и скомандовал: «Давайте об остальном договорим как-нибудь в следующий раз. Я хотел бы вам представить, да, собственно, вы и сами его видите. Прошу вас, дорогой Владимир Викторович, сюда. А пока вы идете, я хотел бы напомнить всем, что в марте этого года состоятся выборы в новый российский парламент. Мы находимся на территории Таганского района. Наш район и еще четыре — Перовский, Люблинский, Пролетарский и Волгоградский — обра-

зуют так называемый национально-территориальный округ под номером три. Вот мы и решили предложить лидеру «Взгляда» Владимиру Мукусеvu баллотироваться от нас по этому округу. Между прочим, в округе живет почти три миллиона человек. Коммунистам есть на кого опереться — один ЗИЛ чего стоит. А АЗЛК, Шарикоподшипниковый... Так что все очень серьезно и борьба будет не шуточная. Прошу Вас, Владимир Викторович, на сцену, возможно, к вам будут какие-то вопросы».

Я ожидал чего угодно — чаепития в кабинете, душевных разговоров, экскурсии по театру, но не этого. Не то чтобы я боялся сцены или мне нечего было сказать. Многочасовые встречи со зрителями «Взгляда», проходившие не только в домах и дворцах культуры всей страны, но иногда и в театральных залах, как было, например, в Одессе, когда я четыре часа общался с полным залом знаменитого оперного театра, научили меня не бояться сцены. Но ЭТОТ зал и ЭТА сцена, как и весь ЭТОТ театр, были особенными. В полной тишине или, как говорят артисты, «под стук собственных каблучков», на ватных ногах я поднялся на сцену и поглядел в зал. На меня достаточно равнодушно глядели в том числе и те, чьи спектакли, чьи роли в кино и в театре были мне известны и любимы чуть ли не с детства. Что я мог им сказать? Тем, кто слышал и слушал самых великих, знаменитых и талантливых людей искусства, культуры, науки, политики, спорта. Наших и зарубежных. Тем, кто много лет общался непосредственно с друзьями своего звездного шефа — с Петром Капицей и Владимиром Тендряковым, Натаном Эйдельманом и Сергеем Параджановым, Петром Якиром

и Марией Мейерхольд, Альфредом Шнитке и Булатом Окуджавой, Владимиром Войновичем и Владимиром Аксеновым, Андреем Вознесенским и Львом Копелевым, Владимиром Максимовым и Мстиславом Ростроповичем, Александром Галичем и Евгенией Гинзбург и т. д. и т. д. и т. д. Можно ли вспомнить хоть кого-нибудь из действительно ВЕЛИКИХ людей своего времени, который бы не бывал здесь и не выступал перед этими людьми. Я стоял на той самой сцене, которая сделала знаменитыми на весь мир этот театр и которую его актеры и режиссер прославили не только своим великолепным творчеством и талантом, но и своим мужеством и самоотверженностью. Я стоял в метре от того места, где за 10 лет до этого сидел с гитарой Владимир Высоцкий. И его Гамлет произносил — «гул затих, я вышел на подмостки...». А вскоре после этого, в июле 80-го, здесь стоял его гроб. И я, как и тысячи других, оглушенных и сплоченных общим горем людей, мог только тихо поклониться его праху и бросить на ЭТУ сцену цветы.

Пауза затягивалась и становилась неприличной. За спинами сидящих, по проходу, медленно, с опущенной головой, прогуливался режиссер моего приближающегося и неизбежного позора. И вдруг произошло чудо. Но не на сцене, а в зале. Сидящий где-то с краю, Вениамин Смехов, поднялся и начал что-то говорить. Что, я не понял. Его голос сопровождало какое-то многократное гулкое эхо. Но не в зале — оно рождалось у меня в голове. Уши как будто заложило ватой, а сердце бухало, как колокол. Мне почему-то вспомнилось, что так звучала общая баня, куда водил меня отец в далеком ленинградском детстве. Из друго-

го конца зала раздался голос Валерия Золотухина. Его перебил кто-то еще и еще. Наконец, я пришел в себя, стал различать слова и понял, хоть и не сразу, что мои любимые актеры произносят монологи героев своих различных ролей. Были даже стихи. Спасая меня, труппа импровизировала, сходу придумывала и играла ненаписанный спектакль «Депутат Таганки», все больше и больше сама увлекаясь и заводясь. Сцена и зал превратились как бы в два полюса, поменявшие знаки. Зал превратился в сцену. А сцена — в зрительный зал. И этот зал — был я, один... Сколько продолжалось это восхитительное и трогательное безумство, и сегодня щемящее мне душу при воспоминании, не помню. В какой-то момент опять наступила тишина и в ней торжественно, прозрачно и проникновенно зазвучали строки Пастернака:

*Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать.
И должен не единой долькой
Не отступаться от лица.
Но быть живым.
Живым и только.
Живым и только.
До конца.*

Зал встал и зааплодировал. То ли Смехову, прочитавшему великие стихи, по сути — наказ, то ли самому гениальному Автору, то ли всем участникам этого, только раз сыгранного, потрясающего спектакля. «Да что там, — перекрывая аплодисменты, воскликнул Валерий Золотухин, — кто за Мукусева — голосуй!».

И сам первым поднял руку. Со сцены мне было хорошо видно, что руки подняли практически все. Но тут из задних рядов раздался, как мне показалось, сильно раздраженный и явно недовольный голос Юрия Петровича. Любимов шел к сцене, показывая мне рукой, чтобы я спустился. «Что вы тут мне, убогие, устроили, — грозно спросил он, повернувшись, оторопевшему залу, — вы что, не понимаете, что это серьезное мероприятие и надо все отразить в протоколе. И что мы там напишем — стихи и то, что все были «за». Кто эту бумажку примет? Так что, голосуем — кто против?» Над стоящими людьми поднялась одна рука. Ее поднял Иван Бортник. Опять наступила пауза. «Позвольте спросить, почему?» — бросил Любимов. Голосом своего героя из «Места встречи...» — бандита Промокашки, Бортник проныл — «а он в трубу вылетииит!». Раздался взрыв хохота. Любимов устало и как-то безнадёжно махнул рукой, и все стали расходиться...

Вместе с Юрием Петровичем мы поднялись в его кабинет попить чайку и обсудить дальнейшие действия. Разговор начался с того, что я с удовольствием напомнил ему про нашу САМУЮ первую встречу. В далеком, 1963-м, мы познакомились с ним в одном из павильонов «Ленфильма». Режиссер Надежда Кошеверова снимала тогда картину «Каин Восемнадцатый». Главную женскую роль, принцессы Милады, она поручила сыграть тогда совсем юной актрисе товстоноговского театра, моей сестре Светлане. Я сбегал с уроков и болтался на студии целыми днями. Это была сказка. И не только потому, что создательница легендарной «Золушки» снимала очередной свой фильм-сказку и я мог непосредственно наблюдать, как это делается.

Главное — я мог свободно общаться с теми великими актерами, которые олицетворяли тогда для нас этот удивительный, впервые мною увиденный так близко, поистине сказочный киномир. Это были звезды тех лет: Лидия Сухаревская и Бруно Фрейндлих, Михаил Жаров и Рина Зеленая, Борис Чирков и Георгий Визин. А еще я сразу нашел общий язык с Александром Демьяненко, который по сценарию (и не только) был влюблен в принцессу, мою сестру. Мы стали друзьями на долгие годы. Премьер-министра сказочного государства, которым правил Король в исполнении Эраста Гарина, играл как раз Юрий Любимов. И мы частенько вместе пили чай в знаменитом ленфильмовском буфете. Причем он, как и почти все вокруг, был в гриме и костюме. Но это удивляло только меня.

С вниманием и удовольствием прослушав эту историю, Любимов воскликнул: «А вы помните, кто написал сценарий к этому фильму?». «Конечно, — ответил я гордо, — тот же, кто и написал саму пьесу «Голый король», которая легла в основу фильма». «Конечно, Шварц, но не он один, — перебил меня хозяин кабинета, — а вместе с великим Николаем Эрдманом. А теперь вспоминайте, что читал только что в зале Вениамин? Он читал Эрдмана! Его «Самоубийцу». Мы сейчас готовимся его ставить! Это поразительно, как все в этом мире связано и переплетено. Как все не случайно. Ведь я, кроме того, что вы придумали и делаете «Взгляд», а до него делали телемосты с Америкой, ничего другого про вас естественно не знал. А уж тем более, не помню нашу давнюю встречу на «Ленфильме»... Любимов замолчал, обвел взглядом свой кабинет, как будто увидел его впервые, и обратил мое внимание

на висящую на стене фотографию сцены из «Гамлета». «Владимир, а Вы помните занавес в «Гамлете»? Знаете, почему для депутатства мы выбрали именно вас, журналиста знаменитой передачи? Потому что ваш «Взгляд» — это и есть наш занавес. Он — живой герой, реальный сценографический образ спектакля под названием Перестройка. Вы, как и наш занавес от Гамлета, требуете от нас всех, от страны действовать, совершать поступки, не молчать и не созерцать. То, что вы сделали с Марком Захаровым, предложив похоронить Ленина, — это подвиг. Я не шучу и не преувеличиваю. Я в театре на это не решился. А вы смогли! Вы сказали об этом первым. Рано или поздно это будет сделано, и этот гнусный спектакль, где главный герой — труп государственного преступника, закончится. Только вряд ли мы это увидим. Я-то точно. Вы, может, и доживете. Вы все время своими материалами напоминаете нам о скоротечности времени. О том, что, если мы не постараемся сегодня сделать все от нас зависящее, чтобы поменять жизнь, время, история нам этого не простит. Она нас просто забудет. А теперь не про «Взгляд», а лично про вас. Вы много видели наших спектаклей? Нет? Жаль. Знаете, что объединяет многие из них? Мы пытаемся вернуть на сцену открытия, которые сделал еще великий Всеволод Мейерхольд. Мы соединяем театральную условность с правдой жизни. С ее реалиями. Наш замечательный художник Давид Боровский находит реальные бытовые вещи, знакомые всем нам по жизни, знакомые зрителю, несущие отпечатки судеб целых поколений. И они, эти вещи, играют наравне с актерами, оставаясь самими собой, приобретают при этом все новые и новые смыслы. Причем

не бытовые, а философские. Понимаете меня? Давид, например, правда не у нас, в спектакле «Валентин и Валентина» использовал панцирные кровати. А кто из нас на них не спал. Особенно в молодости? Старые двери петербургского дома в «Преступлении и наказании» по Достоевскому, камуфлированный кузов и доски от фронтального грузовичка в «Зорях», настоящую карету и возок в пушкинском спектакле «Товарищ, верь...». Все эти вещи, знакомые каждому с детства, заставляют зрителя не просто сопереживать, а жить с нами одной жизнью, вызывают личные воспоминания. Вещи равны людям и живут, как и они, такой же одухотворенной жизнью. Могу привести еще десятки примеров. Мы с Боровским сделали вместе более 20-ти спектаклей и постановок. Вы наверняка видели «Мастера и Маргариту», «Мать», «Дом на набережной», «Бориса Годунова» и так далее. А вы знаете, что в «Гамлете» в сцене с могильщиками у нас земля настоящая. А в «Павших и живых» — настоящий «Вечный огонь». Живые вещи на сцене иногда становятся для актеров камертоном подлинности и правды. К чему я все это? А вот к чему. Кремль, куда мы вас посылаем, — это абсолютная условность. Это гигантская сцена. Так вот мы хотим, чтобы вы, живой, настоящий, вдохнули жизнь в эту условность, оживили эти мертвые стены. Сделали с властью то, что вы делаете со страной своим «Взглядом», а мы своими спектаклями... Ну, что же вы молчите? Как Вам наша идея? Я молчал. Сказанное Мастером требовало осмысления. Конечно, я восхищался тем, что делал художник Боровский. Но главным-то для меня на Таганке был все равно Любимов. Сравнение «Взгляда» со знаменитым занавесом Боровского из «Гамлета» было ошеломляющим...

Как и, вероятно, большинство обычных зрителей, приходящих в театр или концертный зал, я оценивал происходящее на сцене по своеобразной схеме — общее впечатление, далее — главное действующее лицо (актер либо солист или коллектив, если это концерт), далее — режиссер и только потом, отдельно, оформление всего увиденного. То есть работу художника. Но если имена актеров, режиссеров, эстрадных исполнителей всегда на слуху, они хорошо знакомы, то художники остаются зачастую как бы в тени. Хотя, если покопаться в памяти, то из студенческого далека, из курса истории искусств, возникают фамилии титанов знаменитой российской школы живописи, которых еще до возникновения императорских театров хозяева частных антреприз привлекали к оформлению своих спектаклей. Эта традиция жива и поныне. Вспоминаются великие имена: Васнецов и Коровин, Бенуа и Бакст, Головин и Рындин, Кочергин и Бархин, Серов и Шагал. И, конечно, уже упоминавшийся Боровский и Мессерер, Левенталь и Шемякин. И еще Мария Рыбасова, народный художник России. Хрупкая, небольшого росточка, почти прозрачная, но огромного таланта, удивительная художница, чьими работами восхищаются зрители лучших театров. Наших и зарубежных. И еще, она — многолетний друг нашей семьи. В нашем доме висит на стене ее небольшой эскиз декораций к спектаклю «Золушка», когда-то поставленного в Минском русском драматическом театре им Горького. И от этой картины у нас в доме стало тепло и уютно... Возможно, вы вспомните других художников, работы которых вас когда-то потрясли и заставили задуматься.

Но боюсь, что мы сообща назовем таких фамилий еще максимум с десяток. А ведь у нас в стране ежедневно распахивают двери сотни, если не тысячи театров, концертных залов и других заведений культуры, на сценах которых идут представления. И везде работают мастера своего дела — художники, сценографы, постановщики. К сожалению, их имена звучат значительно реже. Их знают меньше. Хотя их вклад в успех происходящего на сцене зачастую нисколько ни меньше, а то и больше, чем других творцов...

Хорошо помню, как я впервые осознанно стал искать в театральной программке после спектакля имя художника. Было это в родном Ленинграде в 1966 году. Наш класс учительница по литературе очередной раз вела в театр. На этот раз мы шли в БДТ, тогда еще имени Горького, смотреть «Горе от ума» А. С. Грибоедова, обязательное произведение из тогдашней школьной программы. Спектакль идет уже минут десять. На сцене какие-то тетки в дурацких платьях монотонно бубнят стихи. Скукотища смертная. Даже алюминиевые номерки бросать якобы случайно на пол и нарочито громко чихать и кашлять надоело. И ведь не сбежишь — учительница сидит рядом и грозно поглядывает на нас, шушукающихся и глупо хихикающих над всем происходящим. И вдруг все резко меняется. Мы замороженно затихаем и замолкаем, потому что на сцену не входит, а буквально врывается Чацкий и мы слышим вроде бы хрестоматийное: «Чуть свет уж на ногах! И я у ваших ног...» Но, что удивительно, он произносит знакомый текст и одновременно снимает накидку, цилиндр, перчатки, а, главное, не идет — буквально летит! А на сцене

все, кто там был, продолжают уныло и скучно стоять. Эффект был потрясающий. С первых же секунд появления Чацкого — Юрского мы безусловно поверили ему и тому, что действительно это он «сорок пять часов, глаз мигом не прищуря, верст больше семисот пронесся — ветер, буря...» В оцепенении мы просидели практически все первое действие — и так до конца спектакля. Много позже я узнал, в чем был фокус. Режиссер использовал поворотный круг не по прямому назначению, замене декораций для очередной картины, а сделал его непосредственным участником действия. По кругу и шел главный герой пьесы. Метафора создателей спектакля была очевидной для зрителя — свежая струя врывается в затхлое болото царской России... Уже выходя из зала в фойе, все еще находясь под впечатлением от увиденного, я услышал разговор двух пожилых питерских театралок, обсуждающих у меня за спиной спектакль. «А каков художник, — восклицала одна из них, — что он сделал с Юрским? Как он появился?» «Да, да, — в тон первой отвечала вторая, — эта была просто ожившая картина! Действительно, он — большой художник...» Я остановился и открыл театральную программку. Мне очень хотелось знать, кто же это тот самый «большой художник», так потрясший воображение не только этих милых немолодых дам, но и меня — школьника. И на последней странице я прочитал: постановка и ОФОРМЛЕНИЕ — Г. А. Товстоногова. Так вот в чем был секрет. Режиссер и театральный художник, каким был Георгий Александрович, соединились здесь в одном лице и сотворили вместе чудо. Ту самую — «ожившую картину» ...

Еще одна история. В 1971 году Московский театр имени А. С. Пушкина готовился к премьере. Главный режиссер Борис Равенских ставил спектакль по мотивам произведений Николая Островского. В основе, конечно же, лежал знаменитый роман писателя, обесмертивший его имя, «Как закалялась сталь». Тоню Туманову играла моя сестра Светлана, а главного героя, Павку Корчагина, ее муж, Алексей Локтев. Я приехал на премьеру из Ленинграда, но даже меня, родственника, провели в театр с трудом. И не только потому, что был аншлаг и лишние билетки спрашивали еще на улице Горького у метро (сегодня — Тверская). Ждали министра культуры, знаменитую своим взбалмошным характером, непредсказуемыми решениями и поступками Екатерину Фурцеву. Все было забито людьми из свиты и перекрыто охраной. И меня с трудом разместили в ложе осветителей. Спектакль начался, занавес открылся, и зрители оказались как бы в начале дороги, которая зигзагом от авансцены уходила за горизонт. Но главное было в том, что все повороты этой дороги были отмечены то ли верстовыми, то ли телеграфными черными столбами, в виде винтовочных штыков, вырастающих из земли и буквально пронзающих голубое небо. На этой своеобразной дороге жизни и разворачивались все драматические события легендарной истории Павки Корчагина. «Драматическая песня» — так называли авторы спектакль, он заканчивался монологом главного героя, звучащим на фоне прекрасной песни Давида Тухманова и Михаила Ножкина в исполнении Галины Ненашевой «Я люблю тебя Россия». И в финале та часть сцены, на которой стоял главный герой, вдруг неожиданно как бы вырастала из пола,

поднималась, превращаясь в небольшой постамент. А сам Павка Корчагин становился скромным памятником не себе, а всем молодым ребятам, поверившим и принявшим как самое дорогое в жизни идеалы революции. И пройдя тяжелейшие испытания от «одного штыка до другого», в большинстве своем погибли. Много раз я приезжал в Москву, чтобы не только навестить родных, но и посмотреть знаменитый спектакль, знал его наизусть. И каждый раз в дороге со штыками находил все новые и новые смыслы... Прошло много лет. Нет уже на свете тех, кто его придумал, поставил и сыграл. Но та дорога и штыки, тот памятник в конце так и стоят у меня перед глазами. Мы все, наша несчастная Родина и сегодня, как 100 лет назад, живем, идя не по прямой и светлой дороге, а мечемся от края к краю, от штыка к штыку. Горькая метафора бессмысленности жизни, проведенной в борьбе за призрачное счастье, приведшей к гибели миллионов прекрасных людей, была понятна и тогда, как понятна и сейчас. Да, создатели спектакля и прежде всего режиссер и художник шли ва-банк, прекрасно понимая, что власть не сможет не среагировать на эту очевидную крамолу. Но как она это сделает — закроет спектакль? И тем самым вызовет нежелательные эмоции, разговоры, едкие комментарии «вражеских голосов» и непредсказуемую реакцию интеллигенции? Или поступит по-другому? Власть оказалась мудрее. Спектакль «Драматическая песня» был удостоен Государственной премии СССР. А ее лауреатами стали режиссер Борис Равенских, актер Алексей Локтев и художник Василий Шапорин.

Придя работать в Останкино, в Главную редакцию программ для молодежи Центрального телевиде-

ния, я стал работать в том числе и с теми, чьи фамилии никогда не пишутся первыми в титрах, идущих после телевизионных передач. Но чей труд виден всем и зачастую чей вклад в успех программы куда значительней, чем других ее создателей. Я имею в виду телевизионных художников-постановщиков. Абсолютное большинство из них — прекрасные живописцы, графики, портретисты, прошедшие еще и суровую школу оформления театральных и эстрадных представлений. Но на телевидении их задача по оформлению увеличивается многократно. Дело в том, что зритель в театре видит декорации непосредственно из одной точки, издали, даже сидя в первом ряду. В телевизионном варианте того же действия, например, спектакля, благодаря возможностям телевизионной техники — так называемым «наездам» (использование трансфокатора телекамеры), у зрителя есть возможность рассмотреть мельчайшие детали декора. Даже если декорация — лишь фон, на котором мы видим крупный план актера либо участника телевизионного шоу. То есть зритель видит не декорацию, а ее изображение, прошедшее электронную обработку, электронный тракт-телекамеру, монтажную аппаратную, передатчик, антенну и только потом сигнал, то есть картинку в своем телевизионном приемнике. И если художник сделал свою работу небрежно или не учел, создавая декорации и костюмы, движение камеры, особенно при многокамерной съемке и прямом эфире, не предусмотрел особенности освещения и манеру работы операторов и режиссера, весь этот брак проявится на телеэкране немедленно. Для того, чтобы избежать ошибок в передаче изображения, наши художники — Юрий Тру-

севич и Таня Беляева, Сергей Резников и Лида Уварова, как и другие их телевизионные коллеги, были вынуждены заливать дополнительным светом свои декорации, чтобы передать на экран то изображение, которое они так тщательно и кропотливо вырисовывали в своих эскизах. В итоге, участники передачи либо актеры телевизионных спектаклей уже через 15 минут покрывались потом. Или «блестели» — на телевизионном сленге. Осветительная аппаратура во времена аналогового телевидения была такая, что жар от ламп и прожекторов немедленно нагревал воздух в студии до 30-40 градусов. Кондиционеров и даже вентиляторов тогда не было. Съемки периодически приходилось останавливать, чтобы гримеры могли поправить грим участникам передачи и элементарно вытереть им пот с лиц. Но и это еще не все. Как ни старались художники сделать картинку яркой, сочной, четкой, это у них не получалось еще и потому, что в момент перехода советского телевидения с черно-белого на цветное мы традиционно «дружили» с кем угодно против Америки. И для создания сигнала и воспроизводства цветного изображения мы выбрали французскую систему SECAM, а не общепринятую в Европе PAL или американскую NTSC. Как следствие, любой цвет, которым в студиях для оформления декораций пользовались наши художники, превращался на экранах советских телевизоров в отвратительный желто-зелено-коричневый. Или «бурдовый», как называли мы такой цвет во времена дворового ленинградского детства. И с этим уже ничего нельзя было сделать. Но были и очевидные, несмотря ни на что, победы. Классический пример — программа нашей молодежной редакции «Что?

Где? Когда?». Всем известно, что ее создал замечательный телевизионный режиссер Владимир Ворошилов. Но мало кто знает, что Владимир Яковлевич до того, как прийти на телевидение, работал театральным художником. Идея программы-викторины зрела у него несколько лет. Сделав пилотный выпуск, он, в качестве «распределителя» и «выбирателя» вопросов, выбрал принцип, заложенный в хорошо известной игре в рулетку. Разразился грандиозный скандал. Ворошилова обвинили чуть ли не в идеологической диверсии против советского народа. Особо рьяные защитники «коммунистических идеалов» из числа телевизионных руководителей среднего звена требовали крови, то есть немедленного увольнения режиссера. Но Ворошилов не хотел сдаваться. Он чувствовал, что решение близко. Но как заменить главное — ту самую злосчастную «буржуазную гадость» — рулетку. Однажды, покупая ребенку игрушку в Детском мире, Ворошилов обратил внимание на знакомую с детства юлу с приделанной к ней лошадкой. «Я, как замороженный, — рассказывал Владимир Яковлевич, — глядел на эту юлу и понимал, что решение найдено». Буквально через неделю Ворошилов предложил новый вариант программы, в которой главным действующим лицом была фактически та же самая рулетка, но в виде обыкновенной советской детской игрушки. Критикам и недоброжелателям пришлось замолчать и отступить. ХУДОЖНИК Ворошилов спас РЕЖИССЕРА Ворошилова. А игра, придуманная им, живет и здравствует много десятилетий. Живет, во многом благодаря замечательным продолжателям его дела. Но если Наталью Стеценко и нынешнего ведущего программы ее сына Бориса

Крюка знают все, то удивительную пару — журналиста, моего наставника когда-то, Викторину Селиванову и ее мужа, блестящего юриста Владимира Балашова знают только в узких телевизионных и околотелевизионных кругах. А ведь благодаря именно им, все свои силы положившим на укрепление информационного и правового фундамента не только легендарной передачи, но и телекомпании «Игра» в принципе, Дом, который построили Ворошилов и Стеценко, стоит. И он не подвластен любым бурям, периодически проносившимся над ним. И играют в эту удивительную, НАШУ игру сегодня во всем мире...

Вспомнив историю с Ворошиловым, я невольно вернулся мыслями к тому, с чего начал этот рассказ. С великого Давида Боровского. С бессмысленной попытки разобраться и понять, кто же в театре главнее — режиссер или художник. Такой же по сути бессмысленной, как вечная борьба за первенство между курицей и яйцом...

ТА ТАГАНКА

(окончание)

Любимов в задумчивости подошел к стене с автографами, долго смотрел на нее, а потом показал мне на крошечное пустое место чуть выше и правее знаменитой надписи, оставленной Андреем Вознесенским — «все богини, как поганки перед Бабами с Таганки». «Когда-нибудь, — сказал Мастер, — вы напишете книгу о телевидении, о своем «Взгляде» и наверняка вспомните о всем том, что сейчас произошло в нашем зале, и о нашей с вами первой встрече в Ленинграде,

и об Эрдмане, и о многом другом. Мне почему-то кажется, что вы победите на этих выборах. Но даже если проиграете — неважно! Вы принесете книгу сюда, я дам вам фломастер, и вы, с полным правом, сможете написать все, что вам угодно и, главное, подписаться — депутат Таганки Владимир Мукусев. И это будет — правда. Мы выбрали вас и, очевидно, не случайно. А там — пусть Бог решает, а вернее, люди...».

Прошло почти 30 лет. Я написал книгу о телевидении. И уже не одну. Но только в этой я позволил себе вспомнить мою удивительную «театральную таганскую историю». И то исключительно и благодаря пожеланию моего большого и настоящего друга Вениамина Смехова. А вот подарить ее тому Гиганту, который когда-то предсказал ее появление, уже не смогу. Как, вероятно не смогу оставить и свою подпись на знаменитой стене в знаменитом кабинете знаменитого режиссера, к огромному сожалению, НЕ знаменитой сегодня Таганки...

Если бы я писал письмо, то впору было бы ставить две заветные буквы P. S. В том смысле, что пора подводить итог. С подачи Юрия Любимова и коллектива Театра на Таганке я стал сначала народным депутатом РСФСР, а затем и депутатом Верховного Совета России. Не сразу, но постепенно, в театре не осталось тех, кто бы пожалел о своем выборе. Помогал всем, как мог. Для моих «депутатских приемов» Юрий Петрович отдал мне свой кабинет. Но вот что странно. Туда ко мне приходили только работники цехов, обслуживающий персонал, монтажники, рабочие сцены и люди многих других профессий, те, кого не видят зрители, но кто являются полноправными создателя-

ми этого великого таинства под названием спектакль. Вероятно, для них я был кем-то вроде начальника, как собственно и сам хозяин кабинета. А вот «господа артисты» договаривались со мной о встречах где угодно, только не в стенах родного театра. Причем о встречах тайных. Чаще всего это был ресторан «Кама», находившийся буквально рядом с театром. И вскоре администраторы организовали даже специальный столик в углу для меня и собеседника с постоянной табличкой «резерв». А вот с Борисом Хмельницким мы встречались и находили способы решения его проблем чаще всего в... бильярдной Дома кино. Валерий Золотухин несколько раз был у меня на депутатских приемах в знаменитом здании на Моховой, в приемной Верховного Совета, где, как говаривал поэт, «... уже не баловал Калинин Кремлевским чаем ходячков». Он ничего не просил для себя. Ему, как настоящему Художнику, Актеру, было интересно все то, что могло пригодиться ему в работе над очередной ролью. Он тихонько сидел часами в уголке огромного кабинета, так, чтоб его не было заметно, и что-то постоянно записывал в свою книжицу, слушая печальные, а иногда и драматические истории людей, которые ехали «за правдой» в Москву к депутату Мукусеву. Бывал он у меня и в Белом доме — в здании Верховного Совета. И однажды попросил у меня разрешения расположиться у входа в зал пленарных заседаний — «у меня книжка вышла. Хочу твоим коллегам подарить несколько экземпляров». Мы организовали столик для книг и... очередное заседание началось с большим опозданием. Всем депутатам хотелось получить книжку с автографом любимого артиста. Они же заставили автора не да-

рить, а продавать им свои книжки. И с удовольствием платили за них.

Через какое-то время я стал своеобразным «доверенным лицом» или «поверенным в делах» многих артистов театра. Их всех объединяло то, что, решая на сцене, в образе своих героев, грандиозные, порой неразрешимые проблемы, встречаясь в жизни, в быту с проблемами повседневными, реальными, решить их они не могли. Конечно, билетик на спектакль в театр на Таганке был в то время дороже любых денег, своеобразной и очень дорогой валютой, чем-то сродни «золотому ключику». Но он «открывал» далеко не все двери. И актеры, несмотря на то, что Любимов делал многое, чтобы помочь своим, годами не могли, например, решить проблему жилья. У чиновников срабатывал инстинкт самосохранения. Билеты они брали, «решить проблему» обещали, но... не делали для этого ровным счетом ничего из-за боязни перед своим начальством. «... А вдруг кто-то наверху узнает о том, что я помогаю артистам мятежного театра. И что тогда будет? Лучше в это дело не влезать...» — вероятно рассуждали они. Я писал многочисленные письма, обращения, сидел на бесконечных заседаниях районных жилищных комиссий, ходил по разным кабинетам, В итоге мы сыграли в театре не один десяток новоселий. Хотя, конечно, сделать все и помочь всем — я не успел. Но все это были хоть и мешающие жить, но все-таки мелочи, по сравнению с той огромной бедой, которая надвигалась на театр. Я говорю о расколе труппы и фактической агонии коллектива. Прекрасно понимая, что я не имею никакого права, никакой возможности, ни моральной, ни физической, каким-то образом

влиять на события, а тем более помочь предотвратить неизбежную катастрофу, я оставался, к сожалению, лишь сторонним наблюдателем за происходящим. Тем более, что передо мной встала другая труднейшая задача — сохранить за стихийно возникшей уникальной группой энтузиастов помещение в доме в конце Таганского тупика, существовавший тогда уже не первый год, хоть и на «птичьих правах», музей Владимира Высоцкого. Настоящую, а не шуточную войну за право на музей возглавляла мама детей Высоцкого, сама замечательная актриса и красавица (достаточно вспомнить хотя бы ее роль в фильме «713-й просит посадку»), Людмила Абрамова. Но сил ее явно не хватало. За обладанием не просто какого-то расселенного дома, а огромного куса поистине золотой земли, целого квартала в центре Москвы, боролись серьезные, в том числе криминальные структуры. Никто не хотел уступать, и война обещала стать кровавой. Все мои попытки привлечь к решению проблемы руководство российского Верховного Совета оказались безрезультатными. На словах — помочь «Дому Высоцкого» хотели все. Но все сводилось к пустым обещаниям и объяснениям бездействия типа: «это дело Москвы». Не буду вспоминать, через что нам с Людой пришлось пройти. Главное было сделано, мы победили. И сегодня любой желающий может убедиться в этом: «Дом Высоцкого на Таганке» есть! И это не просто дом — а настоящий научный центр по изучению и сохранению для потомков колоссального наследия творчества великого поэта и гражданина России. И находится он не в каком-то тупике, а на улице Владимира Высоцкого. И возглавляет его не кто-нибудь, а Никита Высоцкий, в чем тоже

огромная заслуга его матери Людмилы Абрамовой-Высоцкой. Я горжусь тем, что именно в этом Доме у нас с Людмилой родилась идея отмечать дни рождения Высоцкого 25 января каждого года. И первый такой праздник мы устроили в Театре на Таганке еще в 1991 году. За праздничный стол, установленный на сцене, я пригласил и усадил родных Владимира Высоцкого и тех, кто с полным правом мог назвать себя его ближайшими друзьями. Несмотря на мои личные приглашения, на праздник не приехало ни одной съемочной телевизионной группы. Никто не верил, что у нас что-то получится и что это кому-то будет интересно. Но все получилось. Чему очень помогла близкий и большой друг мне тогда — Алла Пугачева. И на следующий год мы провели день рождения Высоцкого еще с большим размахом, но уже на сцене родного для меня Дома журналистов на Никитском бульваре. И тогда же мы приняли решение учредить специальную премию имени Владимира Высоцкого. И вручать ее раз в год 25 января тем, о ком писал Высоцкий, — героям его песен. Имя Высоцкого открывало нам любые двери, и мы устраивали эти праздники, не получая и не тратя на их организацию практически ни копейки. И тут нашлись те, кто решил «исправить» эту нашу очевидную недоработку. Шустрые ребята, прибравшие к рукам Останкино, поняли, что на Высоцком можно очень даже хорошо заработать. Присвоив нашу идею, они сделали свой, как теперь это называется «проект», и назвали его «Своя колея». Что ж, Бог им судья. В конце концов, главное в другом — имя Высоцкого не забыто. Его песни помогают многим и сегодня понять не только то, что происходило в стране, в которой жил

и творил их создатель, но и то, что происходит с ней сегодня. И к чему все это неизбежно приведет...

ГДЕ МОЙ ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ

Когда о 90-х говорят как о годах лихих, я не могу с этим не согласиться. Хотя бы потому, что в борьбе за Дом Высоцкого мне пришлось встретиться, пусть не лично, с серьезным криминалом. А история была такая.

Имя Высоцкого и слово Таганка так давно и так тесно связаны друг с другом, что разделить их практически невозможно. И так думают все те, кто приходит сегодня в Дом-музей Высоцкого на Таганке. Большинство абсолютно убеждены, что это ТОТ дом, где жил и творил их кумир, это ТОТ двор, где прошло его детство, и это ТА подворотня, из которой он ушел в большую, взрослую жизнь, а, по большому счету, ушел в легенду, в вечность... Как же разочарованы бывают посетители музея, когда узнают, что к этому дому сам Владимир Семенович практически никакого отношения не имел. И если бы не итальянские киношники, которые хотели снять Высоцкого на фоне старой Москвы, а из-за занятости артиста (нужно это было делать быстро, поэтому работали недалеко от театра) они выбрали для съемок двор в Таганском тупике, может быть, музей Высоцкого был бы в другом месте...

Сразу после похорон Высоцкого, летом 1980 года у друзей, коллег и поклонников поэта возникла естественное желание увековечить его память. Но кроме спектакля-реквиема в родном театре, спорного памятника на могиле и мемориальной доски на доме

на Малой Грузинской, 28, сделать фактически ничего не удалось. Что и понятно — имя Высоцкого у власти вызывало разные чувства одновременно — страх и восторг, лютую ненависть и мистическое уважение. Этот жуткий коктейль ставил крест на любых попытках что-то сделать «... для Володи!». Так было до 1989 года, пока новая власть страны, а точнее, Совет Министров СССР по личному указанию Михаила Горбачева, не приняла решение о создании музея. А до этого Советский Фонд Культуры учредил благотворительный фонд и открыл счет для пожертвований. Был также создан Попечительский совет, в который вошли такие знаменитые люди, как директор музея Пушкина Ирина Антонова, ректор Московского историко-архивного института Юрий Афанасьев, родители Высоцкого — Нина Максимовна и Семен Владимирович, летчик-космонавт Георгий Гречко и многие другие замечательные люди. К сожалению, дальше разговоров и сбора пожертвований дело не пошло...

Люди со всей страны слали в Москву, привозили и приносили сами в театр на Таганке все то, что им было дорого, то, что связывало их с памятью о любимом поэте и актере: пленки с записями концертов и встреч, фотографии, картины, билеты, афиши, документы, бюсты, скульптуры, рукописи воспоминаний и т. д. и т. п. Хранить все это народное богатство было просто негде. А главное — невозможно было инициативной группе полноценно работать, разбирать и систематизировать архивы, изучать огромное творческое наследие Владимира Высоцкого. Вот тогда-то и родилась счастливая мысль — занять одну из выселенных квартир во дворе дома в конце Таганского тупика, а там, как получится.

Продолжать, например, добиваться на нее разрешения у властей Москвы. Тем более, что вот она, та самая стена, рядышком. ТА, у которой стоял и давал интервью сам Высоцкий. Значит, это — ЕГО стена, ЕГО двор, ЕГО квартира, ЕГО ДОМ. Авантюра, скажете вы, незаконно! Может и так... Но ведь цель-то была какая!

А на дворе стоял уже 1991-й год. Последний год в истории СССР. И всем, во всяком случае, многим, особенно тем, кто был во власти, было не до Высоцкого. Точнее — не до его музея. Вот тут-то и обратилась ко мне за помощью замечательная женщина, удивительно глубокий, смелый и мудрый человек, мама Никиты и Аркадия Высоцких, актриса Людмила Абрамова. Именно от нее я впервые услышал о том серьезном давлении, которое испытывает музей. Но не со стороны власти, а со стороны криминала. Нет! Бандиты не были против Высоцкого. Они даже считали его «своим» и были убеждены, что тот «чалился» на зоне. Ничего личного! Просто им нужен был весь этот дом, а точнее, квартал. Чего хотели они там строить — то ли шикарные квартиры для себя, то ли офисы под сдачу, то ли квартал казино и «красных фонарей», сейчас уже не важно. Важно, что никакой музей со всеми работавшими там «ботаниками» им был не нужен. О чем они недвусмысленно предупреждали всех, и прежде всего саму Людмилу. Дескать, не освободите помещение, окажетесь там же, где Высоцкий. Мы начали действовать по отработанной схеме — письма, обращения, личные встречи, телефонные звонки по так называемой «вертушке», то есть спецсвязи и т. д. Что-то получилось и довольно быстро. У будущего «Дома Высоцкого» вскоре появилась еще одна квартира. Причем вполне законно. А потом еще и еще.

Но в какой-то момент я почувствовал, что мой депутатский мандат и мое «взглядовское» лицо — не срабатывают. Нам не отдавали дом целиком. Причем толком не объясняя, почему. Ответ на этот вопрос я получил достаточно неожиданно. В начале 1992 года меня пригласили на, как было сказано, «специальное, закрытое заседание руководства Верховного Совета». Я спустился из своего кабинета на 16-м этаже Белого дома в кабинет Хасбулатова и увидел там достаточно представительную компанию. Это были сам Руслан Имранович, Владимир Шумейко и Сергей Филатов. За столом сидел и еще один человек, как сказал председательствующий Хасбулатов: «Это, уважаемый Владимир Викторович, полковник такой-то. Он представляет серьезную организацию, и даже не одну, которые занимаются нашей с Вами охраной, защитой и безопасностью. Ну, Вы понимаете... Так вот он, собственно, по Вашу душу». Суть сказанного неулыбчивым гостем была такова: «криминальные структуры смирились с потерей «Дома Высоцкого». Но это не значит, что они забыли и простили того, кто, по их мнению, в этом виноват. То есть — вас. Есть информация, что вас заказали. Потенциальных заказчиков мы вычислили, они фактически нейтрализованы. А вот с исполнителями сложнее. Вероятно, приказ уже отдан и деньги заплачены. А в том мире положено их отрабатывать. Поэтому вам нужно принять соответствующие меры.» Полковник сел. Все, чем я мог прервать наступившую паузу — это моим смешливо-издевательским «ну и?..». Встал Сергей Филатов и зачитал некий документ, содержание которого я, естественно, не помню дословно, но одно выражение в конце врезалось мне в память. Причем своей стилистической несуразностью. «... в связи с вы-

шеизложенным (до этого говорилось о некоей реальной угрозе моей жизни) президиум принял решение ВЫДЕЛИТЬ депутату Мукусеву В.В. оружие (пистолет Макарова) и необходимое и достаточное количество боезапаса (патронов) для САМОСТОЯТЕЛЬНОГО решения проблем его САМООБОРОНЫ». Кто будет определять «необходимость» и «достаточность», и что такое «самостоятельная самооборона», не объяснялось. Мне был вручен пистолет в белой кобуре с ремнями для ношения под мышкой, две полных обоймы и удостоверение, вернее, красная книжечка с крупной золотой надписью «разрешение» с номером 000030. Все это казалось мне каким-то бредом, безумием. В голове, совершенно не к месту, звучали слова из песни Высоцкого: «... а где твой черный пистолет? На Большом Каретном!». Идиотская улыбка, вероятно, не сходила с моего лица, потому что гость в погонах под пиджаком снова встал и абсолютно серьезно произнес: «Мы сделаем все, чтобы обезопасить вас и вашу семью. Но вы, Владимир Викторович, должны знать, что мы можем и не успеть. Оружие должно быть с Вами и днем и ночью. Мы знаем, что вы, как офицер запаса, умеете им пользоваться. Да и ваши командировки на многочисленные войны, вероятно, не прошли для вас даром. Но все-таки прошу вас по четвергам приезжать на нашу базу, где можно будет потренироваться вместе с нашими "профессионалами"» ...

С этого момента у меня началась другая жизнь. Это сегодня, благодаря бесконечным бандитско-ментовским телесериалам, «человек с ружьем» — привычная картина. А в то время отношение к оружию было иным. Я, например, не мог в зале заседаний Верховно-

го Совета, и вообще везде, где присутствовали люди, снять пиджак, не напугав их при этом своей амуницией. Сейф у меня был только в кабинете, где я и хранил оружие, но дома-то или на даче сейфа не было. И мне приходилось находить самые немыслимые места для хранения моего «защитника». Правда, было и хорошее во всей этой истории. Уже через полгода еженедельных тренировок, действительно с настоящими профи, я достаточно прилично стрелял с обеих рук. Однажды мне это умение очень даже пригодилось для того, чтобы «решить вопрос» на бандитской стрелке. Каким-то негодям приглянулась квартира, которую получила наконец, после многолетних мытарств и унижений, друг нашей семьи, к сожалению, ушедшая от нас актриса Люба Полищук. Вернее, это была даже еще не квартира, а требующее огромных вложений и капитального ремонта помещение на первом этаже дома на Патриарших прудах. С неоштукатуренными кирпичными стенами, без пола и сиротской электрической лампочкой под голыми потолочными перекрытиями. Звук выстрела, раздавшийся в ночной тишине на Патриках, резко остудил пыл шантажистов. Происшествие попало в соответствующую сводку. И на следующий день этой историей заинтересовалось руководство московской прокуратуры и московской милиции. В результате бандиты очень пожалели, что жертвой своего рейдерства они выбрали квартиру нашей любимой Любаши. И хоть в итоге мы отпраздновали новоселье по другому адресу, поднимали мы тост и за моего боевого «помощника». Со временем пистолет Макарова, который офицеры презрительно называют «пукалкой, способной только помочь убить себя», заставил меня поверить, что

им действительно можно защищаться. К счастью, этого не потребовалось. Так я и проходил с оружием весь срок своего депутатства. Хотя, по совести, кто кого, он меня или я его, защищал больше, я так и не понял. В августе 1993-го, перед поездкой в воюющую Югославию в ранге Председателя специальной парламентской Комиссии, собираясь искать моих пропавших друзей и коллег, журналистов Виктора Ногина и Геннадия Куриного, не зная, как обернется дело, я сдал пистолет, оставив разрешение себе. Как оказалось, на память. По понятным причинам, Макарова я больше не увидел. Вернувшись с одной гражданской войны, я попал на другую, но уже в Москве. В октябре 93-го нас расстреляли. И не из пистолетов. Интересно, где сейчас мой ПМ-1746. Кого он сегодня охраняет...

ДЕПУТАТ ТАГАНКИ
(окончание)

А еще у меня, как у Депутата Таганки, был огромный московский округ с миллионом проблем. Проголосовало за меня почти два миллиона москвичей, выбрав из тринадцати кандидатов. Каждый из которых был прекрасным и достойным человеком. Борьба и впрямь, как предполагал Мастер, была серьезной. С моей стороны она была честной и бескомпромиссной. И это несмотря на чудовищное сопротивление власти, провокации подотчетных ей силовых структур и прежде всего КГБ. В итоге я попал в новый российский парламент, как и те, кого выбрали люди, а не «начальники» с их деньгами, связями, административным ресурсом, вбросами, каруселями, «146 %-ми» и прочими атрибутами «выборов» сегодняшних. Впрочем,

действительно народное представительство в высшем органе власти страны не остановило Президента Ельцина совершить страшное преступление. И в октябре 1993 года, только потому, что избранный народом Парламент не давал обнаглевшей и зарвавшейся исполнительной власти безнаказанно воровать и жиреть, нас, Верховный Совет Российской Федерации, расстреляли. Да, конечно, из танков и пушек, днем, в центре Москвы, прилюдно, стреляли в Дом Советов, не в людей, а в здание. Но попали-то и, фактически, расстреляли и убили саму надежду — на много-много лет вперед — на появление демократии в России, со всеми ее неперенными и обязательными условиями — равенством всех перед законом, свободными выборами, независимыми судами и СМИ и т.д. Самое горькое и парадоксальное в этой истории, что по разные стороны, причем не условно, а вполне конкретно, оказались люди с одинаковыми в целом представлениями о демократии...

Вечером 3-го октября 1993 года у меня дома на Огарева 13 (ныне Газетный переулок) раздался звонок. Звонил Лужков. «Владимир, это Юрий Михайлович. Тверскую у мэрии перегородила толпа. Требуют кого-нибудь из Верховного Совета и любого министра. Обзвонили несколько десятков ваших коллег-депутатов и практически все Правительство. Все отказали. Прошу вас. Вам же здесь пара шагов. Вас послушают...». Информация о нежелании представителей власти разговаривать с людьми неприятно поразила. То, что трусость и страх перед неизбежной расплатой за содеянное заставило «младореформаторов» забиться в свои золотые щели на Рублевке, не удивило.

То, что мои бывшие коллеги-«журналисты» "отпразднуют труса" на глазах у миллионов телезрителей, в общем-то тоже: трусость всегда соседствует с подлостью и предательством. А вот то, что НАРОДНЫЕ депутаты отказались выйти к НАРОДУ, было отвратительно.

Взяв свою полупрофессиональную камеру (я собирался ехать в Останкино), я пошел к зданию Моссовета. Очевидно агрессивно настроенная толпа молча расступилась. Николай Гончар проводил меня в зал, из которого можно было выйти на балкон, выходящий на Тверскую, что я уже собрался сделать, как скрипнула дверь и в комнату стремительно вошел Егор Гайдар. Мы не раз виделись в Кремле на съездах народных депутатов, но лично познакомились впервые. «Давайте сверим позиции, — предложил он, и мы сели за стол. Быстро выяснилось, что они диаметрально противоположные. Бывший руководитель Правительства собирался призвать людей «защитить молодую российскую демократию с оружием в руках». Я же хотел призвать людей разойтись по домам. Почему? Власть, которую в данный момент представляли мы с Гайдаром, была обязана не просто договориться о совместных действиях и задушить путч в зародыше, но и сделать все, чтобы не пролилась кровь простых граждан. Все силы и средства для этого имелись. Не хватало только пресловутой «политической воли». Мы находились в принципиально другом положении, чем в августе 1991-го. Тогда люди пришли защищать Белый дом без всяких наших призывов, по воле сердца. Поэтому и победили. Зовя людей на улицы сегодня, мы не только демонстрируем свою слабость и неумение руководить государством, в том числе военными, но фактически бросаем безоружных

людей под пули «макашовских» и «баркашовских» бандитов. И если прольется кровь, то это преступление ляжет несмываемым пятном на власть в целом. Сначала в Москве, а потом и по всей стране начнется полномасштабная гражданская война. А что может быть хуже? Я только что вернулся из воюющей Югославии и видел, к чему приводит неумение договариваться. Нужны решительные меры. Но... Гайдар, молча слушавший, встал, поклонился и, сославшись на неотложные дела, попросил дать ему возможность выступить первым. Я, естественно, не возражал. Люди слушали нас молча, лениво похлопав нам примерно одинаково...

Через полчаса я был уже в Останкино на улице Королева, у родного телецентра. И здесь ощутил масштаб огромной беды, нависшей над Москвой и страной. А когда начался обстрел журналистов, собравшихся между двумя зданиями телецентра, а «макашовцы» начали грузовиком таранить здание АСК-3 и рядом со мной упал первый раненый коллега, я с горечью понял, что исполнительная власть решила на самый плохой сценарий развития событий, чудовищную провокацию, отдав власть в Москве бандитам. Навести порядок можно было в течении нескольких минут. Вдоль улицы, практически под стенами телецентра, рядом с беснующимися хулиганами, стояли 30 военных грузовиков, до отказа забитые полностью экипированными, в касках и бронежилетах, вооруженными до зубов, бойцами. На вопрос, почему они не прекращают эту кровавую вакханалию, молодой офицер в форме десантника, сидящий в кабине первого грузовика, лишь презрительно бросил мне через плечо: «А приказа нет...».

Что произошло дальше, видел весь мир. Демократия в России была расстреляна. А сама страна отброше-

Уважаемый Владимир Викторович!

Исполком блока "Выбор. России" поручил мне обратиться к Вам за помощью и поддержкой.

Страна переживает сейчас очень тяжелый и опасный период. Шокировавшие всех результаты выборов 12 декабря показали, что база консервативных и даже фашистских движений у нас много шире, чем нам бы хотелось. Следствием выборов стал резкий поворот в структурах исполнительной власти – переориентация хоть и с половинчатой и непоследовательной, но, все же, рыночной политики на традиционно-советские методы распределения и контроля. Часть сторонников либеральных реформ растеряны и теряют веру в будущее. Среди ряда политиков, всегда принадлежавших к демократическому лагерю, наблюдаются тенденции пристроиться к "патриотическим" колоннам. Трезво оценивая ситуацию, мы не можем исключить и самых трагических и гибельных для страны вариантов.

По нашему глубокому убеждению, осознание остроты ситуации требует от всех, для кого идеалы свободы, человеческого достоинства, будущего России – не пустые слова, кто не желает примириться с тем, чтобы Россия прозябала на задворках цивилизации, не опускать рук, а, наоборот, продолжать борьбу, сколь бы долгой и тяжелой она ни была. Это наша страна и мы не имеем права отдать ее во власть демагогов и авантюристов.

Конечно, мы будем отстаивать наши принципы в Государственной Думе и в Совете Федерации. Наши товарищи, остающиеся в составе правительства, сделают все от них зависящее для продолжения курса реформ хотя бы на отдельных направлениях. Но мы прекрасно понимаем, что этого недостаточно. Период реформ сверху закончен, общественные настроения изменились коренным образом, реакционные силы хорошо организованы и ощущают себя победителями. В этих условиях и мы должны быть объединены, наши действия должны быть скоординированными и продуманными.

Мы считаем, что нам необходима политическая организация – союз или партия. Она должна быть достаточно хорошо структурирована для того, чтобы защищать права граждан, организовывать общественное давление на власть, проводить предвыборные кампании – мы не имеем права допустить повторения 12 декабря!

Создание союза – дело очень тяжелое. В конечном счете, успех будет определяться талантом и интеллектом тех, кто нас поддержит. Конечно, мы не могли не обратиться к Вам...

Уважаемый Владимир Викторович! Мы были бы крайне признательны Вам за любые, в том числе, самые нелицеприятные соображения, касающиеся причин нынешней ситуации – нам надо осмыслить уроки неудачи, не допустить повторения ошибок. И, разумеется, мы очень рассчитываем на Ваши советы по поводу будущего – что нужно сделать сейчас, как организовать нашу работу, как повысить шансы России на демократию и возрождение? Ваше мнение и Ваша поддержка были бы исключительно важны для нас.

Пожалуйста, напишите нам по адресу: 100918, ул. Огарева, 5, Институт экономических проблем переходного периода.

Позвольте мне еще раз повторить, что мы были бы рады любой форме сотрудничества с Вами.

С искренним уважением,

Е. Га

Егор Гайдар

на в своем развитии на десятилетия назад. Начался пир мародеров. Прошли выборы в Госдуму, и в конце года я получил от Егора Гайдара письмо следующего содержания, которое я оставляю без комментария. Оно опоздало ровно на три года. Его принес мне домой нарочный 28 декабря 1993-го. А 28 декабря 1990-го года вышел последний выпуск «Взгляда». Программа была закрыта. Такая вот усмешка судьбы. Кривая, правда, какая-то...

А потом наступила тишина. Я не про страну. Я — про наш с женой, дочкой Лизой и отцом, Виктором Дмитриевичем Мукусевым, дом, квартиру, которую построил в конце пятидесятих дед моей Тани, замечательный композитор, создатель многих легендарных песен, среди которых и «Тачанка», и «В парке Чаир», и «Если любишь», и «В землянке» и, конечно, «Севастопольский вальс», Константин Листов. Замолчал телефон. Причем сначала я часто подходил к нему и поднимал трубку, проверяя — работает ли. Все было в порядке. Телефон работал. Дело было в другом — мой телефонный номер вычеркнули из своих записных книжек даже те, кто клялся мне много лет до этого в вечной дружбе и любви. Горько было сознавать, что сотням, если не тысячам людей был нужен вовсе не я, а мой депутатский мандат и мой «взглядовский» эфир. Впрочем, телефон быстро ожил. Звонили те друзья, на которых у меня за четыре «взглядовских» и три депутатских года года катастрофически не хватало времени. Простите меня, дорогие мои товарищи. И спасибо вам большое за ваш удивительный талант, которым вы наделены в огромной мере. Вы умеете дружить! Именно ваша дружба и ваша бескорыстная помощь и поддержка помогли мне выжить и выстоять в иногда крайне сложных обстоятельствах. Которых с годами не становится меньше...

ГЛАВА 2.

ЗВОНОК

Звонок редактора передачи «Центральное телевидение», которая выходит на телеканале НТВ, был для меня неожиданным. Больше двадцати лет до этого таких звонков не было, потому что именно столько лет фамилия Мукусев и ее обладатель запрещены на федеральных каналах. Суть разговора свелась к следующему: бригада Такменева решила открыть новый телевизионный сезон 2012–2013 специальным выпуском программы, целиком посвященным 25-летию юбилею первого выхода в эфир программы «Взгляд».

— Многоуважаемый Владимир Викторович, умоляю вас, только не отказывайте нам, — щебетала журналистка по телефону, — мы прекрасно знаем о вашем негативном отношении к НТВ, но, поверьте, мы не отвечаем за то, что делают некоторые наши коллеги. Мы другие, и мы очень хотим это доказать. Мы считаем «Взгляд» лучшей публицистической программой за все время существования телевидения. Извините, пожалуйста, но лично для меня, вы и ваши материалы — пример...

Зная «искренность» и «честность» нынешних телевизионщиков, я остановил этот поток словоблудия и предложил встретиться. Мне нужен был этот эфир, и вот почему. За годы, прошедшие после официального закрытия программы «Взгляд» на Центральном телевидении (последний выпуск вышел в эфир 28 декабря 1990 года — решение коллегии Гостелерадио СССР «О приостановке выпуска программы» от 11 января 1991 г.), были опубликованы сотни, если не тысячи различных заметок, статей, интервью, «исследований» о передаче. Сегодня практически во всех учебниках по журналистике можно найти целые главы, посвященные телевидению эпохи перестройки, значительная часть которых посвящена «Взгляду». А сколько студенческих курсовых и дипломных проектов защищены на эту тему — не сосчитать. Есть уже даже диссертации. Мне бы радоваться. Ведь все это означает, что то дело, которому мы с коллегами отдали как минимум пять лет жизни (целый год подготовки, подбор персонала, строительство студии и почти четыре года собственно эфира), живет и продолжается. Но «Взгляд» родился не на пустом месте...

Сегодня, когда все перестроечные годы и все с ними связанное превратилось в небольшую временную точку, для большинства людей, прежде всего молодых, действительно невозможно понять, какая, собственно, разница — происходило это в 85-м или в 89-м году. Для меня и для моих коллег, тех, кто жил и творил тогда, это играло огромную роль. За год страна и мы вместе с ней проходили путь, который иные страны проходили если не за столетие, то уж точно за десятилетия. Для нас, журналистов, не то что год, а один

день с тех времен был буквально насыщен таким множеством событий, имеющих отношение к глобальным изменениям в стране, что складывалось впечатление, будто в сутках было значительно больше двадцати четырех часов. У меня сохранился перекидной календарь тех лет. Вот записи первого месяца наступившего 86-го года: «Встреча с американцами». В скобках — навести справки, кто такой Фил Донахью. Тема встречи — выбор места для телемоста. Продолжить оформление командировки в Афганистан. Заказать билеты в Грузию к Попхадзе (Нугзар Попхадзе в то время председатель комитета по телевидению и радиовещанию Грузии). Звонок в Эстонию: командировка к Энну Ээсмаа (Энн Ээсмаа в то время — ведущий журналист эстонского телевидения, друг и коллега по ведению совместной программы «Янтарный ключ» ленинградского телевидения). Подготовка к очередному редсовету: обсуждение новой программы «12-й этаж»; съемка подводок программы «Мир и молодежь»; поездка с Мезенцевым в Саратов (Владимир Мезенцев (1953-2008) — один из ведущих журналистов Молодежной редакции ЦТ, автор программы «Прошу слова»); обсуждение с Малкиным новой программы «Действующие лица» (Анатолий Малкин — режиссер Молодежной редакции ЦТ); интервью с Вознесенским (передача «Проблемы, поиски, решения», Лев Вознесенский — ведущий журналист и комментатор редакции пропаганды ЦТ); командировка с Тихомировым на Байконур (Александр Тихомиров — ведущий журналист редакции информации ЦТ, комментатор программы «Время»); звонок в «АиФ»; Максимовы — Питер (Владимир и Тамара Максимовы — режиссер и журналист, создатели мно-

гих знаменитых программ ленинградского телевидения). На этих же страницах «ежедневника» — десятки незнакомых и сегодня забытых имен, фамилий, телефонных номеров. Рядом с каждым — позвонить, позвонить срочно, обязательно встретиться. И все это на фоне размышлений о новом задании, которое нам было дано главным тогда редактором Молодежной редакции ЦТ Эдуардом Сагалаевым — думать о новой программе (будущем «Взгляде»).

Для нтвешников было абсолютной новостью, что словом «Взгляд» назывались практически три разные передачи. Одну из них делали мы с Политковским, а две другие — наши коллеги, главные выпускающие редакции «Взгляда» Андрей Шипилов и Станислав Ползиков. Нельзя забывать и о том, что «Взгляд» выходил в отделе публицистики Молодежной редакции ЦТ, которую возглавлял замечательный журналист Сергей Ломакин. Его выпуски «Взгляда», которые он делал с режиссером Максимом Иванниковым, были высокопрофессиональны, смелы и остры. При всей разности журналистских и режиссерских решений у зрителей создавалось впечатление, что работает одна команда. Нас объединяло не только название передачи, но и общий взгляд не только на происходящее в стране сегодня, но и на ее историю.

Таким образом, мы подводили наших молодых коллег из НТВ к мысли, что во «Взгляде» не было одного или нескольких главных материалов, а в успех передачи в целом внесли свой вклад десятки настоящих телевизионных профессионалов. И если уж говорить о главном в передаче, то это были вовсе не материалы и их создатели, а уж тем более не ведущие. Глав-

ными во «Взгляде» были гости программы, которым мы предоставляли возможность в прямом эфире высказать то, к чему они пришли в результате десятилетней работы в разных сферах и областях нашей жизни. К тому, что было их жизненной позицией, иногда выстраданной и определившейся не только на свободе, но и в застенках советских политических тюрем. Эти люди были, в прямом смысле слова, цветом нации — настоящие граждане страны, не имевшие возможности до «Взгляда» говорить с многомиллионной страной с телевизионного экрана. Мы не гонялись за сенсациями. Хотя в нашем эфире их было достаточно. Своими безусловными победами мы считали те материалы, которые вызывали реакцию властей и простых людей. Но если власти, прежде всего партийные, с самого начала пытались подчинить себе «Взгляд» и его журналистов, а когда это не удавалось, то передачу просто прикрывали, то у большинства зрителей многие наши материалы вызывали не только живейший отклик. Поступки героев становились предметами для подражания. У «Взгляда» со временем появилась мощнейшая обратная связь. Фактически с помощью наших материалов в стране все громче стало заявлять о себе гражданское общество.

Мы видели по реакции нтвешников, что та задача, которую они перед собой поставили — сделать выпуск про юбилей «Взгляда», представляется им все более трудно выполнимой. Но выход был найден, журналисты нтвешного «Центрального телевидения» предложили использовать имеющиеся у них разработки «горячих» тем и соединить их с нашими материалами. Так родилась идея снять продолжение моего сю-

жета про мальчика из «прекрасного далека». Напомню вкратце, о чем шла речь в том сюжете.

Однажды наш администратор Валерий Комиссаров предложил мне сделать материал о прекрасном духовом оркестре, который много лет существовал в одном из московских детских домов. Мы поехали туда и действительно сняли прекрасное, почти профессиональное выступление ребят-детдомовцев. В этот же день туда приехал один из первых выпускников и детдома, и оркестра — летчик из Риги. Я взял у него интервью, а потом попросил познакомить меня с тем, кто был зачислен в оркестр буквально накануне. Передо мной оказался семилетний мальчуган с вьющимися волосами и голубыми глазами. Узнав, как он попал в детский дом, в конце интервью я попросил его спеть любимую песню. И когда зазвучало «Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко...» — у меня ком застрял в горле. И не только у меня. Вся съемочная группа, настоящие мужики, видевшие за свою телевизионную жизнь всякое, не могли сдержать слез. И это не было проявлением жалости только к этому пацану. Голоса тысяч и тысяч мальчишек и девчонок из детских домов слились в этой песне. Их горькая судьба, годы одиночества, страх перед будущим — все это и было в строчках «Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко...». Это был нокаут, и я понимал, что в такой же глубокий нокаут будут брошены все те, кто будет смотреть этот сюжет во «Взгляде».

Так оно и произошло. Страна не осталась равнодушной. Сначала пошли телеграммы, потом письма, а потом посылки из всех уголков огромной страны СССР. С одним адресом: Москва, телевидение,

«Взгляд», мальчику из «прекрасного далека». Одежда, обувь, конфеты, продукты, книги, игрушки. И все с одним требованием: передать ЭТОМУ мальчику, который у вас пел. Конечно, мы передавали эти подарки в детдом. Редакция стала задыхаться от несвойственной ей функции распределения «гуманитарной помощи». Но главное было в другом. Меня очень смущал тот факт, что тысяча людей требовала адрес этого детского дома, желая усыновить именно ЭТОГО мальчика. И я понял, нужно делать продолжение. В следующей передаче я обратился к людям и сказал примерно следующее: «Вот перейдите дорогу, там такой же детский дом, и там такие же мальчишки. И, может быть, они поют не так жалостливо, и не такие, может быть, красивые голубоглазые с вьющимися волосиками, но им точно так же это самое «прекрасное далеко» кажется страшным». Они точно так же, как наш герой, хотят жить не в детском доме, а в семье. Они ждут вас». И после этого ко мне стали приходить другие письма. Спустя несколько месяцев мы обобщили информацию, которую они содержали, и получилась такая статистика: несколько тысяч детей-сирот по всей стране обрели новые семьи.

Но глобальную проблему сиротства это не решило. Сейчас ситуация изменилась в худшую сторону. Парадоксально, но это произошло во многом благодаря деятельности нынешней законодательной власти. А точнее, принятию откровенно популистского антисиротского закона «Димы Яковлева», ставшего известным в народе, как «закон подлецов». НТВешники попросили меня поучаствовать в съемках сюжета не просто о положении детей-сирот в современных

детских домах, а о тех детях, для которых «прекрасное далеко» превратилось в тюрьму. Бригада Такменева нашла нескольких детей, которых насильно удерживают в специализированных детских домах для душевнобольных, при этом официально оформив их недееспособность. Делается это для того, чтобы по достижению сиротами совершеннолетия не обеспечивать их положенными по закону квартирами. А уж как потом власти распоряжаются этим жильем, не трудно догадаться. К одной из таких «узниц» дурдома я и выехал со съемочной группой НТВ в городок Удомля Тверской области. То поистине бешеное сопротивление местных властей и дирекции, которое я встретил, заставило меня вновь вспомнить «взглядовские» годы. Но если тогда корреспондент с камерой, да еще Центрального телевидения, вызывал у разного рода начальников если не уважение, то хотя бы страх перед Москвой, то нынешние чинуши не боятся вообще ничего. Я понял, что, как ни странно, нам при коммунистах было работать легче. Да, от нас убегали, перед нами закрывали двери, грозились пожаловаться начальству и стращали вызовом милиции и звонком в ЦК. А если уж грозили убийством, то всегда анонимно и, скорее, чтобы напугать. После посещения Удомли и общения с местным начальством я явственней ощутил не только трудность, но и трагизм положения сегодняшних журналистов. Их не боятся — их презирают. А когда они мешают чиновникам или бандитам, их просто убивают, не предупреждая об этом. И огромная цифра, более двухсот журналистов, погибших за последние двадцать лет при исполнении своих обязанностей, становится еще более зловещей, когда вспоми-

наешь, что фактически ни один из организаторов этих преступлений не был пойман, а тем более наказан.

По возвращении из Удомли я отправился с камерой НТВ в Министерство социального обеспечения. Когда-то во времена «Взгляда» я в прямом смысле слова на руках принес туда двух беспомощных инвалидов, которых руководство кимрского дома-интерната выкинуло на улицу, и они приехали просить защиты у «Взгляда». Мне удалось тогда не только встретиться с заместителем министра. Расследовав эту ситуацию и показав материал в эфире ЦТ, «Взгляд» смог отправить в отставку всю коллегию министерства, а против некоторых его чиновников были возбуждены уголовные дела. На этот раз меня не только не пустили в само министерство. Дюжий охранник, увидев нашу группу, недвусмысленно похлопал себя по месту, где у него, вероятно, было оружие, и закрыл перед нами дверь. А по телефону секретари всех министерских начальников категорически отказались соединять нас со своими боссами. Тем не менее, материал был снят.

Подобных сюжетов готовилось несколько. Приятным сюрпризом для меня стал тот факт, что нтвешники сделали то, что мне не удавалось долгие годы. Они разыскали мальчика «из прекрасного далека», сегодня взрослого тридцатилетнего дядю, и хотели, чтобы я с ним встретился прямо в студии прямого эфира.

Но, как десятки раз за последние двадцать лет это происходило со мной, ничего этого зритель не увидел. Передачу сняли с эфира, не только не объяснив нам причину, но даже не извинившись перед нами. Лишь много позже мы случайно узнали, что о нашем с Политковским участии в программе стало известно где-

то наверху. Оттуда позвонили руководству НТВ, что и предопределило судьбу программы. Но это, как говорится, совсем другая история. Во времена «Взгляда» нас столько раз закрывали, снимали наши материалы, что ничего нового в таком поведении телевизионного начальства для нас не было. Но во «Взгляде» было правило: о любом снятии с эфира мы предупреждали сразу же авторов и участников, если таковые были, и, конечно же, приносили свои извинения. Однажды мы пригласили в прямой эфир академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Но перед дверями студии был поставлен милицейский пост, и даже нас, ведущих, в студию не пустили. Прямой эфир был отменен, и передача вышла в записи в том варианте, в котором она транслировалась на Дальний Восток. Но мы все-таки успели сообщить стране бегущей строкой, что это происходит не по вине редакции.

Более полный рассказ о «Взгляде» и о том, что предшествовало его появлению на телеэкране, впереди. Здесь же скажу лишь одно. О легендарной без всяких кавычек программе бывшего Центрального телевидения бывшего СССР вспоминают сегодня все реже. Что естественно. Время рождает новые легенды. Но что приятно, серьезные журналисты делают это максимально уважительно. И не только в дни очередных взглядовских юбилеев. Так поступает фактически единственный из реальных «взглядовцев», прекрасный, многогранный и талантливый журналист Евгений Додолев, работающий и сегодня на телевидении. Мы не один раз вспоминали нашу общую программу в его интервью со мной. И конечно, практически всегда говорили о самой горькой

и самой ужасной «взглядовской» истории — убийстве Владислава Листьева. Не буду повторяться, а просто дам слово моему коллеге.

Фрагмент интервью Владимира Мукусева
Евгению Додолеву. «МК» март, 2017.

Евгений Додолев:

(Владимир Мукусев был уже ТВ-ветераном (ему было 36 лет, 15 из которых сначала в Питере, а потом в Москве, он «делал» телевидение), когда с «Иновещания» рекрутировали ведущих для нового проекта «молодежки», поэтому к Листьеву у Володи отношение было и осталось амбивалентное. Я помнил об этом, беседуя с самым одаренным из «взглядовцев», и читателям забывать не рекомендую).

— **Какова дистанция между экранным имиджем Влада и реальным? Что знали коллеги о его личной жизни?**

Владимир Мукусев:

— Немногое... Во всяком случае — я. Как главный выпускающий редактор «Взгляда» из чет-верки ведущих я сразу выделил двоих — Олега Вакуловского и Влада. Олег, это было очевидно, был из всех единственным настоящим журналистом. Умным, глубоким, думающим. Со всеми задатками журналиста-расследователя. Что он потом блестяще реализовал в своих авторских проектах. Жаль, что не у нас. Влад был его полной противоположностью. «Шебутной», как я его называл про себя. Он мне очень напоминал меня самого во времена моей работы еще

на ленинградском ТВ. Для меня, тогда инженера-конструктора серьезного секретного НИИ, ведение телепрограмм было игрой, развлечением, хобби, веселым хеппенингом. Отсюда несерьезное и даже слегка высокомерное отношение к тому, что делали настоящие телевизионные профессионалы, мои первые учителя этого очень непростого и очень серьезного, как стало мне понятно много лет спустя, дела. Я очень хотел помочь быстрее преодолеть безусловно талантливого молодому ведущему все эти «детские болезни», которыми когда-то переболел сам. Уберечь Влада от «звездности», которая многих привела к малым, а кого-то и большим бедам. Где-то через, наверное, полгода мы с Владом притерлись друг к другу. Я учил его основам работы в кадре. Подготовке к интервью, чувству камеры, общению с оператором и другими участниками творческой группы. Я старался как можно больше брать его с собой на съемки. Объяснял по ходу, почему я делаю то и так, а не иначе. Много рассказывал об американском телевидении, о своей работе там в Штатах, в Нью-Йорке и в Сиэтле, о ставшим мне товарищем знаменитом телеведущем Филе Донахью, о том, как он, создатель жанра ток-шоу, готовился и как делал свои программы. Пройдет совсем немного времени, и уже без меня Влад реализует все рассказанное мною в «своей» программе «Тема», фактически украв, прости, вернее, скопировав «Донахью-шоу». До этого он создаст кальку американского же «Колеса фортуна», назвав его «Поле чудес». А у Ларри Кинга позаимствует даже подтяжки для «Часа пик». Ничего своего он так и не сделает. А ведь мог бы... Но вернемся в 1987-й, в начало. Влад

очень хотел, чтобы я приехал к нему домой. Домой, потому что очень просила об этом мама, как он сказал. Потому что, он, не стесняясь, рассказывал, что вот наконец его мечта осуществилась. Он не просто знаком с Владимиром Мукусевым, но они еще и работают вместе.

И я однажды приехал к ним. Стол был накрыт. Встретила не только мама, но и отчим. Мы сели за стол. Первый же тост: «Спасибо вам, Владимир, за сына».

Две или три рюмки всего лишь было выпито за меня, как за столом повисла пауза. А потом они резко сменили тему, продолжая какой-то видимо давнишний спор, а то и скандал, я уж сейчас не помню про что. Причем еще какое-то время они замечали меня и стеснялись в выражениях, но быстро перешли на крик. Влад их какое-то время пытался урезонить и остановить. Тщетно. Мы с ним ушли на кухню. Он извинялся, дескать: «Ну, вот уж пойми. У нас проблемы. Вообще-то они другие...» и так далее.

Второй раз, через недели три, он снова уговорил меня поехать к нему. Дескать, мама хочет все объяснить и извиниться. Тот же стол, те же тосты, та же лесть и вроде бы искренняя благодарность — все то же самое. Только напились они еще быстрее. Но на этот раз Влад был «ведущим» — он тоже написал. Хай, скандал начал он, и вдруг резко дернув меня за руку: «Пойдем на кухню. У меня с тобой будет серьезный разговор». «Какой разговор?» «Вот смотри. Вот я тебе писал письма». Он с раздражением открыл засаленную картонную папку с одной тесемкой и вытащил пачку каких-то бумаг и буквально

сунул их мне в лицо. Такого Влада я не знал. Он был неадекватен, взбешен и даже не пытался это скрыть! Он очевидно ненавидел меня, хотя еще полчаса назад объяснялся мне в вечной любви, огромном уважении и бесконечно, назойливо благодарил. Выяснилось, что бумаги эти — черновики тех писем, которые он посылал мне в Останкино как участнику программы «Салют, фестиваль!». Все они кончались одним: «Вы мой кумир. Я хочу быть таким как Вы. Помогите! Расскажите, как это сделать.» Влад уже не говорил — шипел. «Вот черт возьми, вот слаб я был, даже тебе письма писал. А теперь-то мы как бы равны. Но я-то знаю, что это не так. Что мне тебя не догнать. А вот смотри еще, какой я был дурак. Ты знаешь, что я диплом писал про тебя?». Я попытался его успокоить, отвлечь: «Покажи». «Да, это он там, где-то на кафедре. Это — черновики». «Как назывался твой диплом?» «Я писал про современника в передачах Владимира Мукушева... Понимаешь, что я, идиот, делал? И все — ты» ...

При этом его совершенно мною не мотивированная агрессия очевидно нарастала. Драка становилась неизбежной. Вдруг он резко рванул дверцу холодильника: «Сейчас мы с тобой выпьем. Я тебе тогда еще что-то расскажу и покажу». Холодильник открылся.

И вот дальше я помню все буквально секундно, даже покадрово. Как оттуда упала маленькая бутылочка с зеленкой. А пол был покрыт таким старым-старым коричневым линолеумом «под паркет». Протертый у холодильника до дыр.

Резиновая пробочка отскакивает, и баночка раскрывается. Под нашими ногами — зеленая лужи-

ца. Я взглянул на Влада. У меня было ощущение, что он меня хочет убить — такое напряжение возникло, как будто бы это из-за меня случилось.

Он схватил половую тряпку, начал вытирать. А с линолеума зеленка не стирается, а, наоборот, впитывается, потому что он потертый. У него все руки были в зеленке, рубашка, белые брюки. Он вытер лоб. И лицо его и даже очки стали зелеными. Он поднялся с колен, посмотрел в осколок зеркала на стене, увидел себя и, как мне показалось, мгновенно протрезвел, сник и тихо и даже как-то жалобно попросил: «Уйди отсюда».

Что я и сделал. Больше я у Влада не был никогда. Понимаешь, мне кажется, это важная деталь, объясняющая то, что он не просто выпивал, как мы все выпивали. По всей видимости, просто бытовое пьянство давно переросло у него в патологию, болезнь, которая вероятно и диктовала ему манеру поведения и стиль жизни.

Я все пытаюсь, может, прости, повторяясь и слишком длинно, ответить на этот твой вопрос про разницу в отношениях Влада с окружающими людьми на своем примере. Вероятно, так было у него не со всеми. Человечески мы разошлись после этой истории, хотя я как коллега и начальник делал вид, что ничего не произошло, и я все забыл. Но я перестал ему доверять. И он это почувствовал. Понимаешь, мы после этих зеленых рук практически перестали общаться.

— *У тебя есть идея, кем бы он был сегодня?*

— Кем — не знаю, а где, могу предположить. Он был бы там, где много денег. Очень много. Бес-

контрольных, криминальных, лихих. Спонсорско-«виолончельных». Бюджетных и рекламных. Откатных и «подарочных». А еще там были бы телекамеры и микрофоны, фейерверки и софиты. И бесконечно ржущая, и жрущая, во всех смыслах фанерная, предельно циничная и продажная эстрадно-медийная тусовка. То есть сегодня он был бы центром чего-то телевизионного или околотелевизионного. Он был абсолютно аполитичен и, скажем мягко, не очень умен. Поэтому вряд ли его интересовали бы всяческие популярные сегодня у 86% населения пропагандистские «шоу бесноватых». Но режим безусловно использовал бы все его способности в своих целях. Как это сделал в свое время «крестный отец» нынешней власти Березовский, отдав Листьеву в пользование в 1995-м первый канал. Он абсолютно точно высчитал того, кто смог бы за год до президентских выборов приручить несчастную страну к мысли, что альтернативы Ельцину нет и за него надо проголосовать сердцем, а не головой. Влад был не дутой, а настоящей, раскрученной «Взглядом», телезвездой, любимцем страны, своим в каждом российском доме. И ему бы поверили и повелись на эту провокацию совершенно спокойно. Кроме того, он прекрасно ориентировался в техническом-творческом телевизионном серпентарии. Работал и лично знал практически всех телевизионных асов. Безошибочно чувствовал талант и приближал его к себе. Но хладнокровно расправлялся с возможными будущими конкурентами и с теми, кого он считал советским телеотстоем, не способным приносить ему прибыль.

Короче, отсутствие нравственных ограничений — и падкость на деньги любого происхождения,

с одной стороны. И талант менеджера, ведущего и организатора телевизионного процесса с другой, безусловно были бы оценены по достоинству, и «классово близкий» нынешней власти Владислав Листьев был бы сегодня востребован, думаю я.

— *Разве были поступки, которые характеризовали его как жадного человека?*

— Ну, все это мелочи сейчас. И я даже не хочу об этом говорить. Вся эта ерунда с неотдаванием долгов и так далее в то время... учитывая, что он лежит в земле, как-то даже и говорить-то не хочется об этом. Но он был жаден по мелочи.

— *Какой-нибудь пример...*

— Ну, хорошо, если спрашиваешь. Ну, как сказать. Опаздываем на съемки, прыгаем в такси, потому что машину в Останкино не дают, а ехать надо. И я не помню случая, чтоб платил не я, а Влад. У него никогда не было денег. У него никогда не было возможности купить бутылку. Заплатить за себя в кафе или ресторане. Вскладчину сделать кому-нибудь подарок. Даже цветы купить на праздник или похороны. Причем он почему-то считал, что я «должен», просто обязан за него платить. Слово «спасибо» ему не было знакомо. Все это было в тот период, когда мы все получали по 140 рублей в месяц. У Влада был дом, квартира. А я с маленькой Дашкой на руках мотался по окраинам Москвы в поисках съемного жилья подешевле. Своего ведь тогда еще не было.

— *Поэтому у меня и вопрос, в курсе ли ты его личной жизни, знал ли, что он платит алименты первой жене Есиной, что у него тяжело болеет ребенок от второй жены Лялиной, что он растит еще*

одного сына — Александра? И у него просто не было тех возможностей, которые, допустим, у остальных «взглядовских мальчиков» были.

— Никогда не интересовался благосостоянием других и не считал деньги в чужих карманах. У нас в «молодежке» вообще было не принято лезть в чужую жизнь. Конечно, мы все про всех знали. Но пользовались этим только тогда, когда кому-нибудь была нужна помощь.

— *А это ведь многое объясняет...*

— Ничего не знаю о его личной жизни. Я говорю об отношениях наших с ним.

— *Я понял. Но они зависят от того, знаешь ли ты контекст жизни того, с кем общаешься...*

— Ну, хорошо. Давай дальше.

— *Почему Листьев в целом забыт людьми, если был такой масштаб траура? Что бы с ним стало, если экстраполировать все те движения, которые происходили?*

— Может быть, для кого-то это покажется невероятным и даже оскорбительным, что я скажу. Но ведь Листьев в начале девяностых, если бы было возбуждено уголовное дело и доведено до суда, то он и его подельники сели бы. Причем на очень долго. За два года до трагедии я по своим депутатским делам общался с одним из руководителей правоохранительных органов Москвы, который, кстати, был отправлен в отставку после убийства Влада.

И после того, как мы обсудили то, ради чего к нему я приехал, он сказал: «Владимир Викторыч, вы знаете, я ваш поклонник. Не ваш личный, а «Взгляда» и всего, что вы сделали. Но я хотел бы вас предупред-

дить. И я надеюсь, что это дойдет до ушей и вашего товарища. То, что они делают в Останкино, находится под нашим вниманием. Не то что бы в ежедневном режиме, но мы Влада ведем. Пусть лучше он сам к нам придет — меньше могут дать. Так что вы имейте в виду. Если у вас есть какие-то дела с «ВИДОм», у вас могут быть очень серьезные неприятности». Это было начало 1993 года. Я работал в Комитете по правам человека Верховного Совета России. А как журналист — работал в основном за Уралом, создавал то, что и тогда и сегодня является действительно российским телевидением. Но которое ничего общего не имеет и не имело с телевидением московским. Я про РТР и т.д. Так вот у меня на столе в кабине Белого дома лежали сотни, если не тысячи различных документов о финансовой деятельности Останкино. Руководство Верховного Совета поручило мне проанализировать все то, что творилось тогда на телевидении благодаря появлению там рекламы и в силу его абсолютной закрытости для посторонних. Это были прежде всего результаты проверок самых разных, в том числе и серьезных организаций. Проблема состояла в том, что проверяющие лишь фиксировали финансовые потоки. Но оценить их величину (например, ответить на элементарный вопрос — сколько стоит та или иная передача — тысячу, сто тысяч, а может миллион долларов, они не могли). Абсолютно темными были направления и адреса перемещения средств, выплаты сторонним организациям, либо получение средств от различных фирм, банков, контор, расплодившихся фондов и финансовых пирамид. А ведь был еще и не малый бюджет, который пилился как бог на душу позволит.

С трудом разобравшись в документах, опросив сотни людей и проведя в родном когда-то Останкино полномасштабное журналистское и депутатское расследование, я пришел к неутешительным выводам. Карамзинское «воруют» предстало передо мной во всей своей омерзительной наготе и фантастическом масштабе. Но самое прискорбное было то, что во главе большинства финансовых преступлений оказались мои бывшие коллеги и прежде всего Влад. В это же время тогдашний министр печати Михаил Полторанин предложил мне пост Генерального директора Останкина. Не сразу, но я согласился, при одном условии. Все собранные мною документы и результаты расследования должны быть переданы официально в Генеральную прокуратуру ДО моего назначения. Чтобы ни у кого, и прежде всего моих коллег по журналистскому цеху не возникло даже легкого подозрения, что начавшиеся следственные действия и, как результат, посадки (а я был уверен, что будет происходить именно это), связаны с какой-то моей личной обидой на коллег и имеет признаки банальной мести. А для обиды и мести у меня были более чем серьезные основания. Влад со товарищи, ничтоже сумняшися, переписали, т. е. подделали все уставные создаваемого в огромной степени и мною «ВИДа». И я перестал быть не только одним из основных акционеров, но и руководителем будущего акционерного общества. Как бы сказали герои криминальных сериалов — меня просто кинули на бабки. Но дело было не в деньгах. Это сегодня моя доля в компании составляла бы по скромным подсчетам десятки миллионов долларов. Тогда все было значительно скромнее. Я был буквально

раздавлен самим фактом совершённой подлости. Повторилась древняя, как мир, история предательства Учителя, как называл меня Влад, своими учениками. Уверен! Именно тогда, еще в конце 90-го года, были отлиты те пули, которые 1 марта 1995 года оборвали жизнь Влада. И это не были единичные выстрелы. Это был как бы закономерный итог того, что происходило в Останкино в принципе. Да что в Останкино! В страну пришел снова, как когда-то в 1917-м, его величество хам, и началась эпоха большого хапка, не окончившаяся до сих пор.

— *Хорошо. И все-таки жду ответа на вопрос. Почему при том масштабе трагедии, при том масштабе траура, свидетелем которого мы все были, в целом он зрителем сейчас забыт? Люди вставляли, когда ты входил, как бы в память о Владе, а сейчас очень многие его не помнят. Почему?*

— Я полагаю, это случилось потому, что Влад для тех людей, которые, как ты говоришь, не помнят, все-таки олицетворяет до сих пор такие слова, как порядочность, честь, неподкупность, новая журналистика, независимые СМИ, перестройка, гласность и так далее. А по сути — молодость, надежды на то, что еще чуть-чуть и начнут сбываться самые смелые мечты, осуществляются самые грандиозные планы.

Но сегодня все эти понятия, начиная от журналистики и кончая совестью и достоинством, они не востребованы, они никому не нужны. А взамен в стране насаждается ненависть, злоба, презрение, идолопоклонство, несменяемость и якобы сакральность власти, темнота и мракобесие, невежество и дремучесть.

Влад находится там и остался там, где была надежда на то, что вот еще немного — и мы начнем жить в совершенно другой стране. Честной, чистой, образованной, богатой, родной и удобной для всех ее жителей. Этого не получилось.

Я где-то в сети читал, что якобы Влада прочили в депутаты. Вы с Политковским действительно были депутатами Верховного Совета. Причем от Москвы. Что это была за история? Глупостей и небылиц в интернете про «Взгляд» много, зашкаливает. В том числе и о том, как якобы «Влада звали в депутаты, а он напился и не пришел на какое-то собрание». Ничего этого не было и быть не могло хотя бы потому, о чем я тебе уже говорил: Влад был абсолютно аполитичен. Он понятия не имел, чем отличается Горбачев от Ельцина, а Лигачев от Яковлева. А уж разговоры про демократическое устройство государства, главенство закона, отмену 6-й главы Конституции — фирменное взглядовское меню — он на дух не переносил. Его стихией было шоу, развлечение, человеческие переживания и страсти. А когда в силу обстоятельств ему приходилось читать подводки к чужим сюжетам, связанным с политикой, он смешно хмурил бровки, пучил глаза, смотрев поверх очков в камеру, тужился и всем видом пытался доказать, что ему это самому понятно и интересно. Выглядело это очень забавно. Что до нашего депутатства, то я много раз уже говорил о том, что перестройка не сразу, но постепенно, очевидно и мощно позвала в политику, а вернее призвала к управлению государством огромное количество людей. И прежде всего молодежь. И это, несмотря на печальный фи-

нал — развал страны и т.д., является безусловным ее завоеванием и непреходящей ценностью. Впервые за много десятилетий у советских людей появилась реальная возможность не соглашаться с действием высшей власти. Но не только на митингах и собраниях конца 80-х, либо дома на кухнях или в лесу у костра под водочку и гитару во все остальные годы. А реализовывать свои программы и предложения, самим становясь этой самой властью. То есть делать то, что и тогда, и сегодня невозможно в принципе.

К выдвижению людей в депутаты люди относились крайне серьезно и ответственно. Понятно, что я говорю о тех местах страны, где бурлила политическая жизнь — о столицах, городах-миллионниках, университетских и научных центрах. В своих программах мы рассказывали о таких выдвиженцах, об их борьбе, а иногда и о войне с комсомольской и партийной номенклатурой. Мы безусловно поддерживали их. Было немало предложений «идти в депутаты» и нам с Политковским. Позиция наша была проста и очевидна. Спасибо за доверие, но мы — журналисты. И пока у нас есть «Взгляд», мы будем заниматься своим делом...

— *И все-таки вы пошли в депутаты. Где логика?*

— Я тебе рассказал сейчас о ситуации с выборами в Верховный Совет СССР. А это — 1989 год. Сейчас понять это сложно. Какая разница — 89-й или 90-й? Но дело в том, и ты это прекрасно помнишь, тогда страна за год проживала время, которое не только Союз, но и другие страны проживали за десятилетия. Вот в чем дело. Понятно, что это не могло не отразиться в телевизионном зеркале. 1989-й год — луч-

ший, главный, звездный взглядовский год. Даже не буду доказывать — я много раз тебе рассказывал, что удалось нам сделать тогда. Это все есть в сети и в твоих и моих книгах. А 1990-й — это последний год «Взгляда» перед закрытием. Это его позор, его агония. Позор появившейся «джинсы», проплаченных сюжетов и клипов, появление всяких темных личностей, торговавших «Взглядом» и взглядами за нашими спинами оптом и в розницу. Чего стоила только листовская «шоу-биржа». Кстати, первым этот гнилостный запах разложения почувствовал и покинул редакцию не я, а один из моих любимцев — Дима Захаров. Его уход заставил многих, в том числе и меня «остановиться, оглянуться». Но оказалось, что процесс принял необратимый характер. Бабло победило добро. Внедренный к нам Лубянской «славный представитель ЦК ВЛКСМ» некто господин-товарищ П. блестяще выполнил «задание партии и правительства». Был фактически уничтожен, при помощи наших же выкормышей, бывших осветителя и видеоинженера, не только «Взгляд» как символ перестроечных СМИ, новой, независимой, свободной журналистики, но и вся «молодежка» в целом. Идея была понятна. Сделать так, чтоб никогда и ничего не выросло там, где еще недавно расцвела гласность. При чем здесь наше депутатство? А вот причем. Из одной из командировок в Польшу я привез документы по Катыни, заботливо собранные и переданные мне многими известными поляками и великим Анджеем Вайдой. Он, сын одного из 20.000 зверски убитых польских офицеров нашими доблестными чекистами, а не фашистами, как ввали мы стране и миру

много лет, дал мне более чем двухчасовое интервью об этой трагедии польского народа и преступлении советского режима. Кстати, фактически все, что он мне рассказал, через много лет он показал в своем замечательном и страшном фильме «Катынь». Так вот, не успел я переступить порог редакции, как был вызван к заместителю председателя Гостелерадио, который курировал нас по линии КГБ. «Если хоть одно слово о Катыни ты скажешь у себя в передаче, дочь свою ты больше не увидишь», — услышал я от него. То есть власть перестала играть в интеллигентность. Маски были сорваны. Передо мной был не благообразный седой господин, до этого — уважаемый руководитель, старший товарищ, советник, наставник. А обыкновенный мерзавец-шантажист, «Хват», способный на любое преступление. Номенклатура и прежде всего спецслужбы оправились, консолидировались и перешли в наступления на хилые и во многом призрачные завоевания горбачевской перестройки. Все это было началом того, что закончилось печально известным ГКЧП и, как следствие — развалом СССР. Вот тогда-то я и подумал впервые о депутатстве как хоть какой-то реальной защите своей семьи, своего «Взгляда». И когда ко мне обратился не кто иной, как сам легендарный создатель легендарной же Таганки Юрий Любимов с предложением идти в депутаты от них, я безусловно согласился. Но настоящие проблемы начались позже... Так же было и с Политковским. Он тоже баллотировался в Москве. Нас звали в десятки городов и весей. Местные братки, слившись в экстазе с местными же ментами, хотели для безбедной жизни и возможности под надежной

крышей спокойно собирать в житницы, имея «своего» в Верховной власти. Мы это понимали, и никакие гигантские по тому времени суммы, которые нам предлагали за согласие, нас не заставили предать Москву, москвичей и наше общее взглядовское дело. Голосуя за нас, люди искренне верили нам, а также в возможность зажить наконец по-человечески. Поверили в то, что мы сможем это сделать. И вот в их открытые-то души и сердца наплевали те самые ребята, которым они поверили. И страна замкнулась. Замкнулась, потому что люди были обмануты. В том числе и нами. Ничего не получилось. Пока мы заполняли чудовищные правовые лакуны — ведь одна страна, СССР, умерла, а другая, Россия, как правовое государство не родилась, за нашими спинами лихие ребята из КГБ, комсомола и партии стали эту самую страну прибирать к рукам. Они работали, как снегоуборочный комбайн, только загребали не снег, а общенародное добро — уголь, нефть, газ, металлы, энергетику, телевидение... Лопата за лопатой, миллион за миллионом, все быстрее и быстрее. И все это при прямом попустительстве Ельцина и при его непосредственном участии. Того самого Ельцина, которого мы же сами сначала сделали Председателем Верховного Совета, защитили у Белого дома в августе 91-го и в итоге сделали Президентом. Когда мы прозрели, было поздно. Как могли, мы сопротивлялись надвигающейся беде. Но «Взгляд» предусмотрительно был закрыт властью еще в декабре 1990-го. И великая страна не понимала, что происходит. Вроде бы у власти те, кому она доверяла, на телеэкранах — знакомые и любимые лица, полно

новых программ, новых каналов, а жизнь становилась не просто плохой — невыносимой. В 1993-м с демократами во власти было покончено. Нас просто расстреляли, объясняя это тогда и сегодня «надвигающейся красной угрозой». А в 1996-м, при полной поддержке так называемых «демократических СМИ», демократия рухнула окончательно — были уничтожены выборы, как таковые. Все, что происходит в стране сегодня — всего лишь следствие череды этих преступлений. Именно тогда мы повернули назад в своем развитии. Как страна, как государство, как нация, как народ...

Прости за эту мини-политологическую лекцию. Сам завел меня на это.

— Скажи, в современном телевидении хоть что-нибудь осталось от того вашего «Взгляда»? Или все закончилось еще тогда, в 1990-м? А что же мы видим сегодня на телеэкранах?

— Цифра произвела революцию не только в технике и формировании электронного сигнала. То, что еще совсем недавно могли делать исключительно телевизионные небожители — сотрудники телестудий, стало достоянием любого желающего. Имея банальный компьютер, каждый школьник может сегодня сделать некий телепродукт и выйти с ним в условный эфир — сеть интернета. Причем многомиллионную. Главное, при этом легко минув все те преграды и препоны, которые стояли перед нами на пути к зрителю. И я даже сейчас не про цензуру. Я про неповоротливость и архаичность телевизионного аналогового производства. Короче, на меня работали почти 25 тысяч человек, сотрудников самых

разнообразных останкинских служб, для того, чтобы зрители могли увидеть наш «Взгляд». Сегодня я могу делать его практически один. Но этого не происходит. Телевидение осталось в классическом виде. И не собирается сдавать свои позиции, вопреки мнению социологов, и всяческим опросам, рейтингам и прогнозам специалистов. Почему? Ответ прост. Цифра — это прежде всего еще и великолепная картинка, радостная, веселая, создающая атмосферу праздника, красочная, многоуровневая, полноценная. В сравнении с которой наш горчично-зеленый, унылый аналоговый сесам — это не просто отстой. Это разлитая с телеэкранов по стране депрессия, полностью соответствующая тогда реальной жизни советского человека. Современное развлекательное телевидение, на мой взгляд, с точки зрения картинки в тысячу раз богаче, чем то, что делали мы. Возможности сегодня (технические и финансовые) таковы, что они нас «сделали». По сравнению с ними мы убогие. Но все это касается исключительно картинки. А вот если говорить о сути и содержании, о форматах и жанровых находках, то следы и влияние «Взгляда» можно найти на сегодняшнем телевидении практически везде. Инфотейнмент — жанр, в котором мы работали. «Взгляд» — это информация плюс развлечение и плюс, это уже наше ноу-хау, просвещение. То есть мы в одной программе соединили фактически все, чем должно бы заниматься телевидение в целом. А секрет успеха «Взгляда» был в том, что мы категорически исключили из нашего контента советскую пропаганду. Правда, нужно признать, что при этом мы частенько заходили «за флажки» и позволяли себе

крайность другую, впадая в антисоветчину. Но это были всего лишь проблемы роста и путешествия в неизведанное.

Найденную нами форму, правда не сразу, приглашать для комментария в студию гостей-экспертов, чтобы профессионально и со всех сторон разобрать ту или иную ситуацию в политике, экономике, праве и других областях жизни, сегодня используют почти на всех каналах. Почившая в бозе соловьевская передача «К барьеру» — точная копия нашего «Контрвью». Использование музыкальных произведений, в том числе видеоклипов, как смысловое завершение обсуждаемой темы или программы в целом — наша находка. И примеров использования того, что когда-то придумали мы, масса. Не будем тратить на это время. Мы — не жадные! Пользуйтесь на здоровье. Проблема сегодняшнего телевидения, причем глобальная, в другом. Оно перестало быть национальным. Ничего плохого в телевизионной «глобализации» нет. Я не про квасной патриотизм с гусями, балалайками и кокошниками под заунывные речи про духовность и особый путь. Я о другом. В начале 90-х захватившие власть в Останкино «осветители» и «администраторы» и «инженеры», в силу своей творческой несостоятельности и отсутствия элементарных телевизионных навыков, образования, знаний и умения создавать свое, быстро нашли решение проблемы заполнения эфира. Они начали сначала примитивно воровать, а затем, накопивши рекламного жирка, и покупать западный контент. А целое поколение творцов советского телевидения, а вернее телевидения с русскими корнями и корнями других

народов, населяющих нашу многонациональную страну, было из Останкино изгнано. Очередной раз порвалась связь времен. Истинные творцы культуры, их талант и способности придумывать и осуществлять СВОЕ, оказались не нужны. А если учесть, что большинство из них сами не хотели участвовать во всем этом балагане и криминальном беспределе, проблема кадров решалась легко и просто. Российское телевидение на телевидении делать вскоре оказалось некому.

Сегодня все восторгаются «Голосом». Действительно — классная, высокопрофессионально, с любовью и огромным уважением ко всем ее участникам, прекрасно сделанная программа. А я хочу спросить ее «создателей»: «Ребята, а как насчет «Шире круг» или «Алло, мы ищем таланты»? Неужели, если бы не было выкошено целое поколение создателей передач, мы не сделали бы своего продукта?».

Но Бог, с ними, с развлечениями. Не проблема, а настоящая, цивилизационная катастрофа, которая в будущем будет иметь самые тяжелейшие последствия для страны и самосознания народа, сегодня происходит с тем, что называется общественно-политическим вещанием, публицистикой, тележурналистикой. То есть с тем, чего нет. Все это заменено чудовищными по своей сути и последствиям «шоу бесноватых» на всех федеральных каналах. Хорошо оплачиваемые «эксперты», все как один хозяева пополняемых бесконтрольно государством, разнообразных денежных мешков под названием фонды, центры по изучению, институты по развитию, редакции несуществующих журналов, различные обще-

ства и т.д., уже несколько лет втягивают несчастную страну в оруэлловское зазеркалье, где незнание — это сила, а свобода — это рабство. А главное, что мир — это война. Это уже не просто пропаганда советских времен. Это манипулирование сознанием народа огромной страны с ядерным оружием. А, значит, мы представляем все БОЛЬШУЮ угрозу не только для нас самих, но и для всего мира. Ежедневно злоба, ненависть, ложь огромными, грязными потоками выливается с телеэкранов в дома и уши россиян. А альтернативы нет, нравственные авторитеты, цвет нации, ученые, писатели, художники, мыслители, все те, кем не обеднела наша страна, доступа к людям не имеют. Они, как и «Взгляд» запрещены сегодня. А их тихие и спокойные голоса, раздающиеся исключительно на просторах интернета, заглушаются телевизионным барабанным боем, бесконечной неприличной осанной вождю, псалмами. И как не страшно это сознавать, но страна, видевшая-перевидевшая и пережившая всяких упырей-вождей, не поддавшаяся, не склонившая головы, заплатив огромную цену собственными людьми и победившая в многочисленных войнах, сдалась под этим беспрецедентным натиском. Не знаю про 86%. Но то, что большинство людей поддалось на эту чудовищную провокацию — факт. Или, как писал Брехт:

Идут бараны в ряд

Бьют барабаны

Кожу для них дают

Сами бараны.

Раньше на занятиях со студентами, когда речь заходила о причинах Второй мировой войны, о Гер-

мании 30-х годов прошлого века, об истоках нацизма и фашизма, мне было далеко не просто объяснить, что такое геббельсовская пропаганда. И уж совсем трудно было разобраться, как страна, подарившая миру — дальше я называл десятки имен великих, известных и сегодня, немецких писателей, философов, музыкантов, — дала себя обмануть, поверила в свою исключительность и богоизбранность. Чем все это закончилось — известно. Нюрнбергом. Сегодня я просто рекомендую своим студентам включить любой федеральный канал и попробовать продраться сквозь крики, вопли, истерику, откровенное хамство и оскорбления, причем целых народов, сегодняшних так называемых «ведущих» и их гостей. А на следующем занятии я предлагаю открыть им на своих гаджетах 282-ю статью Уголовного кодекса России. И выясняется, что всё то, что они видели накануне, — возбуждение ненависти и вражды, унижение достоинства людей по национальному и социальному признаку, причем все это публично, используя СМИ, практически полностью раскрывают ее суть и содержание. Дальше начинается серьезный разговор о целях и задачах, которые преследует при этом государство, не пресекает немедленно и жестко, с помощью закона, противоправные действия подчиненных ей СМИ. А наоборот, спонсирует, поддерживает, награждает особо отличившихся. В итоге, ни у кого не возникает вопроса, почему на одной скамье в Нюрнберге, вместе с убийцами и носителями человеконенавистнической идеологии, сидел, был осужден и повешен, некто Юлиус Штрейхер, журналист, редактор журнала, сам лично никого не убивший.

В советские времена телевидение, а, значит и я, и «Взгляд» тоже, выполняли пропагандистскую функцию. Ни на одном из советских журналистов не было крови. На сегодняшних так называемых журналистах, которые работают в публицистических передачах, кровь, реальные смерти и искалеченные судьбы тысяч и тысяч беженцев. Как следствие — абсолютная потеря уважение к стране в мире. Причем до такой степени, что мы оказались в одном ряду со странами-изгоями, типа Северной Кореи. Таков грустный результат безвзглядовской телевизионной эпохи...

Но вернемся к той теме, о которой я вскользь упомянул, читая свой собственный старинный, исписанный ежедневник. Я процитировал некоторые записи лишь затем, чтобы обычная жизнь журналиста и редакционного коллектива хоть чуть-чуть, с помощью них передала то удивительное ощущение причастности к тем изменениям, которые начались в стране. Из всего только что вами прочитанного прямое отношение к этой книге имеет фамилия Максимовы.

ГЛАВА 3.

МАКСИМОВЫ

Владимир и Тамара Максимовы — не просто создатели многих телевизионных программ, одна из которых, «Музыкальный ринг», известна благодаря интернету даже нынешней молодежи. Максимовы — авторы и создатели практически совершенно нового направления в телевизионном творчестве — жанра телеигры. Именно на Ленинградском телевидении, за много лет до появления на центральном телевидении ворошиловской «Что? Где? Когда?», в программах передач печаталось это новое слово — «телеигра». Я не историограф творчества Максимовых, но их роль в том, что называется сегодня телевидением перестройки, переоценить невозможно. Мне рассказывать о них и легко и трудно одновременно. Легко, потому что Владимир и Тамара мои первые профессиональные телевизионные учителя. Мы сделали вместе не один десяток телевизионных передач и стали не просто коллегами по работе, а близкими друзьями.

Трудно потому, что в 2001 году, когда наступило время лицензионных шоу на всех каналах, Максимовы приняли решение с телевидением завязать. Так как посчитали, что работать по чужим калькам, чуждым менталитету российского зрителя, для них было нелепо и смешно. Получается, что Максимовых из телевизионного пространства выжало само время, в которое они со своими инновационными телевизионными экспериментами просто не вписывались. Ведь на протяжении сорока с лишним лет работы на телевидении их главный интерес был в поиске новых ТВ-форматов, изобретении революционных телевизионных приемов в общении с аудиторией. Главным Володиным изобретением, конечно же, стал интерактив (опросы телезрителей в прямом эфире с помощью телефонов и смс), впервые в мире придуманный и примененный ими в программах «Общественное мнение» и «Музыкальный ринг» с 1985 года. Жалко, что об этом сейчас никто не вспоминает. Хотя в свое время именно этим они привлекли внимание и зрителей, и телекритиков. И только с 1997 года интерактив стали применять коллеги в своих передачах.

На протяжении всех лет работы на телевидении Максимовы успешно экспериментировали в разных жанрах, и немаловажно, что всегда их инновационные идеи имели поддержку общественных и политических организаций. Ведь в доперестроечном и тем более в перестроечном телевидении без цензуры выйти в эфир не могли даже самые безобидные программы детской редакции. Например, передача «Сказка за сказкой» шла в эфир только с вереницей виз, собранной в специальной папке, после того, как рецензенты (существова-

ла такая должность) писали положительные отзывы. Вообще лиц, решавших, что должен видеть телезритель, о чем следует умолчать, на телевидении было более чем достаточно не только в редакциях, где передачи готовились, но еще и в нескольких инстанциях, которые создавались специально для фильтрации материалов. Как правило, там работали люди, никакого отношения к творческому процессу не имевшие, зато обладавшие правом вычеркнуть, заставить переснять, перемонтировать, изъять вообще. Естественно, что при такой системе контроля на самой студии телевидения пробить какую-либо революционную идею новой программы можно было только под «крышей». В отличие от сегодняшних «крышевателей» из криминальных и финансовых структур, тогда в этой роли могли выступить идеологические организации — комсомольские и партийные горкомы и обкомы. Именно они и контролировали все медийное пространство 70–90 годов и определяли его политику. Найти с ними общие интересы, заразив своей идеей, было настоящим искусством. Благодаря тем, кто овладел этим искусством, появились главные передачи перестроечного телевидения: «Общественное мнение» Тамары и Владимира Максимовых, «Пятое колесо» Беллы Курковой, «12-й этаж» Эдуарда Сагалаева и наш «Взгляд».

К этому мы еще вернемся. Началось же все в 1963 году, когда шестнадцатилетний Володя Максимов приходит на ленинградский телецентр и устраивается там монтировщиком декораций. После окончания школы он пытается поступить в легендарный ЛГИТМиК — Ленинградский Государственный институт Те-

атра, Музыки и Кинематографии — на отделение телевизионной режиссуры. Поступает только со второго раза и фактически пять лет днем учиться, а вечером приезжает на Чапыгина, 6, где работает. К дипломному проекту Владимир Максимов уже не только ассистент режиссера, прекрасно владеющий всей телевизионной техникой тогдашнего телецентра, а автор нескольких режиссерских программ в детской редакции Ленинградского телевидения. Одну из передач, которая идет из Ленинграда по Центральному телевидению, он начинает снимать с выпускницей Литфака имени Герцена Тамарой Максимовой, которая оказалась такой же фанаткой телевидения, как и он сам. С 15 лет Тамара вела авторские программы на Мурманской студии телевидения. Во время учебы в Ленинграде писала сценарии для телевизионных фильмов и передач, поэтому успешный творческий альянс Максимовых — режиссера и сценариста не случаен, как не случаен и их семейный союз.

Свои совместные революционные идеи на телевидении Максимовы начали воплощать с 1969 года. В это время на телевидение пришел цвет. И Максимовым удалось убедить руководство Ленинградского телевидения передать списанное черно-белое телевизионное оборудование в Ленинградский Дворец пионеров. Дело в том, что Володя с 5-го класса несколько лет занимался в киностудии Дворца пионеров, что помогло ему обрести свой путь на телевидении, поэтому у него была заветная мечта — открыть во Дворце пионеров свою телевизионную студию для детей. Вместе с Тамарой, которая имела педагогические навыки после окончания института, он разработал про-

грамму обучения юных комментаторов, режиссеров, операторов и звукорежиссеров. Свое детище Максимовы назвали пионерской телестанцией «Сами о себе». За девять лет существования этой телевизионной экспериментальной базы было создано несколько телеигр «Пионерград», «До Зеркального 100», которые шли по Ленинградскому телевидению. Но главной, идущей уже по Центральному телевидению в течении 7 лет, стала телеигра для пионерских отрядов и их родителей «Один за всех и все за одного». Таким образом жанр телеигры был создан в экспериментальной студии Максимовых в 1969 году, когда им было 23 года.

Выпускниками студии стали известные сейчас телеоператоры, режиссеры, актеры и даже один всемирно известный дирижер. Многих своих учеников Максимовым удалось не только заразить «телевизионной бациллой», но и передать им свое отношение к любому виду творчества. Я думаю, то же произошло и со мной, когда мы впервые встретились в 1975 году. К тому времени Тамаре и Владимиру уже стало тесно в рамках придуманного ими жанра телеигры для детей. Часто их передачи-игры подменяли заштампованные акции Центральной пионерской организации тех лет. Бесконечные слеты, дни памяти, сборы макулатуры и металлолома были безусловно менее романтичными, чем задания телеигры, которые давались пионерским отрядам и их родителям с телеэкрана. Немаловажным здесь была сценарная основа, которая базировалась на принципах любимых с детства героев Гайдаровской книги «Тимур и его команда». А девиз, по которому жили и выполняли задания пионерские отряды из всех республик страны, был «Один за всех и все за одного».

К тому же стимулы для победителей телеигры не шли ни в какое сравнение с похвальными грамотами, выдаваемыми в школе. А были фантастической мечтой ребят из всех уголков страны — приехать на съемки на телевидение всем отрядом в Ленинград, поехать в телевизионном «Поезде дружбы» по городам-героям всех республик и стать участником итогового фильма и т.д. Эту полную сюрпризов и романтики жизнь организовывало для своей многомиллионной детской аудитории телевидение. Именно в эти годы пионерских телеигр появился один из главных концептов телевидения Максимовых — ТЕЛЕВИДЕНИЕ ОРГАНИЗАТОР ЖИЗНИ. (Особенно ярко он проявился в их популярном сериале «Кто с нами!» в поддержку возрождающегося в России фермерства в 1992 году.)

Но история телеигры «Один за всех и все за одного» закончилось тем, что в 1978 году Тамару и Володю вызвали в Центральный совет пионерской организации и однозначно дали понять, что заниматься подменной деятельности пионерской организации телевидение не должно. И предложили продолжить свои эксперименты с другой возрастной категорией — молодежной.

Так начался альянс Максимовых с Ленинградским обкомом и горкомом комсомола, не без участия которого и появился знаменитый «Музыкальный ринг». Об этом Тамара подробно рассказала в своей книге «Музыкальный ринг», выпущенной в 1991 году в издательстве «Искусство».

Но сначала была первая телеигра для молодежи «Круиз», на которой я и познакомился с Тамарой и Володей.

Однажды при взгляде на карту Ленинграда Владимиру Максиму пришла в голову идея соединить многочисленные острова, на которых располагался город, телемостами. Суть будущей телеигры сводилась к тому, что каждый остров организовывал своеобразные команды, состоящие из молодых жителей, которые в эфире задавали вопросы своим коллегам из команд других островов по истории, культуре, традициям тех мест, в которых они жили. В качестве жюри была специальная команда лучших историков и журналистов Ленинграда, которые на специальном паруснике плавали между этими островами, пришвартовываясь то к одному, то к другому. Свою передачу Максимовы назвали «Круиз», и вести ее было предложено автору этих строк, тогда инженеру-конструктору одного из питерских конструкторских бюро. Главным в «Круизе» было то, что участники команд, готовившие вопросы, очень быстро от тем исторических и культурологических перешли на темы социальные и общественные. И в одной из передач темой обсуждения стало странное несоответствие географического разделения граждан, живущих на разных островах, что входило в полное противоречие с разделением города на районы по количеству работающих там коммунистов. Участники передачи впервые задумались над тем, почему городские районы, где размещались такие крупные предприятия, как Адмиралтейский или Балтийский заводы, были значительно меньше по территории, чем окраинные районы города, где, собственно, жили те, кто работал на этих заводах. Впервые в телевизионном эфире было произнесено слово «спальный» район. Вместе с участниками передачи зрителям предлагалось поразмыш-

лять, почему разные районы Ленинграда по-разному обеспечиваются продовольствием. Почему жилищное хозяйство и транспорт на окраинах функционируют хуже, чем в центре. Программа не могла не вызвать настороженность руководителей города, и Максимовым посоветовали придумать новый развлекательный цикл передач для молодежи. Так появился следующий их проект — телеигра для городов Прибалтики и Ленинграда «Янтарный ключ». Меня определили ведущим и капитаном ленинградской команды. На этот раз география передачи вышла за пределы Ленинграда. Питерская команда с помощью телемостов соединилась в эфире с командами трех соседних прибалтийских республик — Латвии, Литвы и Эстонии. Молодые люди самых разных профессий, находясь в привычной для себя обстановке — чаще всего в молодежных кафе, соревновались в знании традиций, обычаев, истории и сегодняшней жизни соседей. Периодически своеобразной штаб-квартирой, объединяющей три республики и Ленинград, становились местные телецентры, где самые уважаемые и почетные люди оценивали знания команд. Каждая команда, кроме вопросов, готовила и выступления самых популярных эстрадных артистов, певцов, коллективов. Передачи были не только познавательными, но и развлекательными. Во всей истории подготовки и съемок передачи было то, что не доходило до эфира. Иногда аудитории наших прибалтийских коллег при обсуждении ответов на вопросы вдруг переходили на родной язык. Что при этом обсуждали, было непонятно, но уже при монтаже, а его осуществляли совместные телевизионные бригады, становилось ясно, о чем говорили молодые

литовцы, эстонцы и латыши. Так или иначе, они касались самой больной для них темы — оккупации Прибалтики советскими войсками в 1940 году. Тогда впервые я услышал словосочетание «секретные протоколы пакта Риббентропа — Молотова». В то время о самом пакте, то есть договоре между Германией и СССР, я имел достаточно смутное представление. Поэтому мне было очень интересно узнать, что это за секретные протоколы. Понятно, что ничего этого телезрители не видели и не слышали. Любая острота убиралась еще до просмотра их руководителями телевизионных студий. После этого прошло около десяти лет, я давно уже был не ленинградским, а московским журналистом, но о дележе Европы между Гитлером и Сталиным, зафиксированном в теперь уже всем известных протоколах, я и мои коллеги по «Взгляду» рассказывали в своих материалах. Но это случилось уже тогда, когда перестройка превратила общепринятое «нельзя» на телевизионных экранах в «можно» и даже «нужно». Вершиной перестроечной журналистики стал проект Максимовых «Общественное мнение», на котором мне хотелось бы остановиться особо. Двадцать четыре года назад вышла книга Л. Парфенова и Е. Чекаловой «Нам возвращают наш портрет», посвященная в том числе и этой программе. Учитывая то, что она писалась, как говорится, по горячим следам, я позволю себе процитировать свежие впечатления авторов книги. Тем более что многое из написанного, в той или иной степени, повторяет и мои интервью того, «взглядовского» времени. *«... Максимовы решили людей, привыкших к авторитарным нормам жизни, сделать участниками политического шоу, чтобы в них прорвался, или, ско-*

рее, родился азарт общественных деятелей, которые стремятся повлиять на судьбу страны. «Живой» эфир, телемосты, свободные микрофоны, оперативные социологические зондажи и немедленная, на глазах у всех, обработка поступающих данных на компьютерах, — все эти возможности сегодняшнего телевидения, которые по отдельности использовали разные телепрограммы, соединились в «Общественном мнении».

Вообще, говоря о творчестве Максимовых, и прежде всего о режиссере Максимове, нельзя не упомянуть о том, что он обладал удивительной способностью использовать в своих программах самые последние технические новшества, которые делались вовсе не для телевизионных нужд. Классический пример — это программа «Телекурьер», основа которой — телесюжеты, снятые передвижными телевизионными группами, оснащенными только что появившимися средствами мобильной телефонной связи. До Максимова эти средства использовались только в автомобилях аварийных служб. Корреспондентам «Телекурьера» можно было позвонить прямо в автомобиль со съемочной группой с любого городского телефона, и сделать это мог каждый гражданин. Номер телефона был не только напечатан во всех городских газетах, но и крупно написан на самих телевизионных автомобилях. Это была своеобразная журналистская «скорая помощь». В «Общественном мнении» Максимов использовал абсолютно недоступные тогда простым гражданам, да и большинству организаций, электронно-вычислительные машины, которые уже тогда стали называться компьютерами. В студии телевидения был оборудован специальный видеокомпьютерный центр, и во время

прямого эфира компьютеры обрабатывали информацию, поступающую от зрителей. Но вернемся к книге Парфенова и Чекаловой. Рассказывая об «Общественном мнении», они пишут: *«... это был тот редчайший случай, когда телепередача явилась моментальной реакцией на только что возникший, но еще не осознанный большинством населения социальный заказ. Ведь именно в ситуации радикальных реформ возникла острая необходимость избавить процедуру всенародного обсуждения законопроектов от формализма, внушить каждому члену общества убеждение: в конечном итоге успех перестройки зависит и от него. Поэтому процедура зрительского голосования и стала основным драматургическим элементом новой программы. К участию в новом политическом шоу авторы готовили зрителей постепенно. Начиная с февраля 1987 года, когда родилась передача, на обсуждение выносились проект закона о государственном предприятии, проект устава средней школы, меры по борьбе с пьянством. Все шло прекрасно. Новую программу сразу оценили: о ней благожелательно отзывались в горкоме и обкоме партии, появились положительные рецензии в ленинградских и центральных газетах. До той поры, пока темой программы не стала чисто политическая проблема. Вопрос передачи звучал так: «Тактика перестройки: сверху или снизу?».*

Кроме обращения в специально оборудованный компьютерный центр, зрители могли включиться в обсуждение и иными путями. Были предусмотрены телефоны кодовой связи — для краткого ответа на заранее распространенную анкету. Был задействован телеграф — для выражения своего, никем заранее не запрограммированного мнения. В городе были

установлены передвижные телестанции со свободными микрофонами, и впервые в истории ленинградского телевидения двери его были открыты и любой желающий мог прийти во время живого трехчасового эфира и участвовать в передаче. Вопрос анкеты формулировался так: «Кем вы себя считаете в перестройке — «энтузиастами» или «реалистами»?» Пояснилось: «энтузиасты» — это те, кто уверен, что уже наступило время смелых и решительных действий, когда особенно важно проявлять самостоятельность в мышлении, быть инициативным и активным. К «реалистам» предлагалось отнести себя тем, кто думает, что прежде, чем включаться в решительные действия, необходимы определенные социальные экономические и политические условия (гарантии). Городские газеты заблаговременно пригласили желающих отстаивать точку зрения «энтузиастов» приехать прямо во время эфира к Казанскому собору, а «реалистов» — к театру имени Пушкина (сегодня Александринский театр). И ту и другую «трибуны» в прямом эфире соединял со студией телемост. Обобщением данных в передаче занималась группа социологов во главе с профессором В. Ядовым. Была и еще одна группа экспертов, которые менялись от передачи к передаче, в зависимости от темы. В эту группу приглашались писатели, публицисты, журналисты, ученые, юристы, руководители производств, советские и партийные работники. Им отводилась роль своего рода комментаторов, но иной раз они становились чуть ли не главными действующими лицами. Случалось и противоположное. Тогда «эксперты», растерявшись от резких и противоречивых высказываний, вместо ожидаемого анали-

за поддерживали чью-либо позицию. Таким образом, передача «Общественное мнение» проявила все основные черты перестроечной журналистики, то есть стала трибуной гласности и ареной общественного мнения. Эту передачу постигла та же участь, что и предыдущие проекты Максимовых. Партийное руководство города не простило им появления в прямом эфире людей, которые говорили, что перестройки никакой нет, что магазины, как прежде, пусты, на предприятиях все то же опостылевшее «социалистическое соревнование», выборы — фикция, а если в них участвуют два кандидата, то их заранее утверждают в обкоме. Да разве может быть, вопрошали «случайные люди», как их потом называли в многочисленных критических рецензиях, вышедших после программы, настоящая демократия при однопартийной системе. Программа была закрыта и на несколько месяцев исчезла с телевизионного экрана, чтобы через некоторое время вновь появиться, но уже на Центральном телевидении.

Это было из области фантастики — телевизионная команда из Ленинграда в составе автора и ведущей Тамары Максимовой, режиссера Владимира Максимова, пяти телеоператоров, звукорежиссера, оккупировала одну из самых больших студий Центрального телевидения и вела прямые эфиры! на всю страну без вмешательства всякой цензуры. Удивительно то, что это были 1992–93 годы — самые взрывоопасные и непредсказуемые.

Закончилась эта «фантазмагория» пятчасовым шоу в прямом эфире «Встреча Нового политического года в Кремле», которое транслировалась на семьдесят стран мира. После этого скандального шоу

Максимовым посоветовали на 2 года уйти в подполье. И, продолжив свои дальнейшие эксперименты на телевидении с 1995 года, они зареклись никогда больше не вторгаться в область политики и благотворительности (В девяностых годах Максимовы совместно с Детским фондом, фондом Чернобыль, фондом Возрождения Петербурга провели три первых советских телемарафона, включающих все наработанные ими телевизионные приемы интерактива. Эти 24-часовые телемарафоны шли в прямом эфире на десятки стран мира. Но контролировать расход миллионов собранных рублей и долларов для фондов телевидению не позволили.)

Повторяю, я не пишу историю творческого пути телевизионщиков Максимовых. Я хочу доказать, что перестроечные СМИ стали смелыми не в одночасье, а уж тем более не по приказу или разрешению из Кремля. Мы лишь вовремя почувствовали, что за словами «перестройка» и «гласность», сказанными с кремлевской трибуны, есть реальный призыв власти к СМИ помочь ей в приобщении к решению огромных по масштабам преобразований и реформ общества, народа, страны в целом. Но мы еще были не готовы к этому, и делая десятки программ, ошибаясь и пробуя, переживая закрытия и выговоры, мы бесконечно искали ответы на вопросы, которые ставила перед нами жизнь. На это уходили не просто годы, но иногда и десятилетия. И если вдруг сегодня из Кремля вновь раздастся призыв к журналистскому сообществу помочь мобилизовать людей к борьбе, хотя бы с той же коррупцией, завтра на телеэкранах

не появятся внятные, профессиональные телевизионные передачи, способные реально изменить ситуацию в стране. Их просто некому сегодня будет делать. Не только на телевидении, а практически во всех современных СМИ власть заменила журналистов на верных ей пропагандистов, способных за жирный кремлевский паек не только откровенно врать, но даже стравливать целые народы друг с другом, откровенно призывая к войне, нарушая при этом не только конституцию, но и все нравственные законы.

ГЛАВА 4.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВТОРНИК

Я вел на Ленинградском телевидении не только разовые, но и цикловые передачи, все чаще сталкиваясь с тем, что основную роль при подготовке к съемкам и к сдаче передачи руководству телевидения играют вовсе не автор, не режиссер и не участники программы. Редактор — вот ключевая фигура на телевидении тех лет. Именно умение редактора обойти цензурные рогатки еще в период подготовки передачи, сказать в передаче то, что хочешь, и при этом не навлечь на себя гнев руководства, а то и не поставить программу перед угрозой закрытия составляло основу работы Тамары Максимовой. Много раз я пытался вывести ее на разговор, как ей удастся выдавать в эфир программы, достаточно острые по тем временам, и при этом, получая выговоры от начальства, оставаться на своем месте. Вместо ответа она предложила мне почитать несколько листочков печатного текста на папи-

росной бумаге, сказав, что это фактически инструкция по выживанию редактора на телевидении. На папке с листочками было написано «Стенограмма передачи ленинградской студии телевидения «Литературный вторник» от 4 января 1966 года». Первый же абзац прочитанного вызвал у меня скуку и отсутствие желания читать дальше. Тогда Тамара рассказала мне о том, что в истории ленинградского телевидения было немало передач с последующими «оргвыводами». Но только эта программа закончилась увольнением всего руководства ленинградского телевидения. И чтобы понять, что можно, а что нельзя говорить с телеэкрана, она очень советует мне прочитать эту стенограмму до конца. У меня сохранился с тех пор блокнот с выписками из этой стенограммы, которые показались мне достаточно любопытными. Конечно, сегодня понять то, почему с таким ожесточением нападали на высказанное уважаемыми людьми мнение о проблемах защиты русского языка, достаточно сложно. Если бы не попавшаяся в руки сокращенная стенограмма заседания комитета по радиовещанию и телевидению Совета министров СССР от 7 января 1966 года, на котором обсуждалась эта самая передача, я бы не стал писать об этом. Но стиль передачи и того, что в ней говорилось, и стиль того, как она обсуждалась высшим телевизионным начальством, удивительным образом совпал с тем, что я много раз испытывал сам, уже работая в Останкино, а главное, он удивительно похож на стиль сегодняшнего общения разнообразного руководства страны с работниками СМИ. Но вернемся к стенограмме самой передачи. Ее гостями были тогда: член-корреспондент Академии Наук Д. С. Лихачев, писатель В. А. Солоухин,

писатель Л. В. Успенский, языковед В. В. Иванов, писатель О. В. Волков, литературный критик, зав. отделом журнала «Дружба народов» В. С. Бушин, научный сотрудник Института русской литературы Академии наук СССР Л. И. Емельянов. Вел передачу член союза писателей Б. Б. Вахтин.

Вахтин: Дорогие друзья! Сегодняшний наш литературный вторник посвящен русскому языку, русской речи, русскому слову. Мы собрались здесь сегодня не случайно. Вы знаете, конечно, прекрасно, что несколько лет назад, как бы внезапно, как бы неожиданно мы все обнаружили для себя заново нашу родину. Началось это, пожалуй, с интереса к иконам, с интереса к старине. Мы открыли для себя замечательную живопись, замечательную архитектуру, превосходные памятники слова. И вот на фоне этого большого интереса, а этот интерес, между прочим, сначала носил характер скорее не столько восхищения, сколько возмущения: действительно, в одном месте растащили на дрова церковь, в другом месте разобрали монастырь старинный на кирпичи, там сожгли иконы, там не сберегли рукописи... Скорее, это носило характер возмущения такого. ...Так вот, на фоне этого интереса к нашей национальной культуре, вслед за ним появилось особое чувство — много статей было напечатано на эту тему — такое стремление сберечь нашу природу, сберечь речь, сберечь леса, сберегать птиц, сберегать животных в наших лесах, помнить, что мы здесь хозяева, которые свою собственную землю должны беречь — иначе она разрушится, иначе она придет в запустение. <...>

Постепенно от такого интереса к материальной культуре мы переходим к тому, что, пожалуй, в культуре является важнейшим, то есть к языку, к речи нашей. А здесь тоже далеко не все благополучно. Живая речь сейчас гораздо богаче, гораздо ярче, сложнее по составу, чем та речь, которая отражается в литературном произведении. Литературная речь очень оторвалась от живой разговорной речи. <...> Мы не только не записываем слова живого языка, живое понимание речи, мы не записываем и соединения слов, живую манеру говорить, не обезличенную образованием и не обезличенную чтением газет. У нас переводческое искусство стоит крайне высоко, и, скажем, есть такая замечательная книга, как перевод Рабле, выполненный Любимовым. Но при этом у нас идет масса переводов западной литературы, которые выполнены на таком обесцвеченном, как бы среднелитературном языке. Там все соответствует норме, но там нет жизни. Это происходит и под влиянием газет, конечно, которые страшно засоряют и портят живую речь, лишают ее красок и цвета. В известной степени и радио виновато тоже, которое слушают многие, но и меньше конечно. И телевидение, нас пригласившее, тоже немного в этом грешно.

Лихачев: Я хотел бы в связи с этим напомнить слова Николая Николаевича Асеева из его замечательной книги «Зачем и кому нужна поэзия». Он спрашивает: «У кого мы учились? У кого учился, в частности я? Прежде всего у пословиц и поговорок, у присловий и присказок, что бытуют в речи народной. Потом у книг, подобных «Мысли и языку» Потебни, — великой книге о языке и его устройстве. За-

тем у летописей и старорусских сказаний, у «Жития протопопа Аввакума». И еще — у «Слова о полку Игореве», прельщающего своей силой языкового размаха. И все это перечисленное помогает любить слово. А Кирша Данилов с его удивительными уроками языка, показом силы и необычности воздействия слова! Вот почему Николай Николаевич Асеев, замечательный советский поэт, говорит, прежде всего, не о Маяковском, не о Некрасове, не о Гоголе, не о Пушкине, у которых он учился, а прежде всего, начинает с этих старых сказаний, присловий, летописей, «Слова о полку Игореве». Я думаю потому, что Асееву важна была в русском языке вот такая его историческая дистанция. Он хотел черпать из исторических истоков, из глубины слова, потому, что слово тем старше, чем оно прошло больше в истории, тем больше ассоциаций у этого слова, тем оно более весомо. Русскому языку больше тысячи лет, он так богат и гибок потому, что русская жизнь была чрезвычайно богата. Он развивался на огромной территории. В нем постоянно взаимодействовало много диалектов. Он сам создавался не только из своих собственных корней, а смешался с древнеболгарским, потом испытал влияния и скандинавские, и финские, и германские, а потом и влияние языков польского, французского и английского. Влияние византийское и греческое было тоже велико. Именно этим богатством русской жизни, богатством культурных традиций объясняется богатство русского языка. Эстетические достоинства русского языка не могли развиваться вне всей эстетической истории русского народа, вне литературы, вне живописи, вне замечательного зодчества и замечательного декора-

тивного искусства. Я напомним, что, например, Игорь Грабарь считал, что гений русского народа главным образом сказался в древнерусском зодчестве. <...> Во Владивостоке и в Ленинграде говорят, в общем-то, на одном языке. И это удивляет немцев, допустим. Они в каждом городе говорят как-то иначе, на таких своеобразных диалектах. Это действительно удивляет, что на огромном пространстве язык, в общем-то, один и тот же. Правда, мы его недостаточно бережем. <...> У нас очень много переименований. Причем я уже не говорю о том, что менять старые традиционные названия — это нехорошо, потому, что мы как-то разрываем с традициями. Эти названия наших улиц, площадей, городов часто встречаются в литературных произведениях. И потом нужно гадать, о каком городе, о какой улице, о какой площади идет речь в этом литературном произведении...

Но дело и в том, как мы переименовываем. Петергоф и Петродворец, — это переименования плохие с точки зрения русского языка. Как вы назовете дворцы? Петродворцовые дворцы? Но это же тавтология. Теперь у нас есть Петрокрепость. Вместо Шлиссельбурга. А как вы назовете теперь жителей Петрокрепости — петрокрепостники?

Иванов: <...> Достоевский в письме к брату по поводу «Бедных людей» писал о критиках читающей публике: «Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя, я же моей не показывал. А им и не вдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может». Вот в этом-то и особенность сказа у больших русских писателей, что говорят не только они сами, а через них говорят разные

люди. И отсюда, вот у того же Достоевского, эта многоголосость, о которой замечательно пишет Бахтин в своей великолепной книге о Достоевском.

У больших русских писателей мы слышим сразу слово многих людей. Отсюда русская литература, действительно соборная литература, литература, где через большого писателя говорит весь народ, и между прочим в XX веке именно этому у русской литературы учились и многие писатели на Западе. Мы слышим все время отклики вот этих черт Достоевского и в XX веке у многих наших, еще недооцененных писателей начала XX века первых десятилетий — у Андрея Белого, Ремизова, Замятина — мы это слышим...

Бушин: Хлебников... Человек был просто страшно влюблен в язык, а из него сделали формалиста. Ну, какой он формалист? Он просто обожал русскую речь, язык, он любил ее, как Даль. Правда?!

Иванов: Да, конечно. Мы многого еще недооценили в нашем наследии 20-х годов. Я думаю, что в рассказах Зощенко, больше, чем у кого бы то ни было, есть стихия живой городской речи. Мы еще многого не знаем, или знаем плохо то, что было, скажем, у Андрея Платонова, у Булгакова в его прозе. У нас часть прозы тридцатых и сороковых годов еще в запасниках, как говорят музейщики. Постепенно начинает обнародоваться, и мы видим, как много было этого у Андрея Платонова. И, наконец, мне хочется сказать о Солженицыне. Мне кажется, что это изумительное явление в нашей новой литературе. Это воскрешение, причем по-новому, вот этой сказовой традиции. У Солженицына и в «Матренином дво-

ре», и в «Одном дне Ивана Денисовича» мы слышим этот живой голос современных людей и осмысление всего исторического опыта, просветленное духовностью, свойственной русской литературе. Оно сказано в самом словаре, в говоре, в построении фразы, в отсутствии скованности и стандартности. Вот таковы все большие русские писатели. Поэтому русская литература велика и тем, что она непрерывно связывает русскую речь, которая живет в повседневном обиходе, язык письменной русской литературы. Такова и русская поэзия. Мандельштам в своих статьях о поэзии писал, что все большие русские поэты способствовали обмерщвлению языка. Язык становится все ближе к разговорной речи. И это действительно так. Это одна из самых больших заслуг русской литературы перед Россией — постоянное внимание к живому русскому слову.

Солоухин: Мы вынуждены через себя пропускать ежедневно огромное количество информации из газет, радио, журналов, книг. И очень много газетного, информационного западает в наше сознание, причем настолько, что писатель сам выносит на свои страницы. И получается штамп. Например: «еще шире и глубже», «претворим в жизнь», «развязать инициативу масс» — это же ороговевшие штампы. Капилляры им уже не приносят теплую кровь. Это уже роговина. Понимаете? <...> Я однажды задумался, что у нас из языка ушло интимное обращение друг к другу. У нас есть прекрасное слово «товарищ». Официальное партийное слово. Естественно, с трибуны, обращаясь к большому количеству людей, я говорю «товарищи». Вот даже вам: «Товарищи те-

лезрители». Это естественно. Естественно, когда меня останавливает милиционер и говорит: «Гражданин, ваши документы». Но если я сижу за столом в интимной обстановке, я что, скажу женщине: «Гражданка, не хотите ли салату?». Или: «Товарищ, не хотите ли водочки?». Это официально и слишком торжественно для этой обстановки. Мы занимаем, заполняем пустоту уродливыми вещами. Например, «девушка». Независимо от возраста. Продавщице говорим — девушка, а она — бабушка. «Мамаша, папаша». Или там «шляпа», «борода», «начальник», или просто «эй». Даже «эй». Понимаете! Я бы предложил вернуться к старинным русским словам «сударыня» и «сударь».

Бушин: Я хочу сказать о старых и новых названиях. Позволю себе выдержки из некоторых писем, которые пришли ко мне. Товарищ Куприяновский из Иванова пишет: «Чехарда с переименованиями — это не игра и не безвинное занятие. Нередко это проявление нигилизма и равнодушия к прошлому, к исторически сложившемуся укладу жизни. Это эгоистическое самоутверждение современников, которым нет дела ни до пращуров, ни до своих потомков». Ленинградский инженер Добросердов пишет: «Родину, родную землю стремятся выбить у меня из-под ног необдуманно переименованиями. Задумываются люди, заменяющие устаревшие, по их мнению, названия новыми, о том, что наступит время, когда эти новые названия тоже станут старыми. И если следовать подобному правилу, они тоже будут переименованы. Что же после таких бесчисленных переименований останется исторического?» Профессор, доктор технических наук ленинградец Синев-

ский пишет: «Только тем, что у мудрости есть пределы, а противоположность ее безгранична, можно объяснить переименование таких городов, как Тверь, Вятка, Пермь, Нижний Новгород, Самара, — городов, стоявших у истоков русской истории». Кто теперь ответит нам за варварское уничтожение в Москве Сухаревой башни или Храма Христа Спасителя, который строился сорок два года на народные деньги, был украшен известными художниками и посвящен был благороднейшей цели — победе над наполеоновским нашествием?! Анна Каренина погибает на железнодорожной станции «Обираловке», так вот теперь станцию «Обираловка» называли «Железнодорожная» Это, так сказать, административный восторг в его чистом, ничем не замутненном виде. Недалеко от Обираловки была станция Кудиново. Хорошее простое русское слово. Так ее называли, не поверите, «Электроугли». Это же издевательство просто над русским языком. Издевательство над людьми, которые там живут. Ну, как это, я живу в Электроуглях? Доктор физико-математических наук Бабич, ленинградец, рассказал мне, что в Пскове был мост. По легенде, будто бы в том месте встретились Ольга и Игорь. В соответствии с легендой, построенный там мост называли Ольгиным. И вот в некий час некий псковский администратор оглядел своим недреманным оком всю нашу страну и увидел, что на всю Россию Ольгин мост один. И он, конечно, перепугался. Он прежде всего живет под девизом: «Вперед не суйся и сзади не отставай». Для него неприемлемо все, что выходит за рамки привычного. И Ольгин мост называли мостом Красной Армии. Но на этом не успокоились. Когда крас-

ную армию стали называть советской армией, мост, соответственно, назвали мостом Советской Армии, таким образом скрыв его первородное имя под двойным напластованием. Сейчас строится город под Москвой. Газета «Московская правда» объявила конкурс на лучшее название этому городу. Сама по себе идея вроде бы неплоха. Только, мне кажется, не конкурс надо проводить, а простое деловое обсуждение. А то ведь какие пошли предложения: Крылатогорск, Лучезарный, Прогрессград, Славтруд, Светлогорск, Романтика, Радость, Весноград, Счастливый, Мечта... Нечему удивляться, что предложения такие слащавые и безвкусные. Хотя возьмите то, что писал поэт Евгений Долматовский на страницах «Литературной газеты». Он с сожалением писал, что нет в Москве улицы Радости, улицы Юности и улицы Счастливой. Я думаю, что и слава Богу, что нет таких названий. Есть другой пример. Кандидат философских наук эстетик ленинградец товарищ Харчев пишет, что ему не нравятся такие города, как Подлесное, Заречье, Луговая. Он говорит: «Нравственное воздействие таких названий ничтожно. Что они могут сказать уму и сердцу людей. Например, Междуреченск». Он предлагает такие названия: Трудославль, Вешнеград, Надежда, Разум. Представляете, Разум?! Город Разум.

Успенский: А что! Звучит. Представляете у нас Разум, такая дыра.

Иванов: Я после таких печальных разговоров, как теряются старые названия, как старая традиция обрывается, хочу еще раз сказать о том, как много из старой традиции сохраняется. И прежде всего сохраняется в поэтическом слове. Наши большие

поэты часто обращали внимание на то, как поразительно стоек народный язык и язык народных песен. Я хочу привести одно из последних свидетельств. У меня хранится письмо Бориса Пастернака, которое я от него получил десять лет назад. Я хочу его просто показать и прочесть из него отрывок, который касается записи русских песен, сделанной Ричардом Джеймсом. Подумайте, как это по-современному звучит: «Бережок зыблется, а песочек сыплется, а ледочек ломится, добры кони тонут, молодцы томятся». Давил Самойлов эту песню вставил в свою пьесу, и, я думаю, многие читатели поражаются, какая современная внутренняя рифма: молодцы — ломится. Как это хорошо придумал Самойлов. Большой писатель наш — это как артезианский колодец, который уходит в такую толщу народной речи, которая, действительно, веками не меняется. И речь, которая объемлет и богатство нашего языка, и богатство других языков, сообщавшихся с нашим языком. Как когда-то Достоевский в речи о Пушкине говорил о таком всеобъемлющем характере нашей культуры, то же верно и в отношении нашего языка. И как писал Мандельштам: «Слаще пеня итальянской речи для меня родной язык, ибо в нем таинственно лепечет чужеземных арф родник».

Волков: Конечно, есть язык словесный, но есть язык музыки, язык звуков. Он имеет громадное значение для передачи традиций. Я хотел бы сказать о значении нашей духовной музыки. Ведь раньше устраивались ее концерты. Все мы знаем, что наши крупнейшие композиторы черпали из этой сокровищницы, создавая свои произведения. И надо ска-

зать, что на русской почве эта пришедшая из Византии вместе с христианством музыка подверглась нашему влиянию и приобрела национальный характер. Мне кажется, что если мы слушаем и музыку Баха, мы могли бы устраивать концерты и нашей духовной музыки. Например, «Литургию» Чайковского или рахманиновскую «Вечерню», или, скажем, есть еще и «Плач Богородицы».

Лихачев: Да, видите ли, тут в чем дело. Мы здесь говорим не только о русском языке. Эта любовь напрямую связана с любовью к нашей стране, к нашим городам, к нашим селам, к пейзажам, к природе. Любовь к русскому языку неотделима от нашего патриотизма. Но что мне хотелось отметить особенно, что патриотизм, настоящий патриотизм — это нечто прямо противоположное шовинизму. И вот именно об этом надо напоминать. Потому, что именно путают эти два понятия — патриотизм и шовинизм. Потому, что патриотизм основан на любви к своей стране, а шовинизм основан на ненависти к другим народам. И из ненависти к другим народам никогда не получается любовь к своей стране, особенно к такой, как русская страна, как советская страна, которая многонациональна по своей природе. И русская культура, с ее русским языком, это культура очень многих народов. В русскую культуру вложили какую-то свою долю и участие греки, финны, болгары, татары, народы западноевропейские, скандинавские, французы, англичане и, главным образом, конечно, те народы, которые живут в пределах Российской Федерации, в пределах нашей Родины. И, в частности, с конца XIX века большую долю в сложении русской

культуры вложили евреи — и писатели, и художники, Левитан и т. д. Таким образом, русская культура, которая не может быть определена ни расово, ни паспортно, она является культурой многонациональной. В соответствии с духом русской культуры, о которой, кстати сказать, так хорошо говорил Достоевский в его упомянутой здесь речи на Пушкинских торжествах.

Вахтин: Совершенно верно. Тут говорилось, что с языком, с человеческой речью шутить нельзя. Потому что словесная речь человека это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом.

На этом текст обрывается. Он был переписан мной в блокнот по настоянию Тамары Максимовой и сохранился чудом: «Если хочешь понять, что на нашем телевидении можно, а что нельзя, то есть стать настоящим редактором, ты должен не просто прочесть, ты должен это изучить», — говорила мне Тамара.

Но тогда меня, молодого советского инженера, стало быть, обычного советского гражданина, особо учить тому, чего нельзя, было не нужно. Я родился и прожил всю жизнь в неких рамках, которые казались мне абсолютно незыблемыми и даже вечными. Внутри этих рамок я сменил октябятскую звездочку на пионерский галстук, а когда пришло время, и на комсомольский значок. Я не обращал тогда внимания, что клубы и дома культуры, где я мастерил модели самолетов, изучал радиодело, пел в хоре, зачастую находились в зданиях бывших церквей и монастырей. Я не видел

в этом ничего странного. Слова «вера» и «Бог» практически не произносились в доме. А на стене над папиным письменным столом висели портреты Маркса и Ленина. Уже в зрелые годы я узнал «страшную» тайну. Оказывается, я был крещен в младенчестве, причем трижды. Отец, ставший после войны партийным работником, рискуя, как я сейчас понимаю, практически всем, и прежде всего своей карьерой и партбилетом, специально вызвал из деревни свою сестру. Чтобы она тайком от всех меня окрестила. Что она и сделала. Моя мама, втайне от отца, уговорила уже мою старшую сестру сделать то же самое. А моя няня, тетя Дуся, видя, что ее любимец растет нехристом, на свой страх и риск и опять же в тайне от моих родителей тоже окрестила меня. Грустный парадокс этой истории в том, что меня трижды крестили в одном и том же храме. А каждый из тех, кто это делал, признался мне в своем «преступлении» незадолго до своего ухода из жизни...

В школьные годы мне было абсолютно ясно, что города должны называться именно Горький, Куйбышев и Калинин. А не допотопно — Нижний Новгород, Самара и Тверь. Я что-то слышал о разрушении Храма Христа Спасителя, но для меня его не было никогда. И я считал абсолютно верным, что в том месте, где он когда-то стоял, теперь бассейн «Москва», где плавать может абсолютно каждый. Я даже сам однажды, приехав в Москву, решил это сделать, заплатил 30 копеек, разделся, подошел к бассейну, но войти в него не решился. Потому что рядом с головами купающихся я увидел продукты жизнедеятельности их организмов. Но это были мелочи. В конце концов, было осуществлено конституционное право советских граждан

на отдых. Все правильно. Я был отличником в институте не только по физике и математике. Мне хорошо давались так называемые общественные дисциплины. И даже сегодня, если поднапрячься, я мог бы толково изложить буквально «вбитые» в меня книги вождя мирового пролетариата «Государство и революция» и «Материализм и эмпириокритицизм». Поэтому все рассуждения о духовности русского народа, о роли религии в нашей истории сводились к достаточно простым вещам. Мы с другом на Пасху и на Рождество тайком проникали на территорию Никольского собора и смотрели на крестный ход, прекрасно понимая, что нас ждет в случае, если нас поймут дежурившие там дружинники. Это было страшно и весело одновременно. И если нам удавалось «поучаствовать в мероприятии», мы с радостью ехали домой, чтобы успеть к телевизору, где показывали «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». То есть я, слушая совет моего телевизионного педагога, все-таки так и не вник в суть скандальной передачи и поэтому так и не понял тогда, почему из-за нее уволили главных ленинградских телевизионных начальников. А может, я и не задумывался над этим. Но одно я помню очень хорошо. Меня по-настоящему задело и заинтересовало в тексте передачи имена и фамилии писателей и поэтов, которых я не просто не читал, но даже и не слышал о них. Меня мало волновало «Слово о полку Игореве», упоминавшееся в школе. Мне это было просто не нужно: до 17.00 я стоял у кульмана, воплощая свои идеи в чертежи, либо участвовал в летних испытаниях своей аппаратуры, сделанной по этим чертежам. И абсолютно искренне считал это делом своей жизни. Причем делом очень серьезным,

каким оно и было. Главное — нужным. Ведь я, в прямом смысле слова, помогал обеспечивать безопасность страны. А вот вечером после работы я приезжал на Чапыгина 6 и вел различные молодежные телепрограммы. Чаще развлекательные, редко серьезные. Все это я делал легко и считал своим хобби. А всех тех, кто получал за это зарплату, я искренне уважал, но всерьез не воспринимал. Меня радовало, что моими телевизионными успехами гордятся родители и коллеги, что мне завидуют однокашники, что меня узнают на улице и в транспорте и что девушки берут у меня автографы. Все это была веселая и не обязательная игра. Но история с «Литературным вторником» открыла для меня телевидение совсем с другой стороны. Я видел то постоянное напряжение, с которым мои телевизионные друзья произносили слова «сдача», «просмотр у руководства», «вызов на ковер». Это происходило каждый раз, когда передача была закончена, отмонтирована, озвучена и, казалось, можно было передохнуть и порадоваться, как у нас все хорошо получилось. Обычно я уезжал домой до того, как происходила приемка программ, и смотрел себя по телевизору дома. Но с какого-то времени мне стало интересно, почему совершенно безобидные, на мой взгляд, слова у меня или у участников программы «вырезались», а чтобы этого не было видно, место «склейки», как говорили телевизионщики, перекрывалось какой-то другой картинкой. Я стал настаивать, чтобы меня приглашали на эти просмотры и сдачи. И оказалось, что телевидение никакой не праздник, что люди, которые делают передачи, могут быть подвергнуты не просто наказанию, а увольнению за кем-то сказанное слово. И еще

я отчетливо понял, что телевизионное начальство ненавидит своих подчиненных, видя в них чуть ли не своих личных врагов. Много раз я потом обращался к переписанному тексту скандальной передачи и постепенно начинал понимать, что для работы на телевидении мало иметь желание, смазливую физиономию и некий набор соответствующих способностей. Нужны знания. Обширные и глубокие. Причем в самых разных областях: истории, науки, культуры. Нужно много читать. Причем не только периодику. Надо быть в курсе событий, которыми живет не только родная «оборонка», но и город, страна, мир. И еще нужно много общаться с людьми, причем не только с теми, которых ты потом приглашаешь на передачу. Нужно быть достойным таких людей, как, например, гости этого самого «Литературного вторника». Достойным в том смысле, чтобы не просто говорить с ними на одном языке, но еще знать их биографию, их пристрастия, их друзей и врагов, их жизнь, наконец. Таким образом, я пришел к неожиданному для себя выводу: если я хочу и дальше заниматься телевидением, а я этого искренне хотел, я должен пойти учиться. То есть должен поступить в гуманитарный вуз. Что я и сделал. Хотя мысли о том, что буду менять профессию, у меня тогда не было. Я бы продолжал карьеру конструктора, если бы меня не пригласили на центральное телевидение для участия в телевизионном конкурсе «Салют, фестиваль!», посвященном XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване. Не стал бы я утомлять читателя подробностями моей биографии, если бы история с «Литературным вторником» не имела интересного продолжения и непосредственного отношения к теме данной статьи и сборника в целом.

Несколько лет назад я был приглашен в родной Петербург для участия в научной конференции, посвященной международному значению Перестройки в СССР. И пригласил меня не кто иной, как Борис Максимович Фирсов, социолог, доктор философских наук, основатель, ректор, а в настоящее время почетный ректор Европейского Университета в Санкт-Петербурге. То есть тот самый Борис Фирсов, который, как говорится, «с треском» был изгнан из руководителей Ленинградского телевидения после упомянутой программы. В память о нашей встрече он подарил мне свою книгу «Разномыслие в СССР 1940–1960-е годы». В этой книге немало страниц посвящено и истории телевидения вообще, и программе «Литературный вторник» в частности. С удивлением я узнал, что, оказывается, расшифровка передачи была не только у моих телевизионных учителей — Тамары и Владимира Максимовых — и ее создателей. Самым серьезным образом передача изучалась в Ленинградском обкоме партии, на центральном телевидении, в отделе пропаганды ЦК КПСС и даже в КГБ. Результатом этих обсуждений стала закрытое заседание Комитета по радио и телевидению Совета Министров СССР 7 января 1965 года. Вернее, это было не заседание, а, практически, суд, на котором присутствовали обвиняемые, свидетели, прокуроры, а виновных привлекли к ответственности. Долгое время стенограмма этого заседания была засекречена. И все-таки Борису Фирсову удалось ее разыскать, и он опубликовал ее в своей книге в слегка сокращенном варианте. Считаю необходимым опубликовать ее текст не только потому, что это уникальный документ эпохи тотальной

цензуры и диктатуры идеологии одной партии. Главное, потому, что сам тон обсуждения, а порой и словосочетания удивительным образом напоминают сегодняшние «разборки» власти с так называемыми «независимыми СМИ». Самый свежий пример — это реакция российских властей на неудачно сформулированный опрос телезрителей о блокаде Ленинграда, проведенный телеканалом «Дождь». Впрочем, таких примеров масса. И не только в отношении власти к журналистам. Практически вся законодательная деятельность нынешней Думы, особенно последние годы, носит явно запретительный и даже репрессивный характер. «Взбесившийся принтер» всего лишь повторяет и реализует то, что ему предлагает высшее руководство страны. Сам собой напрашивается вывод: в идеологическом, мировоззренческом плане наша страна развивается не по спирали, согласно законам диалектики. К большому сожалению, мы сделали круг. Россия в 2014 году в области отношений между властью и СМИ снова оказалась в таких далеких 60-х годах прошлого века. Впрочем, судите сами.

Тов. Фирсов: Первоначальный замысел очередного «Литературного вторника», с которым Ленинградское телевидение ежемесячно выходит на первую программу, сводился к тому, чтобы поднять вопрос о сохранении памятников старины. Эта тема была отвергнута, а затем решено было поднять проблемы, связанные в основном с чистотой и культурой русского языка. Редакция литературно-драматических передач Ленинградского телевидения, опираясь на Союз

писателей, в частности на Вахтина, до этого участвовавшего в подготовке и проведении десятка передач, вошла в контакты с официальным литературоведением. Была договоренность, что в этой передаче примет участие Лихачев. Затем были подобраны другие участники передачи: Успенский, Солоухин, кандидат наук Иванов, научный сотрудник музея Пушкинского дома Емельянов, а также московский критик заведующий отделом журнала «Дружба народов» Бушин. Сейчас можно говорить о печальных результатах, которые имели место после этой передачи. Но первоначально представленные участниками передачи тезисы резко отличались от того, что было представлено на самом деле. Передаче предшествовала поездка двух редакторов в Москву. Анализируя этот случай и пытаясь разобраться в серьезном идейном промахе и ошибке, следует разделить вопрос на несколько частей. Первая — степень вины работников Ленинградского телевидения. Поскольку они приглашали людей, они и должны нести ответственность. Я думаю, что при подготовке этой передачи оказались нарушенными многие из основных принципов, которые должны были сопровождать подготовку такой передачи. Я думаю, что наша редакция не провела достаточно тщательного подбора авторов. Здесь следовало бы изучить мировоззрение этих людей по ряду вопросов. Вторая — несмотря на то, что мы имеем довольно строгое предупреждение требовать от выступающих развернутые тезисы их выступлений, этот принцип не был соблюден. Третья — еще одна ошибка состояла в том, что на роль ведущего был приглашен неподходящий человек, хотя, возможно, и сведущий.

Но справедливости ради должен сказать, что при обговоре данной передачи некоторые ее участники, в частности Волков, говорили о том, что они предполагают поднять вопросы, связанные с тем, что в наше время необходимо изучать старую культуру. На что им было сказано, что к этой проблеме обращаться не следует. Волков эту границу перешел. Что касается Бушина, я оцениваю его выступление как злобное. Он не должен был выходить за рамки тех этических норм, тех вопросов, которые им принимались в его же статье. Поэтому цитирование писем, подбор писем, сама форма — это все было отступлением. И о том, что так будет, о том, что он так собирается говорить, никто не знал. Я думаю, что наше отступление от норм высокой бдительности позволило первоначально намечавшийся разговор превратить в бесхребетную передачу. Участники дискуссии оказались предоставленными сами себе. То же самое относится и к оценке, в частности, превышения роли церковно-славянской литературы. Что касается выступления Бушина, то я его оцениваю как политически вредное. Оно не должно было появляться на экране Ленинградского телевидения.

Тов. Месяцев: Чем вы объясните, что в работе Ленинградской студии имеются такие срывы? Неверную трактовку некоторых проблем?

Тов. Фирсов: Я это могу объяснить тем, что я сам недостаточно требователен к своим подчиненным. Собственное мировоззрение и собственные взгляды мне не всегда удается распространить на каждого подчиненного.

Вопрос: *Каким образом Бушин попал на вашу передачу?*

Тов. Фирсов: Проблема переименования улиц существовала. По рекомендации Вахтина и Солоухина для того, чтобы осветить эту тему, и был приглашен Бушин.

Тов. Копылова: Эта передача готовилась обычным путем. Мы разговаривали со всеми участниками-ленинградцами несколько раз. С московскими товарищами мы разговаривали по телефону. Большинство из этих людей уже выступали по телевидению. Например, Иванов. И выступления их были положительными. Иванова мы взяли по рекомендации Лихачева. У истоков этой передачи стояли Вахтин и Лихачев. Иванов — один из крупнейших языковедов, который занимается славянской филологией, а также математической лингвистикой. Видимо, наша большая ошибка заключается в том, что мы не согласовали весь московский состав, потому что именно москвичи сыграли здесь такую роль, не согласовали с Союзом писателей. Бушин появился по рекомендации «Литературной газеты». *Его выступления в газете* были далеко не такими, как на телевидении, которое я считаю просто хулиганским. Что говорил Волков о литургии, мы отвергли и наметили границы выступлений, большая ошибка наша заключается в том, что мы все прослушали тезисно. Иванов, например, на нашем обговоре не приводил никаких примеров. Что касается Бушина, то он даже в отношении к людям, с которыми вступил в контакт в этой передаче, поступил просто непорядочно.

Тов. Иванов: В Союз писателей вы не ходили?

Тов. Копылова: Нет.

Тов. Иванов: А в Литературной редакции Центрального телевидения были?

Тов. Копылова: Да.

Тов. Иванов: Советовались с ними?

Тов. Копылова: Нет.

Тов. Филиппов: Я должен честно рассказать, как в моем представлении могла появиться на Ленинградской студии телевидения подобная передача, по существу, сомкнувшая фронт тех, которые ведут атаки на политику нашей партии по литературе и другим каналам. Я ее оцениваю так. Подбор авторов был сугубо односторонним. Я должен сказать, что в Ленинграде делалась попытка атаковать под видом защиты нашей старой культуры то, что утверждается. Солоухин в развязной форме, несмотря на то, что ему было запрещено говорить на эту тему, тем не менее, оказался здесь в числе авторов. Правда, он ушел в сторону от этих споров. Но, не кто другой как Солоухин подставил Бушина, который говорил в еще более развязной и аполитичной форме. У нас на телевидении стали увлекаться дискуссией. Причем на эти дискуссии мы пытались вытаскивать вопросы без твердо определенной цели, прежде всего на слушателя, то есть телезрителя. Примерно такой же пример был с передачей «Горизонта», где выступающие говорили, что хотели. Мы, к сожалению, стали тащить на телевидение такие темы для дискуссий, которые нужно обсуждать в семейном кругу, в кругу писателей и так далее. Мы в категорической форме потребовали, чтобы ни одна передача остро дискуссионного характера не шла без текста, а во-вторых, чтобы проводились такие репетиции, которые бы полностью воспроизводили то, что пойдет в эфир. Конечно, единственный выход состоит в том, что-

бы подобные вещи предварительно записывались, рассматривались, корректировались и затем только шли в эфир. Что касается Солженицына, то он был заложен в самом начале. Товарищ, который должен был следить за этим делом, Никитин, по существу не имел никакого отношения к передаче. Мне кажется, что главная причина состоит в том, что наши товарищи на студии телевидения проявили, несмотря на наши общие попытки повлиять, притупленное чувство высокой политической ответственности. Где-то у них есть непоследовательность в идейно-политических убеждениях. Когда мы говорим, что все, что идет в эфир, должно быть окрашено в революционный цвет, одни это понимают буквально, другие равнодушно, третьи усмеваются. В том числе и те редакторы, которые здесь. Мы с Муравьевой встречаемся не в первый раз. Книга Битова, которая была раскритикована на съезде писателей, через некоторое время оказалась в эфире. И автором передачи была Муравьева. Она должна была тогда быть уволена, потому что уже тогда за ней водились грешки. Вахтин еще не во всем еще четко разбирается, а к тому же он оказался безруким. Если человек говорит не то, то походи и зажми ему рот. Мы наметили рассмотреть каждого работника на занимаемую им должность. Но нам предстоит еще другая воспитательная работа. Я бы хотел на комитете сказать, что у нас есть силы, для того, чтобы не только таких, но и подобных передач из Ленинграда больше не было.

Тов. Трегубов: Семья Иванова была тесно связана с Пастернаком, и они всегда старались пропагандировать творчество Пастернака. Я уверен, что любое

иностранное агентство взяло бы эту передачу и пустило ее в эфир. Как поставлен вопрос о Хлебникове? Это лучшее, что есть в русском языке. Посмотрите, как разделяются со всеми нами? Как поставлен другой вопрос: в России все разрушено, разрушены церкви, а мост назвали мостом Советской Армии. Подумать только! Это ведь реванш ленинградцев за выступление в Москве тов. Егорычева. За Зоценко. Это реванш ленинградцев за все. Я не верю, что все эти вещи заранее не были оговорены. Они не могли быть не оговорены. Как можно приехать в Москву и ничего не знать? Как можно было не знать о съезде писателей?

Тов. Кузаков: На меня эта передача произвела впечатление хорошо организованной вылазки. Здесь была полная спайка. Это хорошо срепетированная передача. Люди по своим взглядам хорошо знают друг друга. Они подобраны. Здесь был организованный подбор. И организованные единомышленники. Которые отыгрались за все, что они слышали о себе на конференциях. Если говорить с партийно-литературоведческих позиций, то это просто антипартийная передача. Здесь налицо попытка апеллировать к народу за тех литераторов, которые давно раскритикованы.

Тов. Бирюков: Здесь я слышал несколько выражений о том, что это передача не аполитичная. Да, это передача политическая. Она пропагандирует политику, противоположную нашей партии. То, что такие передачи проникают на телевидение, говорит о том, что эти люди не понимают взглядов нашей партии и пытаются вырвать из наших рук такое оружие, как телевидение. Это диверсионная вылазка идеологиче-

ских противников. Я думаю, что мы должны доверять советским людям и не можем позволять выступать товарищам без текста. У нас без текста выступали товарищи из Верховного Совета. Мне кажется, что если у редактора есть партийное чутьё, он заранее почувствует, что этого человека можно повести в студию. Я считаю, что надо очень строго осудить эту передачу.

Тов. Рябухин: Меня возмущает тот факт, что это все может идти из Ленинграда. Мне очень хочется услышать от товарища Фирсова по-настоящему острую политическую оценку и анализ причин появления этой передачи. Бесхребетность и аполитичность, допущенные работниками Ленинградской студии. Это ярко выраженная политика, направленная против того, что сейчас проводится партией в литературе, искусстве и вообще в общественной жизни. Это диверсионная вылазка злобных элементов, которые сговорились между собой и хихикают. Есть среди интеллигенции гнилые элементы, которые сидят на шее рабочего класса, выливают на голову рабочему классу ведра грязи. И это им позволяет Ленинградское телевидение. Я думаю, что и познания русского языка в этой передаче на уровне первокурсника. Не Горький, не Шолохов, не Федин создавали и обогащали язык, а Замятин, Солженицын, Булгаков и так далее. Это значит забраться в квартиру гостеприимных советских людей и паковать там. Я считаю, что нанесено огромное оскорбление нашему народу, и ставлю законный вопрос: как извиниться перед нашим народом. Семьдесят городов, не меньше, слушали эту передачу. С виновниками можно разобраться — это не главный вопрос. Почему допускается дискредитация Ленинграда на Ленин-

градском телевидении? За это должны ответить товарищи. Надо так спросить: участники ли вы этой передачи или вы дурачки, над которыми издеваются?

Тов. Федотова: А почему на передаче в студии присутствует просто редактор? Почему режиссер передачи не выключил пульт? Вы же тоже, гражданин хороший, пропустили передачу. Так почему же после передачи никто не сказал, что это за передача? Меня глубоко возмущает та болтовня, которую мы ведем и ничего не делаем. Мы должны подходить к этому вопросу так: высокое чувство бдительности и полное доверие к народу, который делает передачу.

Тов. Карцов: Произошел несчастный случай по причине, характерной не только для ленинградских редакторов — потеря политической принципиальности в условиях преклонения перед авторитетами ученых, кандидатов и писателей. Мне кажется, здесь вопрос сложнее и глубже. Мы знаем, что современный модернизм проявляется или в откровенных абстрактных направлениях, либо в модернизации старого. Товарищи говорили, что у нас есть хорошая церковная музыка, но у нас есть и другие хорошие произведения. Мы должны знать, что те, которые нас слушают, не знают не только Литургии Чайковского, но и многие другие произведения. Почему протопоп Аввакум оставил такое наследие? Здесь нужно говорить, что высказывал во имя народа. Передача глубоко асоциальная. Ведь нам говорят о том, что мы портим русский язык. Нам пора требовать полную персональную ответственность всех ученых, писателей и так далее. И пусть они трибуну не используют для себя. Успенский не сказал, что купцы или

дворяне портили русский язык. А пришла советская власть и испортила. Выступающий возмущается, что люди присылают такие названия городов, как Светлый, Радостный и Мечта. Он называет их слащавыми, пошлыми. Они просто издеваются над этим делом. У меня есть предложение: поручить товарищам изучить стенограмму самым тщательным образом. Привлечь ученых языковедов и поручить им выступить с полемикой того, что было. Вина за эту передачу лежит и на мне как на главном редакторе центрального телевидения. Ибо я основывался на тезисах и не интересовался по-настоящему.

Тов. Никитин: Я бы эту передачу назвал несколько не так, как здесь говорилось. Но, по сути, то же самое — это махровое славянопятство. В чем суть этой передачи? Суть этой передачи заключается в том, что почти все ее участники, и даже не сказавший ничего особенного, как Солоухин, говорили, что все о современности — плохо, а о прошлом — отлично. Волков говорил, что сейчас нет основы. Это говорилось о языке, но звучало гораздо шире, чем о языке. Смысл сводился к тому, чтобы вспять отойти, что завоевано. Я пришел в эту редакцию из газеты и работаю меньше года. В редакции очень сложная атмосфера. Там крайне маленькая партийная прослойка. Из 47 человек только 5 коммунистов. А среди девяти редакторов только один коммунист — главный редактор. Партийное влияние в нашей редакции на самом низком уровне. Это один факт, который говорит о многом. Меня правильно критиковали. Но я был в этот день в театре по долгу службы. Мне представили тезисы. Я их утвердил, и папка была отослана в Москву.

Тов. Иванов: Я не могу согласиться Никитиным. Славянофильство имело две стороны. Эта группа людей проявила полное единодушие даже в тоне, в котором велись разговоры. Это злобный, издевательский тон. Здесь упоминают Ремизова. Но нет ничего о Шолохове. А ведь и американцы говорят о том, что Ремизов на десять голов выше Шолохова. Это была шовинистическая передача и в ней шовинистические великодержавные мысли. Автор говорит, что путают понятия патриотизм и шовинизм. А кто путает? Все время рассуждают о русском языке, но правы товарищи, которые говорили, что здесь сплошное косноязычие. Столько слов-паразитов. Они, видно, сговорились, что о чем говорить, но не сговорились, как говорить. Говорят, что выступавшие не встречались. Но, судя по передаче, они встречались и сговорились. Товарищи в Ленинграде не нашли в себе силы категорически поправить себя. А это нужно было сделать в Москве. Мы правильно бы сделали, если бы выключили эту передачу. Было бы правильнее, если бы ленинградцы выключили эту передачу и сказали, что это безответственная болтовня, и мы не можем продолжать ее.

Тов. Месяцев: Я думаю, что произошел подробный разбор передачи. Я думаю, что у членов комитета единое мнение, что это политически вредная и идейно порочная передача. Я думаю, что товарищи правильно характеризовали эту передачу как передачу, которая не выдерживает критики и в историческом плане, потому что многие исторические факты поставлены на голову и их роль поднята для того, чтобы выпустить тот смысл, который закладывался

в этой передаче. Что касается художественных качеств этой передачи, то она не представляет никакой ценности в этом отношении. Мы имеем дело с вредной и в идейно-политическом, и в художественном плане передачей Ленинградской студии телевидения. Я думаю, что это не рецидив, а выражение той острой борьбы, которая имеет место и которую пытаются навязать нам группки людей, имеющих постоянное чувство локтя, умонастроение которых лежит где-то в одной плоскости. Известно, что их настроения подогреваются извне, и они пытаются, где это возможно, дать бой нашим устремлениям, нашей идеологии, нашим взглядам, мешают жить так, как учит партия. В чем причина всего этого? Я думаю, что в том, что по существу в Ленинградском телевидении не было настоящей борьбы за партийность, за постоянную ответственность в работе. Меня поразило, что когда я позвонил на следующий день Фирсову по телефону, он мне говорит: «А что особенного было в этой передаче?» То ли он поторопился с ответом, то ли хотел прикрыть своей широкой спиной виновников. Но он не оказался на должном уровне и безответственно, аполитично подошел к этой передаче. Меня в этой передачестораживает еще одно обстоятельство, за которым нужно следить внимательно. Мы являемся свидетелями националистических явлений в мире. Эта передача подливает масла в огонь и принимает шовинистическую окраску. Здесь столкновение целых групп народов. Передача сделана очень хитро и по-своему умно. Так, что давайте решать...

Что было решено на этом заседании, известно. Руководство Ленинградского телевидения разогна-ли, и здесь в этой истории можно было бы поставить точку, если бы то, что происходит сегодня с журналистами, не было бы настолько похоже на времена давно минувшие. Для доказательства этого я позволю себе еще раз вернуться к этой истории, безусловно, слишком длинной для этой главы. А конкретно к тому фрагменту заседания, где говорит один из московских телена начальников (в упомянутом заседании принимали участие московские и ленинградские телевизионные руководители, и создатели нашумевшего «Литературного вторника»). Говоря о питерской журналистке Надежде Муравьевой, он решает ее судьбу очень просто. Раз книга Битова, по его мнению, была раскритикована на съезде писателей, но «оказалась в эфире, а автором передачи была Муравьева, она должна быть уволена, потому что за ней уже тогда водились грешки». Оттепель была на исходе. И в этой фразе фактически была заключена суть тогдашнего отношения власти к журналистам и к СМИ вообще. «Не смей свое суждение иметь!» Это позиция государства, которая впоследствии становилась все тверже и жестче. Конец этого государства хорошо известен — его не стало.

Прошло почти пятьдесят лет со времени скандала на Ленинградском телевидении. Забылись детали. Большинства участников уже нет на этом свете. Но совсем недавно я услышал от одного из гостей «Эха Москвы» в эфире следующее: «Я говорил владельцам: Ребята, увольте быстро виновных в том, что произошло, и всем будет понятно, что вы точно подход не разделяете. Что это придурки, которые не понимают, о чем

они говорят. И вы не хотите держать у себя этих придурков». Речь в передаче шла о ситуации на телеканале «Дождь» в связи с «блокадным скандалом». А гостем программы был не кто иной, как высокопоставленный чиновник, представитель государства, заместитель министра связи и массовых коммуникаций Алексей Волин. Согласитесь, совпадают у двух чиновников, разделенных пятьюдесятью годами, не только подход к кадровой политике, но даже формулировки. Напомню, что Волин — тот самый господин, который год назад в МГУ на журфаке, где проходила ежегодная научно-практическая конференция, говорил собравшимся преподавателям и будущим журналистам: «Учить сегодняшних журналистов нужно слушаться «дядю», который платит деньги. Никакой миссии у журналистики нет. Журналистика — это бизнес. Молодые журналисты должны знать, что они будут писать только о том, что им скажет владелец, то есть хозяин. Если вы этому не учите — вы совершаете преступление». А на вопрос из зала одного из профессоров, думает ли замминистра о том, какую реакцию у присутствующих вызывает его выступление, ответил: «А мне плевать на вашу реакцию». В конце на вопрос студентки, как соотносится все то, что говорит чиновник, с российским законодательством и конкретно с Законом о СМИ, Волин ответил: «А вы разберитесь. Вам ехать или пашечки». Я не собираюсь обсуждать запредельное хамство и цинизм зарвавшегося чинуши. Важно другое. Он — представитель сегодняшней власти, государства, в какой-то степени закона. То есть изначально это человек, который в своей деятельности должен неукоснительно следовать прежде всего букве и духу Закона, в данном случае

Закона о СМИ, коль Волин представляет соответствующее ведомство. И МГУ — а с помощью интернета и все мы — получили наглядный урок того, как относятся к Закону и советуют это делать другим высокопоставленные государственные чиновники. И объясняется эта смелость и откровенность очень просто. Разговор ведется о «дяде», которому призывает подчиняться чиновник, которому служит он сам. Создана система под названием «вертикаль власти», в которой Волин и ему подобные живут не по Закону, а по «понятиям» и открыто предлагают, для того чтобы быть успешным, следовать их примеру. В любой другой демократической стране за подобные высказывания чиновник был бы не просто отстранен от должности, чему есть многочисленные примеры. Этот человек стал бы, прежде всего, «нерукопожатным» в профессиональном сообществе. А после отставки, скорее всего, подвергся бы уголовному преследованию. У нас все происходит ровно наоборот. Профессиональное сообщество в лице Союза журналистов молчит, правоохранители тоже, а сам чиновник в полном порядке и продолжает руководить. То, что происходит сегодня со средствами массовой информации, а вообще с самими понятиями «свободомыслие» или хотя бы «разномыслие», приводит меня к печальному выводу. Судьба страны под названием СССР и ее печальный финал ничему не научили тех, кто сегодня руководит страной; мало того, они методически и последовательно делают все, чтобы взять реванш за их поражение в августе 91-го. А это значит, что России, а, следовательно, всем нам, возможно, придется пережить куда более страшные испытания, чем мы пережили в начале 90-х...

В завершение всей этой истории я хотел бы процитировать еще один очень небольшой, но крайне любопытный документ. Это «Записка отдела пропаганды и агитации, культуры, науки и учебных заведений ЦК КПСС в связи с телепередачей Ленинградского телевидения «Литературный вторник» от 16 февраля 1966 года».

«В ЦК КПСС, на центральное телевидение поступили десятки писем в связи с передачей Ленинградского телевидения «Литературный вторник», транслировавшейся 4 января сего года по системе центрального телевидения. Авторы многих писем справедливо протестуют против допущенных в передаче грубых ошибок и неверных высказываний по проблемам развития русского языка, русской культуры и традиций. Высказывая отдельные обоснованные замечания об увлечении некоторых местных Советов переименованием улиц, населенных пунктов, участники передачи (писатели Л. Успенский, О. Волков, В. Солоухин, литературный критик В. Бушин, литературоведы и искусствоведы Б. Вахтин, В. Иванов, Д. Лихачев, Л. Емельянов) заняли в целом неправильную, тенденциозную позицию в освещении этих вопросов. Авторы программы в развязном тоне потребовали вернуть прежние наименования городам Куйбышеву, Кирову, Калинин, Горькому, высмеивали общепринятые сокращения, как РСФСР, ВЦСПС, протестовали против наименования Ольгины моста в Пскове, моста Советской Армии.

Выступая за чистоту русского языка, они приводили в качестве его эталона произведения Пастер-

нака, Белого, Мандельштама, Хлебникова, Булгакова, Солженицына, цитируя протопопа Аввакума, но при этом совершенно не упоминались имена Чехова, Горького, Маяковского, Шолохова. Участники передачи предложили устраивать публичные концерты духовной музыки.

Назвав наш народ беззаботным в отношении своего прошлого, авторы передачи пытались создать ложное впечатление, что памятники старины в нашей стране якобы не сохраняются. В то же время ничего не было сказано о мероприятиях советского государства по охране и реставрации памятников нашей культуры и революционной истории.

Участники передачи игнорировали элементарную журналистскую этику, отступив от тезисов, утвержденных руководством телевидения в соответствии с существующими правилами. Этот факт использования телевидения в целях пропаганды субъективистских и ошибочных взглядов привел к нежелательным последствиям, неправильная позиция участников «Литературного вторника» нашла одобрение в ряде писем, поступивших на Ленинградское телевидение. Так гр. Степанов из Москвы пишет, что переименование Петрограда в Ленинград было ошибкой. В другом письме, за подписью «Семейное общество», содержится призыв объявить сбор денег среди населения на реставрацию церквей. Научные работники Института русского языка Академии Наук СССР товарищи Григорьев и Строганов считают варварством переименование Охотного ряда в проспект Маркса.

Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете министров СССР, обсудив передачу «Лите-

ратурный вторник», освободил от работы директора Ленинградской студии телевидения т. Фирсова и главного редактора Литературно-драматических программ т. Никитина, принял меры по укреплению дисциплины и повышению ответственности работников студии. Ленинградскому комитету по радиовещанию и телевидению поручено подготовить передачу, отражающую марксистско-ленинские взгляды на развитие русского языка и русской культуры».

Не знаю, как сложилась судьба участников всей этой истории, кроме судьбы главного действующего лица Б.М. Фирсова. После отставки он уехал в Лондон, где проходил стажировку в лондонской «Школе экономики и политики» и в телерадиокорпорации Би-Би-Си. Затем он работал в штаб-квартире ЮНЕСКО, в японской радиовещательной корпорации «Эн-эйч-кей», в институте Дж. Гэллага, ряде ведущих институтов США. В качестве приглашенного исследователя он сотрудничал с Институтом Кеннана. Б. Фирсов почетный доктор Хельсинского Университета, лауреат международной Леонтьевской медали, автор более двухсот научных работ по теории и методологии современной социологии, истории советской социологии, по вопросам изучения общественного сознания и процессов массовой коммуникации. Он продолжает преподавать в созданном им Европейском Университете Санкт-Петербурга.

ГЛАВА 5.

ДВЕ ПОЛКИ ОБЩЕГО ВАГОНА

ЧАСТЬ 1. КИНО

Наш паровоз, а вернее, поезд под названием «РОССИЯ», вопреки песенному утверждению, давно проехав станцию «КОММУНА», на всех парах несется вперед. Несётся в некоем временном тоннеле, по неизвестному пути, из неизвестного прошлого к еще более туманному будущему. К неизвестной цели несутся вагоны с табличками «ВЛАСТЬ», «ЭКОНОМИКА», «ПОЛИТИКА», «АРМИЯ», «НАУКА», «ОБРАЗОВАНИЕ», «МЕДИЦИНА», «СПОРТ». И, конечно, где-то в конце, раздолбанный, скрипучий общий вагон с табличкой «КУЛЬТУРА». Есть в этом вагоне две заветные боковые полки — на одной из них, конечно условной «полке» все наше, когда-то запрещенное кино. Причем это не просто металлические коробки с киноплёнкой. Всё находящееся на этой полке — результат беспрецедентной в нашей истории, войны государства с любым

проявлением свободной мысли, с любой попыткой художника сказать что-то свое и выйти за рамки дозволенного. А рядом полка с табличкой телевидение — абсолютно пустая, хотя она могла быть заполнена куда больше, чем полка кино. Почему же так получилось? Почему же сегодня любой желающий может по сохранившимся документам, как по истории болезни, узнать практически всё, что происходило с конкретными кинофильмами, запрещенными когда-то, сценариями и их авторами, с режиссерами и другими создателями фильмов? А вот любая попытка найти документальное свидетельство телевизионной цензуры окончится неудачей. Нет этих документов. Поэтому так ценны сегодня воспоминания тех телевизионных работников, которые на себе испытали беспрецедентную по жесткости и не оставившую фактических следов войну телевизионного начальства с авторами телепередач. Автор этих строк попробует на примере нескольких передач и фильмов, созданных им в течение пятнадцати лет работы в Главной редакции программ для Молодежи Центрального Телевидения и испытавшим на себе все «прелести» цензурных ножниц, попытается восполнить этот пробел в истории телевидения и положить на условную «телевизионную полку» конкретные факты. Возможно, они помогут будущим исследователям эпохи советского телевидения восполнить свои знания.

Но вначале я хотел бы напомнить о ситуации в нашем кинематографе, после того как состоялся ставший событием не только для кинематографистов Пятый съезд Союза Кинематографистов СССР, прошедший в мае 1986 года в Москве. Для данной статьи важно то, что один из его активных участников кинокритик

Андрей Плахов стал одним из первых гостей новой телевизионной программы «Взгляд». Она вышла в эфир в октябре 1987 года, почти через год после упомянутого съезда, но тема, с которой пришел к нам Андрей Плахов, была по-прежнему горячей и обсуждаемой на страницах газет. Это тема существования цензурной «полки». Напомню, что избранное на съезде кинематографистов новое, в какой-то степени радикальное руководство Союза во главе с Элемом Климовым объявило настоящую войну, прежде неприкасаемым деятелям советского кино. Много копий было сломано вокруг понятия «цензура в кино». Как сегодня пишет сам Андрей Плахов «к этому историческому моменту кинематография страны, несмотря на ее многие бесспорные достижения, пришла в состояние глубокого кризиса, ставшего следствием политической и общественной стагнации. Беспрепятственно могли работать только те, кто пошел в услужение власти. Лучшие режиссеры, включая Алексея Германа и Киру Муратову, после того, как очередной их фильм был положен на полку, годами простаивали. Другие, как Отар Иоселиани и Андрей Тарковский, подались за границу и были преданы на родине анафеме. Молодые таланты, такие, как Александр Сокуров, испытывали нечеловеческие трудности, чтобы пробиться через заслон цензуры и фильтр проверки на конформизм». О чем же говорил Андрей Плахов в 1987 году в программе «Взгляд»? Начал он с того, что развеял миф о действительно существующей «полке» кино. Ведь мы тогда представляли некое огромное фильмохранилище с собранными в нем сотен и сотен запрещенных фильмов. Но, оказалось, что такого хранилища, хотя и существовал Гос-

фильмофонд в Белых столбах, фактически не было. Копии «полочных» фильмов можно было найти где угодно, в том числе и дома под кроватью самих создателей, тайно вынесенные когда-то ими со студий и тем самым спасенные. Но наш разговор с Плаховым был посвящен не этой мифической полке, а существованию цензуры как системы общения власти с художником. Поэтому он предложил как бы существующую полку (существующую в сознании людей далеких от кинопроизводства) разбить на несколько маленьких полок и объяснить, что запрещенные фильмы лежали фактически на разных «полках». Первую такую полку Плахов назвал «идеологической». Чтобы было понятно, о чем идет речь, он назвал мало кому известные «тайные шедевры» старого советского кино, такие, как «Строгий юноша», снятый Абрамом Роомом в 1935 году, и «Тугой узел» Михаила Швейцера, в котором критика колхозных порядков оказалась явно слишком острой для хрущевской «оттепели». Фильм этот был варварски перемонтирован и выпущен под идиотским названием «Саша входит в жизнь», что навсегда отбило у Швейцера охоту делать острое социальное кино. А вот четыре других фильма, которые Плахов положил на «идеологическую» полку были хорошо известны зрителям «Взгляда» и, прежде всего, старшего поколения. Это «Застава Ильича» Марлена Хуциева, «История Аси Клячиной» Андрея Кончаловского, «Пловец» Ираклия Квирикадзе и «Долгая счастливая жизнь» Геннадия Шпаликова. Все эти фильмы объединяло то, что их судьбой занимались не только структуры Госкино, но и партийные органы. От Центрального Комитета партии до идеологических отделов крайкомов, горкомов и даже райкомов.

Вторую полку Андрей Плахов назвал «эстетическая». Здесь в полной мере проявлялась вкусовщина, а по сути необразованность, а порой и откровенная дремучесть всякого рода партийных и прочих «редакторов». Именно по отношению к этим фильмам и к их создателям звучали обвинения в формализме, подражании западным художественным течениям и прочим «измам». Таким образом, на полке оказались прекрасные фильмы Сергея Параджанова и Артура Пелешейана. На этой же полке ранние картины Киры Муратовой «Три дня Виктора Чернышова» и «Иванов катер» Марка Осипьяна, «Вторая попытка Виктора Крохина» Игоря Шешукова и «Рабочий поселок» Владимира Венгерова.

С точки зрения партийного и советского руководства все эти фильмы входили в разрез с понятием «социалистический реализм». Впрочем, на этой же полке, с точки зрения Плахова, оказывались и фильмы «эксцентрические», продолжавшие традицию фэксов. По этой причине были запрещены «Лес» Владимира Мотыля и «Интервенция» Геннадия Полоки.

Третья полка — «моральная». Она возникла позже первых двух, и Плахов связал ее с хрущевской оттепелью. Это «Молчание» Бергмана и «Дневная красавица» Бунюэля. Впрочем, в Доме Кино по ночам можно было посмотреть их плохие копии, но только в том случае, если вы были хорошо знакомы с организаторами этих нелегальных просмотров. Для артистов московских театров устраивались просмотры в Белых Столбах новых фильмов, выходивших на Западе, копии которых нелегально появлялись в Советском Союзе. Классический пример советского фильма на этой

полке — фильм «Осень» Андрея Смирнова. Обвинение заключалось в «аморальности и эротомании».

Четвертая полка — «ведомственная». Дело в том, что кино в Советском Союзе занимались не только коммунистические идеологи, но и советская власть в лице различных министерств и ведомств. Например, министерство сельского хозяйства положила на полку скромную деревенскую мелодраму «Только три ночи» Георгия Егиазарова. А Григорий Чухрай за его «Трясину» — фильма о судьбе дезертира в советской армии — стал чуть ли не врагом министерства обороны и лично министра Гречко. Но что интересно, в отличие от официальных документов, запрещавших фильмы в Госкино, на эту полку официальные документы от министерств и ведомств не попадали. Работало «телефонное право», и к этому мы вернемся, рассматривая систему телевизионных запретов и телевизионной цензуры, в которой именно телефон был главным средством запрета.

Пятая полка — «национальная». Впрочем, здесь начинаются исключения. А именно грузинский и прибалтийский кинематограф, если так его можно назвать. Один пример. Глава Грузии Эдуард Шеварнадзе был главным спасителем фильма Абуладзе «Покаяние» от цензурного топора Москвы. Большие проблемы были у фильма «Никто не хотел умирать», и его ждала бы полочная судьба, если бы не вмешательство партийных органов Литвы. Но это лишь исключения из правил. А правила были таковы: все, что создавалось республиканскими киностудиями, подвергалось цензуре не только Москвы, но и местных партийных идеологов. Дежурным обвинением было слово «наци-

онализм». Причем внешне все была за так называемую «национальную самобытность». Но на самом деле громили именно ее. В том числе и специальными постановлениями ЦК КПСС, как это было при разгроме литовской киношколы. Лично Кунаев, глава Казахстана, запретил к показу исторический фильм Булата Мансурова «Тризна». На Украине Щербицкий запретил фильм «Родник для жаждущих» Юрия Ильенко, один из первых фильмов, представлявших украинскую поэтическую киношколу. Кстати, именно к этой киношколе относили работы Параджанова и Муратовой.

Шестая полка — специфическая. На нее попадали прежде всего даже не фильмы, а их создатели. «Черные списки», по-нашему «стоп-листы», появились уже тогда. Например, категорически запрещались к показу и даже изымались из хранилищ работы эмигрировавших авторов. Вот несколько имен: Александр Галич и Василий Аксенов, Михаил Калик и Михаил Богин, Андрей Тарковский и Отар Иоселиани. Эта полка имела еще и трагический, а вернее и тюремный след — я имею в виду гениального Параджанова. Впрочем, здесь же лежали фильмы Сокурова и Аскольдова. Они были живы и здоровы, они продолжали творить в СССР. Но с точки зрения руководителей Госкино их не существовало. Они как бы были вычеркнуты из списка живых.

А была еще одна любопытная полка. Название которой уже мы подсказали Андрею Плахову во время интервью «Взгляду». Мы назвали ее «датская полка». То есть заполнявшаяся фильмами, выпуск которых был приурочен к определенной дате. Чаще всего к партийному или советскому празднику. И название это родилось после того, как наш гость стал перечислять филь-

мы, привязанные к конкретным годам. В 1963 году был грандиозный скандал, связанный с фильмом «Застава Ильича». Создатели фильма были обвинены чуть ли не в «подрыве устоев». 1966 год — положен на полку «Андрей Рублев» А. Тарковского и «Скверный анекдот» Алова и Наумова. В 1967 году «Мольба» Т. Абуладзе получает третью, то есть низшую категорию, что означало отправление фильма на полку. В этом же году запрещают фильм «Первороссияне» Евгения Шифферса и «Комиссар» Александра Аскольдова, выход которых должен был приурочен к 50-летию Октябрьской революции.

Возможно, подобная классификация кинематографических полок кому-то покажется поверхностной, легковесной и не отвечающей сегодняшним «стандартам». Кроме того, наверняка найдутся скептики из мира кино, которые будут переносить указанные фильмы с одной полки на другую и отчаянно ругать полочного классификатора Андрея Плахова, а заодно и автора этой статьи за неупоминание десятков, а то и сотен других замечательных киноработ, судьба которых была не менее печальна, указанных здесь. С этим можно согласиться, но лишь отчасти. Автор пытается в этой статье на примере цензуры кинематографической попробовать классифицировать цензуру телевизионную, которая во многом повторяет то, что происходило в советском кино, но и имела ряд отличительных особенностей. И в первую очередь это отсутствие каких-либо документальных свидетельств. Чтобы доказать это, я хотел бы напомнить читателям удивительные и трагические судьбы фильма «Комиссар» и его создателя режиссера Александра Аскольдова.

Буквально на следующий день после уже упомянутого съезда кинематографистов по решению нового руководства Союза была создана Конфликтная комиссия по творческим вопросам. Самой громкой и первой акцией комиссии стала легализация фильма Абуладзе «Покаяние». А всего за четыре года существования ею было реабилитировано и получило поддержку более двухсот пятидесяти картин, так или иначе пострадавших от цензуры.

Среди этих картин был и фильм «Комиссар» Александра Аскольдова. Но произошло это далеко не сразу, а лишь после того, как автор и режиссер фильма рассказал о своих двадцатипятилетних мытарствах иностранным гостям Московского международного кинофестиваля 1987 года. Именно это выступление и стало причиной приглашения Аскольдова ко мне в программу. Во время интервью выяснились интересные действия самой комиссии. После просмотров фильмов члены комиссии писали экспертное заключение, в котором давалась оценка того или иного фильма в историческом и современном контексте, степень его актуальности и художественной ценности, а также его перспективы в тогдашней зрительской аудитории. Эти заключения затем утверждались Секретариатом Союза кинематографистов. Утвержденные заключения комиссии направлялись в Госкино СССР для окончательного решения вопроса. В одних случаях шла речь о реабилитации полностью закрытых картин, в других о восстановлении цензурных купюр и авторской версии, в третьих — о широком выпуске на экран фильмов, так называемого «формального проката», то есть фильмов вроде бы не запрещенных,

но показанных по сельским клубам и выпущенных минимальным тиражом копий. Этот же путь прошел и фильм «Комиссар». Но несмотря на формальное разрешение к показу, он продолжал оставаться запрещенным. И в каком-то смысле появление Аскольдова во «Взгляде» и демонстрация фрагментов фильма стали той соломинкой, которая переломила «хребет» цензурному верблюду, и фильм был выпущен на широкий экран. Но история на этом не закончилась. Через два месяца я пригласил к себе на передачу Ролана Антоновича Быкова, исполнителя одной из главных ролей в фильме. Зная, что я буду спрашивать его, в том числе, и о «Комиссаре», он принес с собой папку с документами, рассказывающими о том, как пробивался на экран этот фильм и что пришлось пережить его создателям. Он прочитал некоторые из этих документов в эфире. И это было настолько интересно, что мы договорились вернуться к этой теме еще раз. Но, как часто бывало в моей жизни, каждый день происходили события в стране, которые заставляли нас реагировать, приглашать новых гостей, снимать новые сюжеты. И тема «Комиссара» ушла на второй план, а затем и вовсе забылась. В конце 1990 года «Взгляд» был закрыт и передача с Быковым, как и передача с Аскольдовым (впрочем, как и практически все выпуски, которые готовил я; их было около 30) были размагничены. Мне казалось, что навсегда утеряны те документы из папки Ролана Быкова. Но случилось почти чудо. Как тут вспомнить классическое «рукописи не горят». При подготовке этой статьи я наткнулся на потрясающую работу кинокритика В. И. Фомина «Полка. Документы. Свидетельства. Комментарии», которая вышла в се-

рии «Отечественное кино в документах» в 1992 году в Москве по инициативе Научно-исследовательского института киноискусства. Именно в этой книге тщательно собраны и опубликованы уникальные документы о деятельности советской цензуры, применительно к киноискусству, в том числе история создания и запрета фильма «Комиссар». Позволю себе процитировать те документы, которые когда-то читал в эфире «Взгляда» Ролан Быков. И не только для того, чтобы отдать долг памяти ушедшим из жизни исполнителям главных ролей в фильме Нонне Мордюковой и Ролану Быкову, вспомнить о живущим сегодня за рубежом Александре Аскольдове, а для того, чтобы вернуться к некоторым документам в той части, где я буду рассказывать о цензуре телевизионной.

Осенью 1965 года Высшие режиссерские курсы заканчивают и отправляются снимать свои первые самостоятельные работы никому тогда неизвестные Глеб Панфилов, Таламуш Акеев, Константин Ершов, Карен Геворкян, Николай Рашеев и Александр Аскольдов. Последний выбрал себе в качестве дипломной работы историко-революционную тему, в основу сценария которого был положен рассказ Василия Гроссмана «В городе Бердичеве». Свой будущий фильм режиссер назвал «Комиссар». Сценарий фильма получил положительную оценку Михаила Ромма и Сергея Герасимова. И вот что происходило дальше и о чем нам рассказывают документы.

Заключение государственной сценарной редакционной коллегии.

24 декабря 1965 года

«... Учитывая, что в сценарии многое еще не нашло кинематографического решения, сценарная редакционная коллегия рекомендует студии в период режиссерской разработки и в дальнейшей работе над фильмом точнее определить следующие моменты:

1. Подчеркнуть философско-политический смысл произведения, сохранить героико-революционный пафос рассказа Гроссмана.
2. Сократить элементы натурализма, существующие в сценарии.
3. Избежать фрагментарности, которая в настоящем варианте создается фоном, чрезмерно перегруженным мелкими бытовыми подробностями.
4. Найти правильное объяснение уходу Вавиловой от своего сына.

Зам. Главного редактора В. Сытин»

«Замечания по режиссерскому сценарию.

1. Все же получили мрачный сценарий: во всяком случае основание думать, что фильм получится трагедийный, дегероический!
2. Образ Вавиловой огрублен ее репликами («несет жеребятину» — выражение характерное для нее у вас. У Гроссмана ее нет)
3. В качестве «злой» стороны действуют «поляки». Нужно ли? Сомневаюсь очень.
4. Роды показываются натуралистически.
5. Убийство Емелина показывается слишком уж много.
6. Действие развивается слабо.

Думаю, запускать в таком виде не следует.

В. Сытин»

При этом уже начались съемки на натуре. Группа уехала в Херсонскую область. Из экспедиции Аскольдов, боясь остановки финансирования фильма отвечает заместителю председателя Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР тов. Баскакову В. Е.:

«Сообщаем. Тщательно и внимательно продумав все критические замечания и пожелания, высказанные по сценарию «Комиссар» руководством Госкомитета по кинематографии, и проанализировав причины, которые могли способствовать такому прочтению концепции сценария, мы проделали следующую работу:

1. Изменен конец сцены комиссара и дезертира Емелина. Емелин не будет расстрелян, а будет передан ею ревтрибуналу.

2. В соответствии с этим переработана реплика комиссара в следующей сцене с Емелиным, в эпизоде «роды» — исключены слова «ты же убит, Емелин». И ответ Емелина «ошибаешься, Комиссар, я еще живой. Ты порешишь меня позже.»

3. По всему сценарию отредактированы отдельные реплики героини. Например «не неси жеребятину», «лопаты еще хочешь» и др.

4. В работе с актрисой Н. Мордюковой режиссер постоянно старается добиться того, чтобы суровость и внешняя «неотесанность» героини нигде не переходила в грубость или жестокость.

5. В финальной части сценария в режиссерском решении сцен и в работе с актрисой будут сделаны все необходимые акценты для того, чтобы передать все богатство, сложность и бремя мыслей и чувств героини перед ее уходом на фронт. Равно достаточно

ясно прозвучит мотив, что оставляя своего ребенка, она идет защищать революцию, а, следовательно, жизнь и будущее сына, жизнь и будущее миллионов детей в мире.

6. Нет никаких оснований для опасений, что сцена родов Комиссара будет растянута и натуралистична. Такое решение никогда не входило в намерения режиссера.

7. По всему сценарию слово «поляки» заменено на слово «белогвардейцы».

*Подпись: режиссер фильма А. Аскольдов
29 июля 1966 года»*

«2 августа 1966 года

*Директору Центральной студии детских
и юношеских фильмов
им. М. Горького тов. Бритикову Г. И.*

О недостатках сценария «Комиссар».

Вызывает тревогу тот факт, что в сценарии искажена гуманистическая сущность пролетарской революции. Социалистическая революция, как известно, с невиданной силой раскрыла в миллионах людей, чья психология была искажена многовековой эксплуатацией, скрытые духовные силы и человечность. Мы не можем поэтому согласиться с тем, что в сценарии «Комиссар» революция выступает как сила, искажающая человеческую природу главной героини, лишая ее простых, естественных человеческих чувств, даже инстинкта материнства, чувства любви, женственности. образу Комиссара тенденциозно прида-

ны черты нарочитой жестокости, что особенно проявляется в эпизоде расстрела ею красноармейца.

Следует особенно подчеркнуть, что это якобы искаженная обстоятельствами революционной борьбы человеческая природа Комиссара выглядит тем более нарочито и несправедливо, что дается в прямом сопоставлении с естественной человечностью.

Второй недостаток, тесно связанный с первым, состоит в крайней обедненности интеллектуального мира главной героини фильма. Разумеется, в годы Гражданской войны на пост комиссара выдвигались люди разной культуры и политической подготовки. Однако, комиссар всегда оставался человеком, стоящим в политическом отношении выше массы рядовых бойцов, способным раскрывать перед ними идейные задачи борьбы, особенности политического момента. Ничего этого нет в образе Комиссара. Ее идейный мир беден и узок, психологическая и интеллектуальная характеристика обеднена и нарочито примитивизирована. Перед нами не политический работник, идейный воспитатель, а человек, находящийся на такой ступени развития, при которой какая бы то ни была работа в армии становится маловероятной.

Естественно, что эти недостатки, серьезные и принципиальные, если они не будут устранены, ставят под угрозу будущий фильм, вызывая глубокие сомнения в возможного успешного его завершения.

В. Баскаков, Е. Сурков»

Фрагменты стенограммы обсуждения рабочего материала фильма «Комиссар» на худсовете студии 11 января 1967 года:

«В. Росляков: Единственно, что меня смущает, как это будет воспринято, в связи с праздником пятидесятилетия. Это могут совсем не принять.

Л. Кабо: Интонация простоты, естественности, переход от человека к комиссару, от комиссара к человеку здесь отсутствует. Это делается все необычайно трагично. Сейчас есть тревога. Что уйдет человечность, уйдет свет и слушком будет сурова жизнь. Я этого боюсь.

С. Ростокский: Очень опасно, что такое понятие, как революция, стало отвлеченным понятием.

В. Шукшин: Картина складывается из довольно суровых интонаций, и в общем она должна прозвучать в хоре, который грянет в пятидесятилетие в 1967 году сурово и чисто. Я не вижу здесь грязи. Разговор идет очень человеческий. Мне нравятся раздумья режиссера над временем, над Гражданской войной, над революцией. Глядя на этих грязных, потных, наверное вшивых, злых людей, наверное не всегда хорошо относящихся друг к другу, я вижу раздумья: что, зачем, почему? Мне дорого это раздумье современного человека. Гроссман хорошо написал его время. Позвольте и нашему поколению немного подумать и показать, может быть, все немного иначе.

А. Аскольдов: Не могу не сказать, что у меня в письменном столе лежат некоторые неопубликованные вещи Гроссмана... не знаю, при той образности, как сейчас это сделано, куда войдет кусок картины, который мы называем «проходом обреченных». Вы сказали: это, как провидение Вавиловой, ее взгляд в 1941 год. А я бы сказал — в 1951 год и дальше. Вы меня осуждаете, а я буду это делать. Я считаю, что это подарок к 50-летию советской власти.»

В декабре 1989 году кинопремия «Ника» за лучшую работу оператора неигрового кино была присуждена Виктору Кринченко, Владимиру Таранченко и Владимиру Шевченко (посмертно) за фильм «Чернобыль. Хроника трудных дней». Мне выпала честь вручать эту премию. В тот же вечер за лучшую работу оператора игрового кино за фильм «Комиссар» «Нику» получил замечательный оператор Валерий Гинзбург. После церемонии возвращались домой вместе — мы жили в одном доме, дружили семьями, а потому шли отмечать награду Валерия Аркадьевича. Уже за столом, предаваясь воспоминаниям о съемках «Комиссара», Аркадьич (так звали Гинзбурга знавшие его близко люди) рассказал о том, что Аскольдов все же вставил сохранившийся эпизод «проход обреченных». И было это сделано после реабилитации фильма. Кстати, в этом эпизоде можно увидеть и самого Валерия Аркадьевича. Очень выразительный старый рэбе на втором этаже развалин — оператор фильма «Комиссар» Валерий Гинзбург.

Но вернемся к документам.

Шел 1967 год и съемочная группа «Комиссара» вернулась из экспедиции в Херсон для павильонных съемок игровых сцен. В конце июня черновой вариант был смонтирован и показан руководству студии.

Заключение по черновой сборке фильма «Комиссар»:

«... Следует обратить внимание режиссеру, что концепционная неясность авторской мысли, связанной темой интернационализма и революции, возникает в результате неточности диалогов и спорности

символического и метафорического решения некоторых сцен. Фильм очень велик по объему и сложен для восприятия. Дирекция и сценарное-редакционная коллегия студии считают, что для того чтобы уточнилась идейная направленность фильма, стало более эмоционально воспринимаемым художественное решение картины, необходимо рекомендовать режиссеру проделать следующую работу:

1. Переснять с новым текстом планы Вавиловой в подвале, чтобы ее обращение к Магазаннику точно и ясно доносило идейную суть картины.
2. Подумать еще раз над решением финала, чтобы он звучал более оптимистично. Может быть, за счет музыкального решения.
3. Исключить проход Вавиловой по городу, завершающийся ее встречей с бойцами.
4. Исключить натуралистическую сцену выхода Магазанника утром из дома.
5. Сократить эпизод примерки платья.
6. Исключить проезд свадьбы курсантов.
7. Исключить второй эпизод игры детей перед подвалом.
8. Вызывает возражение правомерность авторского художественного «выхода в будущее» (эпизод прохода обреченных и гетто). Поэтому их также следует исключить из фильма.

Директор студии Г. Бритиков»

Фрагменты стенограммы заседания худсовета киностудии имени М. Горького 27 августа 1967 года:

«Л. З. Трауберг: ... Чувство у меня двойственное: с одной стороны, для меня несомненно, что картина очень хорошая. С другой стороны, у меня чувство обиды за переборы драматургии, а отсюда и переборы режиссера. Что я хочу этим сказать? Каждый материал, который мы трогаем в кино, обычно неиссякаем и его нельзя объять. Значит нужно какое-то ограничивающее задание. Когда я смотрел картину «Комиссар», я пытался понять, о чем, собственно, эта картина. Это же главное. Пока я вижу только один ответ — в названии «Комиссар». Я хочу, чтобы это была картина о комиссаре. Но у меня было какое-то неприятное ощущение. Возможно, что я не прав, но мне все время вместо темы комиссара, вместо случая на фронте с комиссаром, не контрабандой, а философски, кинематографически дают вторую тему, как если бы в «Чапаеве» возникла тема революционных ткачей. Как только возникает это гетто в картине, так вместо картины о «Комиссаре» я вижу картину о печальной судьбе еврейского народа. Я не хочу видеть картину о печальной судьбе еврейского народа, хотя я сам еврей. Я хочу видеть картину об этой комиссарше, которая нашла себе приют в еврейской хате, а потом снова пошла воевать. Я понимаю, что на войне ожесточаются нравы, и, что ребята должны играть в убийство, но я не хочу этого видеть. Повторяю, я никому ничего не предписываю, но я высказываю свои чувства. Мне не хочется видеть, как дети убивают друг друга.

В. Росляков: ...Я не согласен с тов. Траубергом, что здесь возникают две темы. Одна тема комиссар, другая тема — страдания еврейского народа. Я смо-

трел на эту картину как на некую попытку восстановить отражение нашей реальной жизни. Меня не пугает тема гетто, тема страданий еврейского народа.

А. Алов: ...Мне хотелось бы, прежде всего, для себя ответить на элементарный вопрос: о чем картина. Я думаю, что, конечно, картина не о комиссаре и не о еврейском вопросе. Картина значительно шире. Картина о становлении нового мира. О том, как сквозь огонь борьбы, сквозь множество предрассудков приходит новый мир и приносит людям доверие, доброту, веру человека в человека. Это гигантская тема, хотя она и решена в таком локальном масштабе.

А. Аскольдов: ...Здесь говорили вещи принципиальные, которые всем строим картины не приемлются, и крик в адрес этих вещей — бесплодный. Есть позиция, позиция политическая. Есть позиция художественная, а я подчеркиваю — в первую очередь гражданская. Тем товарищам, которые не услышали и не почувствовали этой позиции, я, к сожалению, ничем помочь не могу. Я ее выразил с той полнотой, искренностью и той мерой сил, которые во мне нашлись в процессе работы. Я постараюсь эту позицию отстаивать до тех пор, пока эта картина не появится на экране. Я считаю, что кроме пользы для дела воспитания нашего народа эта картина ничего не принесет. Весь дух Гроссмана — это дух антифашизма, и говорить о том, чтобы это давать глаже, невозможно. Не нужно отдавать еврейский народ израильским националистам. Он трудовой народ. Этот народ рассеян по всей земле, и решение этого вопроса только под красным знаменем, только в интернационализме.

Один очень известный, очень уважаемый советский кинорежиссер сказал мне: мой отец был социал-демократом и он говорил мне давно — ты еврей и поэтому в первую очередь должен ненавидеть еврейский национализм. Ты еврей, живущий в России, поэтому ты должен ненавидеть русский национализм во вторую очередь. Я — коммунист и я русский и поэтому ненавижу с одинаковой силой и то и другое. Наша картина — про человечность в первую очередь».

*«И. о. директора киностудии им. М. Горького
тов. Вольфовскому Я. И.*

22 августа нами был просмотрен черновой вариант фильма «Комиссар» и проведена беседа с автором сценария и режиссером картины тов. Аскольдовым А. Я. в присутствии дирекции студии, руководства партбюро и Второго творческого объединения, худрука картины тов. Герасимова С. А. И тов. Бирюковой В. С.

1. Искусственной и не ограниченной для материала В. Гроссмана и готового фильма, как он выстраивается, является тема угнетенного народа, вытесняющая, фактически, главную линию картины, линию комиссара Вавиловой. Затронутая не глубоко и не точно, а порой и тенденциозно, она звучит, привнося в произведение не свойственные для времен гражданской войны интонации. Комитет рекомендует в связи с этим вывести из картины эпизоды игры детей, выполненные с надрывом и выходом в патологию, как и высказывания Магазанника, завершающие эту сцену.

2. Не объяснимым и не оправдываемым в этом материале выглядит эпизод «прохода обреченных». Его подлежит исключить.

3. Идеино-политические уточнения требуется ввести в разговор Магазанника с Вавиловой об интернационализме. В сцене в подвале Вавилова должна, наконец, проявить свою пролетарскую убежденность, свои марксистские позиции в начатом разговоре.

4. В уточнении нуждается сцена ухода Вавиловой из дома Магазанника:

— реплика Магазанника «Ну и люди!» воспринимается в контексте сцены как осуждение им поступка комиссара, которая оставила семье лишний голодный рот.

5. Интересно решенные эпизоды родов Вавиловой перегружены, тем не менее, излишними криками женщины, что уводит их в натуралистический ряд, разрушая стилистику картины.

6. Снижает силу эпизода смерти командира отряда сопровождающий его падение крик. Здесь сильнее сработала бы тишина.

7. В картине нарочито усугублены черты грубости и неотесанности комиссарши. Неприятно выглядит Вавилова во всех дородовых сценах (звуковой ряд, сопровождающий ее чаепитие, не эстетические позы Вавиловой в нижнем белье и т. д.). Вряд ли это необходимо для раскрытия истории внутреннего преобразования человека, пробужденного к активной политической и гражданской жизни революцией.

8. Финал картины читается как трагедия революционного фанатизма. Этому способствует открыто символическая его трактовка — рапидная съемка,

незащищенность и не подкрепленность рядом героически идущих вперед красноармейцев, которых косят пули врагов. Точнее и ближе к теме прежний финал — когда Вавилова догоняла колонну бойцов, сливаясь с ней.

В. Баскаков, В. Сытин»

28 сентября 1967 года директор студии Г. Бритиков подписал акт о приемке фильма студией, но при этом все члены ГСРК обязывались написать письменные отзывы на фильм.

Фрагменты отзывов членов ГСРК:

«... Широко пользуясь языком кинематографической символики, авторы фильма, в конечном счете, недвусмысленно противопоставляют естественное течение жизни — революционной стихии как чему-то аномальному, чуждому самой человеческой природе. В картине тема революционного гуманизма, революционной справедливости начисто ушла. Поэтому фильм дает глубоко неверное, совершенно искаженное представления о событиях революционной истории. И. Раздорский»

«... Режиссер призывает к абстрактному гуманизму и абстрактному интернационализму. Нельзя не отметить также искаженное изображение в фильме образа и духа пролетарской революции. Нарочитый выбор актрисы облик красногвардейского отряда, в который привнесена сцена с «дезертиром», и реплики: «У нас морда в крови» — символизирует неоправданную жестокость и бессмысленность революции. Кадры пустых, без седоков скачущих лоша-

дей, двукратный показ отступления Красной армии лишают начисто фильм утверждения исторически существовавшего победного исхода Гражданской войны. Можно ли исправить фильм? Сомневаюсь. *Старший редактор В. Святковская*»

«... Финал картины, символизирующий крах и бесперспективность всех надежд на будущее, бессмысленность всех принесенных жертв, бесполезность борьбы. Цепи борцов, устремленных в пустоту, редуют, силы их иссякают. Полная безысходность. Бесцельность борьбы подчеркивается в других эпизодах — косят крестьяне по голой песчаной пустыне. Посев не дал плодов, кровь не дала ростков новой жизни. Финал идет под звуки Интернационала, исполняемые колоколами. Поэтому он читается одновременно и как крах идей интернационала. Мысли, которые по этому поводу высказываются, вызывают решительное возражение. Рупором авторских идей в картине выступает Магазанник. Он истинный комиссар, теоретик, мыслитель, а не Вавилова. Его устами автор говорит о бесплодности надежд на человеческое братство на земле, причем говорит с весьма сомнительных позиций — с позиций абстрактного гуманизма, с позиции христианской религии или фейербахианства. На мой взгляд, картина никому не принесет ни радости, ни пользы. *Т. Соколовская*»

«... Последовательно и четко проводится в фильме противопоставление людей, одетых в форму некой вооруженной массы, простому человеку, его земной и теплой человеческой любви, его стремлениям к счастливой и спокойной жизни. В жестоких, подчас холодных и злых эпизодах есть все, что угод-

но, кроме политической ясности. А путаница в политике всегда ведет к контрреволюционности: будь то литература, театр, или, как в данном случае, кинематограф. *Л. Боровикова*»

«... Борьба, которую ведет Комиссар при всем героизме, будучи представлена вне намеков на свою природу и вне эмоционального богатства своих целей, оказывается на редкость неприглядной и алогичной. Насквозь претенциозная по своему духу и стилистике картина «Комиссар» способна лишь исказить образ героического времени. *В. Щербина*»

«... Революция, которая уже в существе своем несла идеи равенства и братства, оказывается в фильме злым гением — она противоположна материнству. В фильме есть транспортировка в современность. Да, по сути дела, он весь, в подтексте и прямо, обращен в современность. Кадры, когда толпа евреев со звездами Давида идет в лагерь смерти, это символические кадры. Вот, дескать, уже у истоков революции зрели зародыши неравенства и антисемитизма, и они привели людей в лагерь смерти во Вторую мировую войну. Фильм в таком виде не может быть показан зрителям. *К. Громыко*»

«... Фильм необычайно злобен. Очевидно, это связано еще и с тем, что актеры намеренно лишены человеческого обаяния. Исполнение Р. Быкова — очень внешнее, лишенное органики, этнографически натужное и педантичное вместе. Н. Мордюкова играет животность, неподвижность, грубость, тупость, некую механическую застылость, словно ее что-то держит изнутри. Ассоциативные и символические краски режиссуры, на мой взгляд, глубоко амораль-

ные. Фильм Аскольдова антигуманистический, лживый по исторической концепции, дурно исполненный актерами, не достоин демонстрации на экранах. Член сценарно-редакционной коллегии. *[Подпись не разборчива]*»

«... Общая идейная концепция фильма весьма незрела и даже реакционна. Революция, Гражданская война представляются автору как некая злая сила, перемалывающая под своими железными скрежещущими колесами все человеческое и живое. Лучше стоять от нее в стороне. Хотя от гибели и уничтожения физического подобный уход не спасает. Но в этом случае хотя бы можно спасти в себе человечность, извечные человеческие чувства. Все это вместе взятое желает для меня эту картину неприемлемой. Рекомендовать к выпуску на экран не считаю возможным. *В. Скрипицын*»

«... Давно уже я не испытывал такого тягостного чувства. Процесс «обесчеловечивания человека», уничтожения в личности всего, что делает ее личностью, утрата, насильственное подавление индивидуальности я видел и в «Прогрессе» Уэллса, и в «Альфавиле» Ж.-Л. Годара, и в его же «Маленьком солдате», и в «Карабинерах», и во множестве других менее талантливых лент. И вот совершенно неожиданно я вдруг сталкиваюсь с примерно схожей позицией художника в советском фильме! По существу фильм «Комиссар» является не просто отрицанием, а поруганием революции, ее высоких гуманистических целей и задач, тех светлых идеалов, за которые боролись и умирали ее бойцы. Если следовать идее картины, то и впрямь едва ли в этом городе, да и во-

обще на земле, если «мировой пожар» будет продолжаться, будут когда-либо ходить трамваи. В лучшем случае в них будут разъезжать атаманы или комиссары — смотря чья возьмёт. Но, чья бы ни была в итоге победа, — все равно плохо, — игра не стоит свеч. Картина невольно наводит на провокационную мысль: а может, для семьи Магазанника было бы уж лучше если бы все осталось по-старому? В финале героиня уходит умирать отнюдь не за этих вот вечно болеющих детишек Ефима Магазанника, а влекомая все той же абстрактной идеей — огромной, внечеловеческой, всесильной и слепой, хотя и действующей с ужасающей целенаправленностью. И — враждебной в итоге человеку, ибо она не принимает в расчет этого конкретного, живого человека. В первый раз мне приходится видеть произведение, где автор отрицает или подвергает ревизии не какие-то частности, не те или иные отдельные стороны революции, а самое идею революции как таковую. И еще более поразительно, что это произведение могло появиться на свет в канун великого праздника — 50-летия Великой Октябрьской революции. А. Ахтырский»

«Заключение

Главному управлению художественной кинематографии по фильму-диплomu выпускника Высших режиссерских курсов А. Аскольдова «В одном городе» («Комиссар»).

Режиссер в ходе постановки фильма решительно отошел от идейной концепции, четко прочерченной в литературном первоисточнике. В период съемок фильма Главное управление художественной кинема-

тографии дважды просматривало материалы и обращало внимание студии и режиссера на изменение идейно-художественной концепции. Режиссер Аскольдов после бесед с руководством Комитета и Главка сделал несколько исправлений и убрал ряд эпизодов. Однако эту работу он провел не последовательно и не до конца. В результате и в последнем варианте фильма дается неверное решение темы революционного гуманизма и пролетарского интернационализма. Руководство Комитета и Главка неоднократно указывало на серьезные недостатки и идейные просчеты сценария, а затем материала фильма. Рекомендации были даны по группе и в черновой сборке картины — проход в лагере, разговоры в подвале, финал картины, натуралистические эпизоды родов, ассоциативный ряд и тому подобное. Однако внутреннее сопротивление режиссера критике и советам привело к тому, что картина не была переосмыслена; «пафос» и тенденция фильма остались прежними, хотя в картину внесены отдельные формальные поправки и коррективы. Принято решение дипломную работу Аскольдова, как ее представила студия и Высшие режиссерские курсы, не принимать и предложить студии им. М. Горького и творческому объединению внести свои предложения.

Начальник Главного управления Ю. Егоров,
главный редактор сценарно-редакционной
коллегии Е. Сурков»

Страна торжественно отметила 50-летие Великого Октября. Фильмы, спектакли, праздничные концерты, демонстрации. Всё как всегда. Фильм «Комиссар», делавшийся к празднику, не вышел на экра-

ны. И, казалось бы, дело сделано. Но нет. 12 декабря 1967 года появляется следующий документ:

«Председателю Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР товарищу Романову А. В.

Главное управление художественной кинематографии предложило внести ряд существенных поправок в фильм «Комиссар». Вследствие пассивного отношения режиссера-постановщика Аскольдова А. Я. к выполнению требуемых поправок студия поставлена в крайне тяжелое положение и лишена возможности завершить работу над фильмом. В связи с этим киностудия им. М. Горького обращается к вам с просьбой санкционировать одно из следующих предложений:

1. Отстранить от работы по завершению фильма «Комиссар» выпускника Высших режиссерских курсов Аскольдова А. Я., предоставив студии право закончить фильм без его участия.

2. Разрешить студии сделать фильм «Комиссар» как дипломную работу Аскольдова. В этом случае, с целью возможности сдачи фильма Управлению кинопроката, провести необходимые поправки также без участия дипломанта Аскольдова.

Директор киностудии Г. Бритиков»

«29 декабря 1967 года

Фрагменты выступлений участников заседания Коллегии Комитета по кинематографии.

К. Симонов: ...Это присутствие таланта с редким отсутствием чувства меры. Сделал картину без-условно талантливый человек. Эта вещь талантливая и над ней надо работать.

С. Герасимов: ... По существу проблем, которые изложены в сегодняшнем документе (имеется в виду официальное заключение Комитета, розданное участникам Коллегии перед началом заседания, из которого явствовало, что картина не может быть принята прежде всего по политическим соображениям), мы по-разному понимаем некоторые обстоятельства. Некоторые вещи я понимаю совершенно иначе. Я не думаю, что тут что-то плохое задумано. Я не считаю, что это опасно. Я не могу с этим согласиться. Надо вдуматься в это, и многие подозрения рассеются. Я остаюсь при своем, уже не однажды высказанном суждении: мы имеем дело с талантливым человеком, и поскольку нужно сохранять терпеливый интерес к этой работе до конца. К этому меня обязывает должность руководителя объединения. Вы столкнулись с одним таким случаем, а мне с такого рода случаями приходится сталкиваться непрерывно. И если бы мы не проявляли терпения, то многих хороших картин не было бы. Аскольдов человек упрямый по натуре — это можно оценить как недостаток, но можно расценить и как достоинство. Потому, что неупрямый человек готов сию минуту все переделать. Может быть обратное — человек очень любит свое произведение и очень уж держится за все, что он сделал. Мы имеем дело с молодым начинающим художником, который хочет высказаться на сто процентов. Когда представился первый случай высказаться, он

выложил всё, что у него было в закромах. Надо вводить картину в берега.

Л. Трауберг: ...Я не согласен с Игорем Вячеславовичем Чекиным, который заявил, что картину нельзя спасти. Я твердо убежден, что эта картина, как говорил Эйзенштейн, нуждается в серьезных, хороших и четких ножницах. Но эта картина должна дойти до народа.

Г. Бритиков: ...У нас вышли тридцать четыре картины режиссеров-дебютантов. Почему должна быть завалена тридцать пятая? Давайте попробуем. Закрыть ведь всегда можно. Затраты будут очень небольшие, и я бы просил Комитет разрешить нам провести эту работу над картиной.

Ю. Егоров: ...Мне кажется неверной намечающаяся тенденция, в частности. Выступление Сергея Апполинарьевича, что можно исправить картину частными подрезками и частными подчистками, приведением в пропорцию тех или иных сцен.

И. Чекин: (парторг Комитета по кинематографии)... Дальнейшая работа над этой картиной ничего нам не даст, ибо концепция, на которой она построена, и убежденность Аскольдова в правильном решении этого фильма, столь сложны, что здесь частичными рекомендациями ничего нельзя исправить. Я считаю, что выступить сегодня с этим произведением искусства было бы оскорбительно.

В. Баскаков: ...В результате просмотра фильма остается ощущение, что существуют такие своеобразные символы: один символ русского народа — нелепая, крупная и недалекая женщина; с другой стороны, человек, который показан в общем противоречиво: он там развивает мысли в национальном плане, как бы

защищает всю еврейскую нацию. А с другой стороны, он обнаружит наверняка для населения какие-то черты, которые карикатуруют образ еврейского труженика. Я имею ввиду какие-то странные ужимки, все его повадки, весь его внешний вид — это скорее с какой-то карикатуры антисемитского издания 1906 -1907 годов. Всем известно, что именно революция разрушила черту оседлости, заскорузлость многовековую, и не только разрушила национальный гнет, но оказалось, что среди местечковых жителей имеется взлет. Целый ряд выходцев из этих местечек — крупные руководители нашей страны.

А. Сазонов: ...Помните, как мы проходим в начале по мёртвому городу — возникает церковь, возникает костел, затем возникает разрушенное здание. На стене нарисована красная звезда, панорама и раввин, распятый в нише. Быков говорит — когда же наступит время, когда будет разрушена черта оседлости. Это ведь реплика, брошенная в сегодняшний день, а не в царские времена еврейских погромов. Меня лично это оскорбляет — как буд-то бы я антисемит. Я им не являюсь, а меня подозревают в антисемитизме.

А. В. Романов: ... Диплом Аскольдова совершенно неприемлем для нашего экрана. Ошибки этого фильма начались не тогда, когда Аскольдов закончил картину. Гораздо раньше. Они начались с ошибки главка, а затем и комитета, разрешившего к постановке такого рода сценарий, в котором было немало сомнительных творческих решений, которые мог избрать режиссёр. И не случайно, что вскоре после запуска картины к нам поступили серьезные и тревожные вести о том, что в создаваемой картине много вся-

ческих нелепостей. Тогда я был вынужден вызвать Аскольдова и сказать ему, что у него, собственно, нет комиссара большевика, что с самого начала у него фигурирует Маруся-атаманша, которой вдруг пришло в голову родить. Мы с ним тогда серьезно и долго говорили о том, что если он хочет создать образ комиссара времен гражданской войны, то он должен подумать о том, что за женщины были комиссарами в Красной армии. Этот разговор, видимо, произвел на него какое-то впечатление. У нас есть его письмо, в котором он соглашался с замечаниями и обещал работать в правильном направлении. Значит, он понимал, о чем идет речь. Но то, что он сделал, полностью противоречит всему тому, о чем он говорил в письме и в разговоре со мной. В чем крупная ошибка этого фильма? В нигилистическом восприятии истории нашей революции. Это явление не частное, не исключительное. С такого рода очернительским отображением того времени мы сталкивались и сталкиваемся и в некоторых других фильмах, хотя и не в таких лошадиных дозах. Вспомните некоторые фильмы, которые мы до этого критиковали, заставляли переделывать, а затем выпускали на экран. Например, последний фильм Калика «До свидания, мальчики!» Ошибка Аскольдова — это ошибка, связанная с неправильной трактовкой событий, которые имели место в годы Гражданской войны. Сейчас комиссара нет в фильме. Назвать Вавилову комиссаром это кощунство. Можно ли принять фильм, в котором он представлен? Нет, нельзя. Можно ли фильм спасти? Можно. Но это должен быть другой фильм. Не который мы смотрели, а другой фильм, с использованием

имеющегося материала. Что для этого нужно? Нужно глубокое переосмысление концепции, нужно произвести перемонтаж многих сцен, исключить многие сцены, нужен новый текст, полная перемонтировка, полная перезапись.

Г. Бритиков: ...А если Аскольдов не согласится?

А. Романов: ...Тогда товарищ Бритиков собственным приказом может принять любое решение, касающееся режиссера постановки. Такое право предоставляется каждому директору студии.

С. Герасимов: ...Если Аскольдов откажется, директор студии, в целях сохранения средств, может передать работу другому режиссеру. Но ведь эта работа проводится с учетом диплома?

В. Баскаков: ...Учтут или не учтут это будет решено в рабочем порядке, в соответствии с протоколом.»

29 марта 1968 года киностудия представляет в Комитет план поправок. В. Баскаков напоминает: «Речь может идти только о серьезной переработке фильма, укреплении его концепции, а не об устранении частных идейно-художественных просчетов.»

В эфире «Взгляда» Ролан Быков прочитал лишь самую малость из представленных здесь документов. Я хорошо помню тот смех, который вызвали некоторые пассажи и формулировки у тех, кто был тогда на эфире. В своей работе В.И. Фомин рассказал о судьбе многих фильмов, которые легли на полку. При этом в книге опубликованы не только документы, но и комментарии к ним. В итоге получился фактически готовый сценарий фильма о том, как фильмы попадали на полку.

Я же категорически отказался здесь от комментариев и вот почему. Во второй части этой работы я попробую объяснить на примере собственных работ, которые мне удалось сделать в Молодежной редакции Центрального телевидения Гостелерадио СССР, почему ничего подобного, никаких документов на телевизионной полке не осталось. Закончить историю «Комиссара» я хотел бы небольшой цитатой из книги В.И. Фомина «Полка». 11 марта 1969 года А. Аскольдов уволен с работы с должности режиссёра, как не соответствующий занимаемой должности. Аттестационная комиссия признала, что он не соответствует и должности второго режиссера из-за отсутствия профессиональных навыков. 15 декабря 1969 года на партсобрании Госкомитета по кинематографии коммунист Аскольдов был исключен из рядов КПСС. Заочно. «За полный отрыв от партийной организации». Невольно вспоминается фраза, оброненная одним из участников рокового обсуждения картины 29 декабря 1967 года А. Сазоновым: «Восстанавливать картину без участия режиссера — бессмысленно. Ее надо положить на полку. Но вместе с ней на полку надо положить и режиссера». Так и поступили. Аскольдов навсегда оказался выброшенным из кино.

В 1981 году А. Я. Аскольдов был назначен директором и художественным руководителем Государственного Центрального Концертного зала «Россия». Поставил там два концертных спектакля «Дорогая моя Москва» и «Святая к музыке любовь» (творческий вечер Раймонда Паулса). Однако и там не сработался с вышестоящими советскими и партийными органами и в 1985 году был уволен из ГЦКЗ «Россия». Вскоре Аскольдов уехал за границу, где и теперь преподает и пишет книги.

Официально, то есть законодательно закреплённой, цензуры в Советском Союзе не было вовсе. Поразительно, но факт, слово «кино» в последней версии Основного Закона СССР вообще не употребляется. Ни разу. А вот слово «телевидение» употребляется дважды в главе седьмой, где определяются основные права, свободы и обязанности граждан СССР. Вот так это записано в статье 50-й: «В соответствии с интересами народа и в целях укрепления социалистического строя Гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций.

Осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, ТЕЛЕВИДЕНИЯ и радио».

Второй раз о телевидении говорится в статье 46-й. «Граждане СССР имеют право на пользование достижениями культуры. Это право обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах; развитием и равномерным размещением культурно-просветительных учреждений на территории страны; развитием ТЕЛЕВИДЕНИЯ и радио». Ни о каких отдельных правах журналистов в Конституции не сказано ни слова, но если считать любого деятеля тогдашних средств массовой информации просто гражданином СССР, то статья 49-я открывала советским гражданам поразительные возмож-

ности: «Каждый гражданин СССР имеет право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе. Должностные лица обязаны в установленные сроки рассматривать предложения и заявления граждан, давать на них ответы и принимать необходимые меры. ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА КРИТИКУ ЗАПРЕЩАЮТСЯ. Лица, преследующие за критику, привлекаются к ответственности». Повторяю, в Советской Конституции слово «цензура» вообще не употребляется ни разу. Но есть статья, которая сводит на нет все то, что я процитировал выше. Эта та самая пресловутая статья 6-я из главы Политическая система, отмена которой, стала главным завоеванием Перестройки. Напомню, как она звучала: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций, является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма».

Чтобы у граждан СССР не возникло ни малейшего желания воспользоваться своими правами для критики этой самой партии, в Конституции есть статья 59-я, где написано: «Гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию СССР и советские законы, уважать правила социалистического общежития, с досто-

инством нести высокое звание гражданина СССР». Всем, кто в этом сомневался, в этой же Конституции напоминали, что «измена Родине — это тягчайшее преступление перед народом».

А вот теперь, если снова прочитать внимательно заседания редакционных и художественных советов, после которых фильмы и их создатели оказывались «на полке», легко заметить, что в некоторых выступлениях деятельность художников зачастую приравнивалась к измене Родине.

С первых дней существования, избранного на альтернативной основе свободным голосованием Съезда народных депутатов РСФСР, депутаты демократического толка начали разработку новой российской Конституции. Несмотря на то, что она была принята уже после расстрела Российского парламента в 1993 году, статья 29-я, зафиксировавшая свободы российских граждан, осталась в том же виде, в котором ее разработал и внес в проект Конституции Комитет по правам человека Верховного Совета России, членом которого был и я. Статья зафиксировала следующее:

«1. Каждому гражданину гарантируется свобода мысли и слова.

2. Не допускается пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.

4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять ин-

формацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну определяется федеральным законом.

5. Гарантируется свобода массовой информации. ЦЕНЗУРА ЗАПРЕЩАЕТСЯ».

Нелишне напомнить, что Конституция страны является законом для всех, причем прямого действия. Это значит, что она исключает какие бы то ни было толкования ее статей, противоречащие их духу и смыслу. Нарушение статей Конституции относится к особо тяжким преступлениям. А теперь давайте вспомним, что делает нынешняя власть и подотчетные ей средства массовой информации, начиная от военных столкновений, кончая выборами. Легко найти в их действиях состав преступлений в отношении Конституции РФ. В Законе о средствах массовой информации, принятом еще до Конституции 1993 года в статье 3-й, подтверждается конституционная норма о недопустимости цензуры, которая определяется, как «требование от редакции СМИ со стороны должностных лиц государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюированным), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей и запрещает создание и финансирование организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации.

Уголовный Кодекс РФ предусматривает ответственность за отказ в предоставлении гражданину

информации (ст. 5.39), воспрепятствованию распространению продукции СМИ (ст. 13.16) и воспрепятствованию уверенному приему радио и телепрограмм».

Возможно, кому-то покажется слушком долгим и лишним это назойливое цитирование нормативных актов. Возникает вопрос: а какое это, собственно, отношение имеет к тем самым «двум полкам общего вагона», заявленных автором? На мой взгляд — самое прямое. Нормы и советской Конституции, и Конституции России не имели никакого отношения к реальной жизни советских, а ныне российских граждан. И в первой главе, на примере разгрома и фактического уничтожения многих художественных произведений, я попытался это доказать. Огромную помощь в этом мне оказали тщательно сохраненные в архивах Госкино официальные документы и стенограммы разнообразных советов. Ничего подобного, связанного с цензурой, на советском телевидении нет. Причин здесь несколько. Первая и главная. Это абсолютный и беспрекословный диктат руководства Гостелерадио СССР над художниками, над сценаристами, режиссерами, журналистами и другими создателями телевизионных передач, который выражался в прямых указаниях главным редакторам редакций — производителям телепродукта о снятии той или иной передачи с эфира, о запрете того или иного фильма, о «вырезании» того или иного героя целиком из программы, либо его конкретных слов. Все эти указания давались по телефону после приемки программ и фильмов руководству. А до конкретных исполнителей — авторов программ — эти указания доходили как приказы к немедленному исполнению. Никакие дискуссии не допускались. Второе. Приказы о запуске тех

или иных программ издавались в редакциях после принятия их сценариев Художественными советами этих редакций. Ход обсуждения, замечания и предложения авторам никогда не фиксировались в официальных протоколах. Получив разрешение на производство передачи или фильма, авторы получали своеобразный карт-бланш на все, что они делали, вплоть до момента сдачи готовой продукции руководству редакции. В отличие от кинопроизводства, когда руководство студий контролировало весь ход работы над фильмами, как это было, например, с фильмом Александра Аскольдова «Комиссар». Главные скандалы, связанные с некоторыми телевизионными проектами, их критика в СМИ и в высших партийных инстанциях, таким образом происходили не до выхода в эфир, а после. Тем самым тяжесть обвинений, репрессивные меры делились как бы между авторами скандальной программы и высшим телевизионным руководством. Вот почему так важны при рассмотрении истории цензуры на советском телевидении воспоминания очевидцев, тех, кто, как говорится, на своей шкуре испытал все «прелести» телевизионной цензурной политики.

Между передачами и фильмами, которые производились Гостелерадио СССР, существовала серьезная разница. Причем даже чисто внешне. Если посмотреть на главное здание телецентра на Королёва 12, то оно разделено на две части. Все, что справа от центрального входа, и было в Советском Союзе собственно Центральным Телевидением, главным делом которого было производство телепередач. Для этого верхние шесть этажей с 13-го по 7-й были предоставлены различным редакциям и административным службам. Здесь же

располагалось руководство ЦТ. Помещения с 6-го по 3-й эта были отданы ТТЦ — телевизионно-техническому центру и здесь располагались монтажные и просмотровые аппаратные, студия озвучания, архивы и склады пленки. Весь низ с 3-го по 1-й — это студии, включая самую большую. Площадью тысяча квадратных метров для съемок массовых передач и конкурсов и, так называемую, концертную студию, для съемок программ с большим участием публики, прежде всего концертов и ток шоу. А слева от центрального входа находилась та часть здания, которая целиком была отдана творческому объединению «Экран», главным делом которого было производство кинофильмов, включая мультипликационные. Здесь тоже были свои студии, свои монтажные, своя бухгалтерия и свое начальство. Кроме производства фильмов, здесь существовало еще и специальное объединение кинохроники. Основу его составляли кинооператоры, которые заказывались теми редакциями Центрального Телевидения, которые производили новости, сюжеты для программы «Время», тележурналы.

Система работы была следующая. На съемку, особенно в пределах Москвы и Московской области, выезжали все вместе: и журналист, и обслуживающая его съемочная бригада: оператор, его ассистент, звукооператор и два осветителя (двое их было по причине тяжести и громоздкости осветительной аппаратуры). Если же речь шла о командировке, продолжительностью более суток, то в съемочную группу включался и директор, в обязанности которого входила покупка билетов, обеспечение группы жильем и питанием. Если снимался большой сюжет, либо фильм, то корре-

спондент, журналист, автор выезжал на место съемок один задолго до приезда к нему остальной творческой группы. Например, мои многочисленные командировки на Дальний Восток, на наш Север, на БАМ длились порой более месяца. А оператор с группой прилетали ко мне на два-три дня. По моему вызову, когда были определены герои, продуман сюжет, определены места съемок и получены все разрешения от соответствующих организаций. В том числе от представителей Министерства обороны и КГБ. Объяснялась такая система работы тем, что лимит киноплёнки, выделяемой для съемок, был крайне ограничен. Например, для простых съемок он составлял два с половиной. Это означало, что на каждую минуту готового материала я мог израсходовать две с половиной минуты плёнки. Учитывая, что плёнка могла быть использована только один раз, такие ограничения приводили в жесточайшем ограничении себя в съемках красивых панорам, длинных бесед или синхронных (на телевизионном сленге) и т.д. Положительным было одно: четкое и ясное понимание журналистом еще до команды «мотор», что в итоге должно быть на экране после монтажа. Фактически драконовские лимиты плёнки приходилось обходить самыми разными способами. В заявке на киносъемку, которая заполнялась журналистом, была графа «особые условия съемки». Независимо от того, что планировалось снимать, я писал в этой графе поочередно два слова: либо дети, либо животные. Из-за непредсказуемости поведения тех или других, можно было получить вполне узаконенный лимит плёнки один к четырем. То есть на 10-минутный сюжет мне выделялось сорок минут киноплёнки. Мы знали, что существует и поня-

тие «неограниченный лимит». Это было в том в случае, когда в графе «особые условия съемки» писались слова «Кремль», либо «паркет». Выдававшим плёнку и выдававшим командировку было ясно, куда едет съемочная группа и кого при этом снимали. Молодежную редакцию это не касалось. В Кремле и «на паркете» работала только программа «Время». Возможно, все эти технические детали кому-то покажутся лишними, но именно этими подробностями хочу лишь подчеркнуть, что реальная цензура, при работе на телевидении в советское время, начиналась задолго до того, как творческая группа приступала к съемкам. Называлось это «самоцензура». При всем желании, журналист просто не имел технической возможности снять что-либо выходящее за рамки и утвержденное главным редактором как тема будущего материала, а тем более кинофильма.

И все-таки главным на советском телевидении была политическая цензура. Именно она определяла выход того или иного материала в эфир. С этим я встретился при производстве двух знаковых для меня телевизионных работ, которые по времени практически совпали друг с другом. Финал их оказался тоже очень похожим. Оба фильма — и «Самолет из Кабула», и «Ленинград — Сиэтл. Год спустя», — над которыми я работал в 1986-1987 годах, были показаны в эфире Центрального Телевидения только по одному разу, в самое «несмотрительное» дневное время, а после эфира размагничены. Только случай, а вернее вмешательство в судьбу афганского фильма моего друга и соавтора Виктора Ногина, работавшего в то время секретарем партийного комитета Гостелерадио СССР, помогло спасти фильм и сегодня он находится в Гос-

фильмофонде. А вот копия сделанного совместно с американцами фильма «Ленинград — Сиэтл. Год спустя» (в американском прокате «Лицом к лицу») можно найти только в Музее телевидения в Нью-Йорке. Особую пикантность ситуации с его запретом на советском телевидении придает тот факт, что это была первая работа советских телевизионных журналистов Павла Корчагина, Сергея Скворцова и автора этих строк, которые получили высшую награду Американской академии телевизионных наук и искусств ЭММИ. Этот аналог американского Оскара так и остался единственным, полученным советским телевидением.

Но вернемся к Афганистану. К 1985 году для журналистского сообщества, и не только для него, стал очевидным тот факт, что мы ведем в Афганистане полноценную и бесперспективную войну. Об этом говорили не только замечательные репортажи из Афганистана моего коллеги журналиста ТОЙ еще «Комсомолки» Михаила Кожухова, но даже после жесточайших цензурных ножниц, становилось понятна очевидность бессмысленности этой войны, всё больше чувствовалось это и в материалах собственных корреспондентов Гостелерадио СССР в Афганистане Ады Петровой и Михаила Лещинского. Даже тщательно скрываемые наши потери, а главное, их количество, нельзя было утаить от людей. На каждом кладбище бросались в глаза могилы молодых парней, чаще всего с портретами на памятниках, в форме ВДВ. И двумя датами: день рождения и день смерти. А почему и где они погибли в двадцать лет, уже ни для кого не было тайной. А военная цензура запрещала упоминание на памятниках место гибели.

Министерство обороны и Министерство иностранных дел СССР в 1985 году разработали даже специальный документ, что Центральное Телевидение может сообщать «отдельные единичные факты (не более одного в месяц) ранений либо гибели советских военнослужащих при исполнении воинского долга, отражение нападения мятежников и выполнение заданий, связанных с оказанием интернациональной помощи афганскому народу». Этот документ фактически запрещал даже надеяться на то, что кто-нибудь на Центральном Телевидении, кроме журналистов программы «Время», может рассказать об Афганистане правду. Именно это, в конечном итоге, привело меня к всесильному тогда руководителю Гостелерадио СССР С.Г. Лапину. Мои попытки объяснить ему мое искреннее и страстное желание отправиться в Афганистан, снять там серию репортажей, а может быть и фильм, о том, что реально происходит с нашими молодыми ребятами там, наткнулись на совершенно неожиданный вопрос председателя госкомитета. «А вы член нашей партии? — и в ответ на мое молчание, — Ну и зачем вы тогда ко мне пришли?» Впервые тогда я встретился с той самой всеобъемлющей цензурой, о которой мы все знали и которая точно и ясно была обозначена в Конституции СССР, в той самой Шестой статье, которую я цитировал ранее. Советский журналист, работающий на центральном телевидении, не имел права выезжать за пределы Родины, а уж тем более осуществлять там свои профессиональные обязанности, даже если речь шла о работе на войне, если он не имел в кармане партийный билет. Через год я стал кандидатом в члены КПСС и, тем самым, получил формальное

разрешение на командировку в Афганистан. Но, даже в этом случае, если бы не помощь Виктора Ногина, а, главное, если бы я не был включен в некую новую реальность — пропагандистское обеспечение нового афганского руководства, я бы так и не попал в Афганистан. Новая идеологема, придуманная в Кремле, звучала так: «политика национального примирения». Смысл ее очевиден — Советский Союз в Афганистане не с душманами, не с мятежниками, не с партизанами, а уж тем более не с мировым империализмом — то есть со всем тем, о чем без устали трубила шестой год советская пропаганда. Мы воевали там с народом, победить который в течение многих веков не смог никто. Наконец в Кремле стало ясно и очевидно, что эту безумную войну пора кончать.

Первого мая 1986 года наша группа вылетела в Кабул. А буквально накануне мы были вызваны на Старую площадь, в здание, где располагался Центральный Комитет КПСС, и один из главных идеологов страны достаточно сухо и кратко обрисовал нашу задачу. «Мы поручаем вашей группе, — сказал он, — снимать материалы не о том, что происходит на межгосударственном уровне, с этим прекрасно справляется журналист Лещинский. Ваше дело — молодежь двух стран. Вы должны рассказать советской молодежи, как мы помогаем братскому афганскому народу выйти из вековой зависимости на новый путь экономического развития. Вы должны увидеть, как советский комсомол помогает демократической организации молодежи Афганистана строить новую жизнь. Ну, а то что наша молодежь в военной форме, так это потому, что у Афганистана много врагов, но с которыми воюем не мы, а молодые во-

оруженные силы Афганистана. Мы только помогаем. Если вы поняли, я вас больше не задерживаю». Много позже я узнал, что накануне нашего разговора на Старой площади руководством страны было принято решение о замене руководства Афганистана. Вместо Бабрака Кармаля пост генерального секретаря ЦК НДПА должен был занять Наджибулла. До этого он возглавлял службу государственной информации, а по сути — тайную полицию Афганистана. Врач по образованию, пуштун по происхождению, он до ввода наших войск в Афганистан скрывался в Москве. И вот пришло его время вернуться на родину. Сменщику Кармаля была нужна медийная подпитка. И наша съемочная группа стала частью сложной, многоходовой, разработанной заранее в Москве секретной пропагандистской кампании. Но если в Москве нам было все более-менее понятно и рамки нашей работы, ограниченные партийной и военной цензурой, ясны, то по прилете в Кабул мы сразу поняли, что здесь никто ничего по этому поводу не слышал. В штабе сороковой армии, куда мы направились по прилету, бросалась в глаза неразбериха, и найти человека, который бы занялся нами, было практически невозможно. Прежний главнокомандующий генерал-лейтенант Игорь Родионов был отозван, и его сменил Виктор Дубынин. Естественно, что мы попали в тот момент, когда один штаб менялся на другой. Всем было не до нас. Нам предложили снять интервью с начальником штаба, сделать материал о заседании Лоя Джерги (верховного совета Афганистана), побывать на закладке нового парка Дружбы, поужинать и на следующее утро отправиться в Москву. Мы были категорически против подобной программы. В наших

планах было оставаться здесь не меньше месяца. Виктор Ногин связался по ВЧ с Москвой. С кем и о чем он разговаривал, мне не известно — разговор происходил в закрытой комнате, но через два часа нас вновь пригласил начальник штаба, и разговор пошел совсем в другом тоне. Он предложил нам написать план того, чтобы мы хотели снять в Афганистане. Мы написали программу-максимум — вплоть до съемок на территории Пакистана, где располагались бандформирования, воевавшие с законной властью Афганистана, а по сути с нашей армией. Для начала нас отправили в часть, которая специализировалась на перехвате караванов с оружием и боеприпасами. Здесь мы встретились с проявлением не просто цензуры, мы почувствовали серьезное напряжение в отношении к нам со стороны командования части. И только через два дня в открытых беседах с командиром мы выяснили причину. Сообщение о том, что в часть приезжает группа ЦТ, сопровождалась требованием подготовиться таким образом, чтобы журналисты видели только парадную, внешнюю часть армейской жизни. А это значит, что за сутки всю часть переделали в уставную форму, в ненавистные жесткие солдатские ботинки, вместо привычных бандан, заставили надеть шляпы вместо добытых в боях солдатских «лифчиков» — специальные жилеты, в которых хранились запасные магазины для автоматов китайского производства, которыми пользовались душманы. Апофеозом было то, что солдат заставили покрасить в белый цвет колеса танков. Но ненавидели нас не потому, что приходилось это делать при 60-градусной жаре, а потому, что все это происходило на глазах у душманских снайперов, рас-

полагавшихся на возвышенностях, окружавших часть. Целью всей этой показухи было показать зрителям из «арбатского» военного округа, что несмотря на трудности в Афганистане наша армия живет в полном соответствии с требованиями устава. Это было условием военной цензуры. Всё это происходило в частях, расположенных в Кабуле. В Джелалабаде, Баграме, Кандагаре ничего подобного не было. Мы даже смогли побывать в банде в Пакистане.

За несколько дней до возвращения домой я снял интервью с женщиной-врачом в Центральном Кабульском госпитале. Ощущение от того, что мы там увидели, было страшным: крики, стоны, огромное количество раненых, лежащих прямо на полу в коридорах. И все они — совсем молодые ребята, искалеченные не только физически, но и нравственно. Ведь никто им так и не смог объяснить, за что они воевали и погибли в чужой стране. Сопровождающие нас офицеры категорически запрещали снимать то, что мы видели, объясняя, что все равно ничего этого Москва не пустит в эфир. А вот беседу с нашим хирургом у кровати с маленьким афганским мальчиком снимайте сколько хотите. Женщина-врач в медицинской маске, лицо прикрыто, видны только огромные черные глаза. Она скупно отвечала на наши вопросы. В тысячный раз мы услышали заученные слова про интернациональный долг и помощь афганскому народу. В конце интервью я спросил: «А у вас есть сын?» «Да, — ответила она, — ему сейчас восемнадцать». «Это возраст призыва. А что если он попадет сюда, в Афганистан?» — и я показал рукой туда, где были палаты с ранеными солдатами. И она, видимо, не первый год видевшая здесь боль,

кровь и смерть, выдавила из себя: «Конечно, матерям сейчас очень трудно. Но это долг. И я думаю, что мой сын выполнит его с честью...» Голос ее задрожал, она замолчала. Но я не стал ее жалеть и задал последний вопрос: «Это вы говорите мне как врач или как мать? — Да, это нужно! — выдохнула она». В этот момент пленка кончилась, оператор снял камеру с плеча и в то же мгновение женщина сорвала с себя маску и буквально бросила мне в лицо: «Какая же я дрянь! А вы, вы просто подонки, потому что снимали все это! А теперь покажете всем!» Это была фактически пощечина. Не физическая, но моральная, беспощадная, заслуженная и запомнившаяся навсегда. Через несколько месяцев, уже в Москве, когда я дошел в монтаже в фильме до этого эпизода, мы долго думали с Ногиным, оставить ее в картине или нет. У меня и по сей день словно горит щека, когда я вспоминаю эту женщину: ее полные негодования глаза, выплеснувшийся из глубины души крик матери, теряющей своего сына и белую маску на белом лице. Вот именно из-за этой маски, бывшей на лице в момент съемки, я оставил этот эпизод. И дело не только в том, что благодаря маске наша героиня неузнаваема. Хотя, конечно, это немаловажно — именно такая анонимность в конечном итоге давала мне моральное право показать ее на экране. Ведь я помню, что было позже. Гораздо важнее то, что эта маска стала своего рода символом всего происходящего в те годы в Афганистане. Она помогла мне показать то, что категорически запрещала и вырезала военная цензура. Шла война. Настоящая, кровавая, чужая для нас война, прикрываемая маской «интернационального долга и помощи братскому народу». Солдаты умирали

в госпиталях от ран, но их нам не разрешали снимать. Кстати и тогда, во время этого интервью, сопровождавшие нас военные цензоры позаботились о своего рода «маске»: раненым вокруг приказали не стонать, чтобы «не мешать журналистам работать». И, конечно, только под маской любая мать смогла бы произнести те слова, которые наша героиня вынуждена произнести перед кинокамерой.

Во время работы над фильмом «Самолет из Кабула» я столкнулся с удивительным парадоксом советской цензуры. Мне никак не удавалось объяснить разного рода редакторам и телевизионным редакционным, и военным из Главпура, и цензорам Главлита, что отдельные кадры и целые сцены фильма, которые они так возмущенно и беспрекословно требуют вырезать, были сняты в Афганистане при одобрении по сути высшей власти страны. Суть этого «одобрямса» была проста. С афганской авантюрой нужно было кончать. Сегодня известно, что об этом, но только еще более жестко, говорил М.С. Горбачев, еще не будучи генсеком правящей партии и президентом страны. А заняв высшие посты в государстве он этого потребовал, но натолкнулся при этом на чудовищное сопротивление генералитета и партийных идеологов. Но в Останкино суть этого конфликта, происходившего на самом верху властной вертикали, естественно не знали. И меня с моим фильмом, и то, о чем я рассказываю, воспринимали, как какое-то безумство. И уж точно, не имеющее право на эфир. То, что мы попытались заявить во всеуслышание тогда, в 1986 году, телевизионным начальством воспринималось как крамола, если не хуже. Это я знал, что руководство страны пла-

нировало вывод войск из Афганистана, но к эфиру-то фильм подписывал не Горбачев, а совсем другие люди из самых разных организаций. В первую очередь военные цензоры. Именно они принимали решение быть или не быть «Самолету из Кабула» на телеэкране. И мне пришлось его перемонтировать десятки раз. Тем не менее, даже в совершенно изуродованном виде фильм лег на полку почти на год. После последнего просмотра цензоры уперлись в название. «Самолет из Кабула». На что это вы намекаете? Что за странный вектор движения? Почему из Кабула, а не в Кабул? Может быть, вы хотите сказать, что нам пора уходить из Афганистана? — Да, разумеется, конечно! И чем скорее, тем лучше. Но признаться тогда в этом было равносильно профессиональному убийству и собственноручному уничтожению многострадального фильма. Я объяснял название драматургическим ходом. Дескать, мы летим домой и вспоминаем то, что осталось позади. Вот почему из Кабула. Как ни странно, это помогло, и фильм все-таки был показан в эфире ЦТ. Правда, без какого-либо объявления, в самое неудачное дневное время. Один раз. И был отправлен на полку. С тех пор его никто не видел.

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ. ДУБЛЬ ДВА

Телемосты с Америкой, как это ни странно прозвучит, открыли для советских граждан ее второй раз после Колумба. Впрочем, и для американцев Советский Союз был совершенно неизвестной страной. Произошло это не потому, что интерес к нашей стране был не высок. В то время наша страна была факти-

чески полностью закрыта для нормальной работы иностранных корреспондентов. Если просто иностранный турист еще мог как-то передвигаться по СССР, да и то под пристальным взглядом экскурсоводов в штатском, то иностранные телевизионные журналисты не могли свободно работать в нашей стране. И даже если хотели сделать это тайно, то их немедленно выдавала громоздкая съемочная аппаратура того времени. Кстати, это касалось и советских журналистов, если иметь в виду съемки в Ленинграде и Москве. Если во всей стране своего служебного удостоверения для работы, например, просто на улице для милиции было достаточно, то снимать в помещениях было невозможно, если у тебя не было так называемого «письма». Проще говоря, бумажки, на которой начальник (например, Министр торговли) давал разрешение на съемки в каком-нибудь магазине. Для иностранных корреспондентов выход с камерой на улицу Горького или, не дай бог, на Красную площадь, мог обернуться большими неприятностями, вплоть до высылки из страны. В СССР не было фактически ничего, что не являлось каким-либо секретом. Даже если речь шла об обыкновенном здании театра или школы. Все, что они могли снять без разрешения или сопровождения, происходило чаще всего тайно из окна автомобиля. Кстати, это объясняет тот факт, почему в репортажах зарубежных корреспондентов о Советском Союзе было так много помоек. Просто их никто не охранял. Для того, чтобы войти с камерой на Красную площадь для любого журналиста было нужно разрешение коменданта Кремля. А разрешение это можно было получить только в том случае, если под письмом стояла подпись Лапина,

то есть министра. В Гостелерадио существовала специальная организация, сотрудники которой как могли обеспечивали возможность работы иностранным корреспондентам. Называлась она Главное управление внешних сношений. Понятно, что второй главной задачей этого управления был контроль за всеми съемками и за самими снимающими. Во всех странах мира журналист это прекрасная «легенда» для профессионалов-разведчиков. Поэтому ГУВС отчитывался не только перед руководством Гостелерадио, но и перед Лубянкой. Каждый раз после общения с иностранцами сотрудники ГУВСа писали отчеты, как они сами их называли, «рапортички», где подробно описывали все, что снимали и о чем говорили иностранные коллеги.

В 1985 году мне пришлось очень близко познакомиться с двумя редакторами ГУВСа Павлом Корчагиным и Сергеем Скворцовым. По решению руководства мы должны были работать над советским проектом «Диалог», который бы рассказал о многолетней истории существования советско-американской международной программы. Суть ее была в следующем. Раз в год группы американской и советской молодежи встречались вместе либо в США, либо в СССР и обсуждали насущные проблемы молодежи двух стран. Местом проведения были по очереди обе страны. Проект существовал уже девять лет, и с советской стороны его курировал своеобразный филиал КГБ — Комитет молодежных организаций СССР. В эту организацию и обратился американский гражданин, журналист Эд Верзбовски, с предложением снять о программе диалог-фильм и показать его одновременно в двух странах. Проект заинтересовал руководство Гостелерадио

СССР, и осуществить его было поручено Молодежной редакции. Так я стал руководителем советской части проекта. Не надо забывать, что в 1985 году мы находились с США фактически в состоянии холодной войны и сделать телевизионный фильм о том, как общаются молодые американцы и русские, послушать, о чем они говорят, их глазами увидеть обе страны, а затем показать это зрителям США и СССР было достаточно смелой и даже революционной идеей. Эд и его жена Памела, собственно телекомпания, которую они создали, «Документари Гилд», прилетели в Москву незадолго до очередного визита группы американской молодежи в СССР. Москва была своеобразным местом сбора. А дальше совместная советско-американская группа отправлялась в Сибирь. Цель — посещение Братска, Иркутска и озера Байкал. В поселке Листвянка, на самом берегу озера, должны были проходить основные дискуссии. Для телевизионной реализации проекта мы создали настоящую совместную съемочную группу, и я стал не просто режиссером будущей программы, а полноценным руководителем этого сложного и по-своему рискованного телепроекта. Работа началась с прилета американской делегации в Москву. Все события мы снимали двумя камерами, условно говоря, советской и американской. В советскую делегацию входили не профессиональные комсомольские работники и пропагандисты, а молодые ученые, инженеры, врачи, учителя и артисты. Примерно такой же состав был с американской стороны. Очень скоро стало понятно, что снимать двумя камерами одно событие бессмысленно, потому что общая группа американцев и русских общались друг с другом в разных местах.

Кого-то везли на Братскую ГЭС, а кто-то интересовался, как живут колхозники, одних интересовала больница, другие хотели половить рыбу в Братском море. Наше доверие с Эдом было абсолютным, и мы решили, что будем снимать то, что каждому из нас будет интересно, а потом объединим все материалы. Правда, тут без казусов не обошлось. Порой то, что у нас вызывало зевоту, американцев приводило в дикий восторг. Например, мы проходили мимо женщин, которые с кирками и ломом в руках ремонтировали железнодорожное полотно. Для нас это была привычная картина. Американцы же тратили на съемку несколько часов пленки. Для них это была экзотика. Для нас же экзотикой было то, что каждое утро практически все американцы бегали, причем одеты были в красивые спортивные костюмы и обуты в фактически впервые увиденные нами кроссовки. Но одинаковый восторг у нас безусловно вызывали громадина Братской ГЭС, вековые лиственницы по берегам Ангары и, конечно, славное море — священный Байкал.

Через месяц мы вернулись в Москву с горой совместно отснятого материала. Размножили его так, чтобы у нас и американцев был одинаковый исходный материал. Нам казалось, что, смонтировав параллельно кино и в Штатах и в Москве, консультируясь друг с другом по телефону, мы сможем быстро завершить работу, создать общий фильм и предложить его телевидению двух стран. И тут начались проблемы. Обычная цепочка подготовки и выпуска программы на советском телевидении — своеобразный «обратный отсчет». До выхода в эфир — работа над цензурными правками после просмотра руководством, до этого на-

писание титров (в то время на Гостелерадио было всего две аппаратные, которые были способны это делать). До этого электронный монтаж и озвучка, а совсем первое, что делают с исходным материалом, это его просмотр и кодировка. В этой цепочке участвовали десятки видеоинженеров и других специалистов, которыми обеспечивал нас, работников ЦТ, телевизионный технический центр. И если была назначена дата эфира, то вся эта цепочка работала без сбоев. Но наш фильм был вне плана и не имел конкретной даты выхода в эфир. Поэтому для монтажа и других видов работы мне подыскивали аппаратные в том случае, когда они были свободны. Мы с Эдом и Памелой стали катастрофически не понимать друг друга. Мне и Павлу Корчагину, ответственному продюсеру этого проекта, было очень сложно объяснить американской стороне, что нам не дают аппаратную. Эд очень быстро сделал свой вариант фильма и ждал нашего. Мы же ничего не могли послать в Штаты. Проект стал умирать. Фактически он лег на полку, но не по цензурным соображениям, а потому, что мы не смогли соединить тогда две принципиально разные концепции подготовки материала к эфиру. Американцы готовили в эфир то, что было интересно на тот момент. Мы же были заложниками плановой системы подготовки материала к эфиру.

Прошло несколько месяцев, и мне сообщили из ГУВСа, что Эд Верзбовски снова в Москве. Выяснилось, что он прилетел не для того, чтобы требовать работы над «Диалогом». Он предложил соединить в эфире советскую и американскую аудиторию с теми же молодыми людьми, участниками «Диалога», с помощью телемоста, который увидят сразу в двух странах.

Сама идея телемостов принадлежит удивительному человеку, ученому и диссиденту Иосифу Гольдину. Причем убежденность его в том, что телемосты могут так повлиять на человечество, что оно откажется от самой идеи ядерной войны, была настолько велика, что в борьбе за неё Гольдин оказался в сумасшедшем доме. Его там якобы лечили. Идея его заключалась в том, что если во всех крупных городах мира установить гигантские телевизионные экраны и дать возможность людям не только видеть друг друга, но и общаться друг с другом, то они не смогут больше уничтожать друг друга с помощью оружия. Гольдин начал с того, что в 1982 году около 250 тысяч американцев, находящихся на рок-фестивале в Калифорнии, смогли увидеть несколько сотен русских, собравшихся в одной из студий центрального телевидения, собравшихся в Москве. Никакого реального общения двух аудиторий, соединенных телемостом, не было. Тем не менее именно его можно назвать первым телемостом в истории отношений двух стран. Потом мостами стали соединять детей, ветеранов Второй мировой войны, астронавтов и космонавтов, депутатов Конгресса США и Верховного Совета СССР. И вот Эд Верзбовски и те, кто согласился на его проект в Америке, предложили соединить телемостом людей с улиц. Тех, кто действительно представлял народы двух стран. С американской стороны возглавить этот проект и стать ведущим было предложено Филу Донахью — легендарному американскому журналисту, придумавшему жанр ток-шоу. В то время Фил Донахью находился на пике славы. Он олицетворял собой воплощение «американской мечты». Окончив один из крупнейших университетов Соединенных

Штатов, он увлекся радиожурналистикой и устроился работать на местную радиостанцию. Эта же станция имела небольшой телевизионный канал. А дальше повторилась история Золушки. Фила попросили заменить внезапно заболевшего ведущего программы. И, как он сам мне рассказывал, через пять минут после начала передачи в прямом эфире он понял, что не знает, о чем спрашивать своего гостя. И как утопающий хватается за соломинку, он обратился к аудитории с предложением задавать вопросы собравшимся в студии. Вопросов было масса. Передача была спасена, а фактически был создан новый телевизионный жанр — ток-шоу. На следующее утро Фил проснулся знаменитым и очень скоро стал одним из самых популярных ведущих на американском телевидении.

С Эдом и с Филом в Москву приехала серьезная команда из «Донахью-шоу» — медиагруппа, которая принадлежала телекорпорации ЭнБиСи. С советской стороны телемост должны были организовать представители ГУВСа, уже известные Павел Корчагин и Сергей Скворцов, а производителем должна была стать Молодежная редакция Центрального телевидения. Я был назначен главным режиссером этого проекта. С самого начала мы решили — давайте забудем о «диалоге». Начинаем проект с чистого листа. Главная проблема это подбор аудитории и место проведения.

У нас не было сомнений, что это должна быть Москва. Исключительно потому, что только Телевизионный Технический центр в Останкино имел такие возможности для успешной реализации проекта. Американцы были категорически против. Они считали Москву не только столицей государства, но, прежде

всего, сосредоточением работников различных спецслужб. А Останкино в целом — центром коммунистической пропаганды. Все наши доводы относительно того, что во всех остальных городах страны чекистов не меньше, а все телецентры — это, прежде всего, центры по производству пропагандистских материалов, ни к чему не привели. Родилась идея использовать ленинградское телевидение. Я хорошо знал не только его технические возможности, но и тех, кто там работал. И был уверен, что им по силам реализовать проект.

В свою очередь американцы предложили Сиэтл. Город-порт на северо-западе США, столица штата Вашингтон, во многом похожий по численности и по составу населения на Ленинград.

Камнем преткновения уже после приезда в Ленинград стал вопрос подбора аудитории. Американцы категорически требовали полного неучастия советской стороны в этом. Предполагалось, что они сами будут ходить по городу, ездить в транспорте, заходить в магазины и приглашать людей для участия в телемосте. Это вызвало у нас вопросы. А как американцы собираются приглашать на мост, например, работников предприятий? Как они зайдут, например, на Балтийский завод или на Электросилу? И убеждены ли они, что большинство из тех советских граждан, к которым они будут обращаться даже с помощью переводчика, не воспримут это как провокацию. И будут отказываться от участия не потому, что они не захотят говорить с американцами, а из-за банальной боязни нажить себе неприятности. Ведь абсолютное большинство советских граждан свято верило пропаганде, с утра до вечера по единственному телевизион-

ном каналу убеждавшей население СССР в том, что американцы наши враги.

Кроме этого, мы приводили следующий довод. Советская сторона несла как минимум половину огромных финансовых расходов на реализацию этого проекта. И, прежде всего, мы оплачивали американскую спутниковую группировку. Своих спутников связи у нас тогда не было. С большим трудом нам удалось уговорить американцев, что подбором аудитории мы будем заниматься вместе. Чтобы избежать появления в студии «засланных казачков», мы все наши действия будем фиксировать, проводя видеосъемку. Мы не предполагали тогда, какой неприятный сюрприз подготовило для нас партийное руководство города. С первого дня ленинградские партийные идеологи следили за всем, что мы делаем, с помощью своих представителей на ленинградском телевидении. И в один далеко не прекрасный день мы были приглашены в Смольный, где один из секретарей Обкома партии вручил нам список из двухсот фамилий с телефонами, сказав при этом, что мы можем не волноваться за аудиторию. Все эти люди тщательно подобраны и оповещены, им поставлены задачи, они проинструктированы и готовы проводить любые дискуссии с американцами и на любые темы.

Мы поняли, что весь проект поставлен под удар, и, что если об этом списке узнает американская сторона, они немедленно откажутся от своего участия в проекте. Спасло наше, в какой-то степени, нахальство и знание того, как устроена партийная и советская машина. Мы объяснили, что главная идея телемоста состоит именно в непредвзятом подборе аудитории,

и что этим занимаются прежде всего наши американские коллеги, это часть наших договорных отношений, а главное, все это согласовано с высшим партийным руководством страны. Мы, безусловно, блефовали, но, переложив тем самым ответственность за то, что будет происходить во время телемоста с плеч «ленинградских товарищей» на их руководство в Москве, этот раунд в борьбе с партийной цензурой выиграли. Тем не менее ленинградские идеологи вытребовали для себя условия, что в студии телевидения обязательно будут приглашены известные люди города. Это требование ни у нас, ни у американцев сопротивления не вызвало.

Так в студии появился писатель Юрий Рытхэу, тренер по фигурному катанию Тамара Москвина, скульптор Аникушин и некоторые другие представители ленинградской интеллигенции. И все-таки один человек появился в студии по звонку из Москвы — это был настоятель Никольского собора отец Владимир. Но его появление было обставлено так, что американцы выбрали его как бы сами. Мы просто пригласили их в собор посмотреть на богослужение, которое «случайно» вел отец Владимир. После службы он пригласил нас в трапезную, где американцы предложили ему поучаствовать в телемосте. Предложение было «с благодарностью» принято. Однако неприятности с подготовкой телемоста продолжались. Примерно за неделю до телемоста, когда мы фактически укомплектовали нашу аудиторию, от нас потребовали собрать их всех вместе для общего инструктажа. Естественно, мы боялись, что такая «промывка мозгов» все испортит, но у нас не было полномочий, чтобы противостоять новой волне партийного давления. И мы придумали выход.

К тому времени ведущим с советской стороны был назначен никому тогда не известный радиожурналист Владимир Познер. В какой-то мере его появление было связано с загадочным вызовом меня к тогдашнему заместителю председателя Гостелерадио СССР В.И. Попову. До этого я был убежден, что ведущим с нашей стороны будет прекрасный тележурналист Леонид Золотаревский. К тому времени он уже провел несколько телемостов и мы знали его не только как эрудированного и грамотного американиста, прекрасно владеющего английским языком, но и фактически журналиста-легенду, который еще в 1957 году провел семичасовой прямой репортаж об открытии Международного фестиваля Молодежи и студентов в Москве. И вот в кабинете у Попова, где присутствовал Золотаревский и его шеф, руководитель ГУВСа В.В. Лазуткин, хозяин кабинета мне задал вопрос: «Кого вы, уважаемый товарищ режиссер, считаете более полезным для реализации вашего проекта в качестве ведущего — Валентина Зорина или Владимира Познера?» Я честно объяснил, что конечно нужен Владимир Познер. Как инженеру в прошлом, мне было довольно просто объяснить всю техническую сложность будущего проекта. Я начал говорить о многоканальной связи, о спутниковой группировке, об отдельных видео и звуковых стволах, о дублировании специальных линий связей для переводчиков. О пятисекундной задержке изображения и т. д. и т. д.

Вывод, который я сделал из своей пламенной речи, был однозначен. Мне нужен Познер, который в любой момент, при отказе, например, телефонной связи, или нарушения звука сможет переводить то,

что будет говориться в обеих студиях. А в силу того, что в студиях будут сидеть простые люди, я имею американскую ее сторону, а нужен не просто английский. А нужен американский сленг, который для Познера является родным языком. «Ну, хорошо,— сказал после паузы Попов,— мы обсудим ваши доводы и примем решение». По сей день я не знаю, зачем была проведена эта встреча. Решение о ведущем, безусловно, принималось на самом верху и не только в Останкино, но и другой организацией, которая курировала тогда телевидение. Тем не менее факт остается фактом.

И в Ленинграде мы сказали, что обязательно проведем предварительную встречу с нашей аудиторией, но делать это будет Владимир Познер, которого пока нет. Сам Познер вспоминал об этом моменте работы так. «В глубине души я не считал, что это неправильно. Я чувствовал и до сих пор чувствую, что советских людей, которые никогда в подобных мероприятиях не участвовали, нужно собрать и сказать им: говорите то, что думаете. Не говорите от имени страны. Говорите то, что вы думаете лично». Возможно, кому-то покажутся все эти подробности несущественными. Но ведь я пишу о цензуре. И если в истории с кино цензурные ножницы оставили свой четкий и ясный след в стенограммах различных редакционных и художественных советов, то на телевидении ничего подобного не было. Все цензурные ограничения, которые были ничуть не менее строгими, чем в кино, фактически не оставляли следов. Все делалось устно, в полном объеме работало телефонное право.

Не зная этого, в Америке предполагали, что в Советском Союзе это происходит именно так. Вот что

об этом говорил Донахью: «Люди, с которыми я общался по поводу предстоящего телемоста, подозревали, что Советский Союз захочет манипулировать аудиторией. И состав аудитории будет определять КГБ. Я говорил, что тогда мы пойдем на улицу и будем выбирать людей прямо там. Мне возражали — тогда они найдут вам переводчика, который будет манипулировать вами, поскольку русского вы не знаете. Услышав множество таких советов, мы взяли с собой двух переводчиков. Мы потратили кучу денег, чтобы убедиться в том, что наша затея с выбором аудитории не подвергалась цензуре. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы в советской аудитории были простые советские люди. То же самое мы делали в Штатах. Кстати, в Америке у нас было больше проблем с допуском на различные предприятия. Например, мы с трудом попали на Боинг. При слове «контакт с русскими» перед нами многие закрывали двери».

В отличие от нас в Соединенных Штатах подготовка к этому мосту широко обсуждалась в прессе. Очень активно противодействовали контакту с СССР различные группы эмигрантов и правозащитных комитетов. Донахью буквально терзали журналисты с вопросом, что делает американская сторона для того, чтобы дискуссия не подверглась советской цензуре, а была открытой и свободной. Понимая серьезность предстоящей программы, Донахью засел за изучение политических программ различных партий и просмотрел несколько сотен политических дискуссий в США, чего до этого не делал никогда. Он нашел для себя роль в будущем шоу, категорически отказавшись с одной стороны надменно безразличного ведущего, с другой

стороны, отказавшись от невежественного в большой политике человека. Он занял позицию критика в шоу, посвященном обмену культурным опытом, и не более того. За день до телемоста мы решили написать его сценарный план. И к своему ужасу поняли, что ничего, кроме появления двух ведущих на фоне двух студий с людьми и их приветствий друг друга, мы не можем даже предполагать о том, что будет происходить дальше. За несколько минут до телемоста нам в аппаратную позвонили из Сиэтла и сказали, что Фил Донахью послал одного из операторов с камерой на улицу, где около студии проходила демонстрация протеста против телемоста, и что он хочет, чтобы в Ленинграде увидели эту демонстрацию. Шоу было под угрозой срыва. Потому что ни о чем подобном мы не договаривались. Единственное, что мы потребовали от Донахью, чтобы не с этого начался диалог. Он согласился. Шоу началось. И в первые же десять минут американцы устроили советской аудитории настоящий допрос. Вот несколько вопросов, которые были заданы в первые десять минут «Вы настаиваете на том, что у вас бесклассовое общество?» «К какому классу относится центральный комитет партии?» «Когда у вас были последние выборы и за кого вы голосовали?» «Сколько получил Михаил Горбачев за преподавание марксизма-ленинизма?» И так далее и тому подобное. У советской публики, которая пришла на телевидение празднично одетая, с цветами, книжками и игрушками в руках, поначалу возникло что-то вроде шока. И если Донахью заводил аудиторию, был ее мотором, подначивал, всячески помогал и провоцировал острые вопросы, то наш ведущий, к сожалению, выбрал для себя роль подставки

под микрофон. Хорошо, что в студии находился Сергей Скворцов, принимавший самое активное участие в подборе аудитории и знавший, кто и что может сказать, чем ответить на агрессию американцев. Он буквально заставлял поднимать руки наших участников и показывал Познеру, кому нужно давать микрофон. Наша студия постепенно начала не просто огрызаться, а перешла в наступление и своими вопросами ставила в тупик уже американскую аудиторию. К сожалению, не обошлось без провокаторов, которые проникли в советскую аудиторию. Вот диалог, который произошел между одним из них и Филом Донахью.

Донахью: Ваше правительство за критику в свой адрес выслало Андрея Сахарова в Горький. Почему советское правительство отправляет человека в ссылку только за то, что он сказал что-то, что правительство не одобряет. Почему?

Советский участник: Сахаров оскорбил высокие чувства советских людей по отношению к родине. Он предатель, а с предателями нужно обращаться так, как они этого заслуживают. Нас, советских граждан, оскорбило то, что Сахаров поднял вокруг себя такую шумиху в Москве. Он собирал подписи в свою защиту у старушек. Я думаю, с предателями везде обращаются одинаково, даже более строго.

Таких диалогов было немного, но они создавали в аудитории атмосферу лжи и лицемерия. Многие боялись говорить правду, а их ложь как раз и доказывала тот факт, что в СССР нет и в помине ни демократии, ни свободы слова. Не надо было забывать, что это были люди с улицы и они не могли даже иногда при

желании сказать правду, ответить на самый простой вопрос, точно и ясно сформулировать свою мысль. Поэтому не случайно, ближе к концу, Донахью заявил: «Мы, американцы, сомневаемся в вашей откровенности. Многие считают, что вы не можете говорить открыто, потому что вас могут за это наказать. Поэтому вы повторяете то, что говорят в Кремле. И если вы не будете это делать, вас отправят в сумасшедший дом, либо в тюрьму».

Советская аудитория и Познер не нашлись, что ответить на это заявление. Хорошо помню настроение, охватившее нас в аппаратной Ленинградского телевидения. Назвать его подавленным — не сказать ничего. Мне казалось, что и в студии внизу многие из участников телемоста готовы встать и уйти. И тут Фил включил камеру на улице и показал протестующих против телемоста там, в Сиэтле. Перед двумя сотнями советских граждан в студии на огромном экране предстали пикетчики с плакатами в руках. Используя довольно крепкие выражения, а это были в основном наши эмигранты, они стали кричать о том, как в Советском Союзе гнобят евреев. У нас в режиссерской и в студии воцарилась полная тишина. Спасение пришло, откуда не ждали. Американский участник шоу сказал примерно следующее: «Я бы никогда не пришел на это шоу, если бы знал, что здесь будет столько политики. Передачи Донахью всегда полны провокаций. Я простой рыбак с Аляски. Я пришел сюда поговорить с вами о жизни. Просто сесть и поговорить». Обе студии взорвались аплодисментами. В передаче наступил очевидный перелом. Дети, пенсии, квартплата, поиски работы и жилья — эти темы стали главными в после-

дующем разговоре. Одна женщина из нашей аудитории сказала буквально следующее: «Пять минут назад казалось, что мы поубиваем друг друга. А мы с вами милые и хорошие люди. Мы хотим только одного — подружиться с вами. Мы хотим, чтобы вы верили нам. Мы хотим перестать врать вам и друг другу». Другой участник, наш художник Андрей Яковлев, продолжил тему: «Как хорошо сказал тот рыбак с Аляски о том, что мы собрались, чтобы лучше узнать друг друга. Какое прекрасное у него лицо, как и у всех вас. Я с удовольствием написал бы его портрет. Давайте же мы сделаем все, чтобы лучше относиться друг к другу, чтобы помочь миру выжить».

Не буду больше утомлять вас цитатами из телемоста. Это был не прямой эфир и из трех часов записи мы должны были сделать два. Но если американские коллеги убрали из записи только длинноты, повторы и технический брак и выдали телемост в эфир уже через четыре часа после окончания записи, а за двое суток его посмотрела практически вся Америка, то нам предстояло возвращение в Москву и общение с многочисленными редакторами и цензорами. В Москве все началось с того, что все видеоматериалы, снятые в Ленинграде, были опечатаны. Мало того, меня даже не пустили в просмотровую аппаратную для кодировки материала, мотивируя это тем, что материал секретный и доступ к нему разрешен только высшему телевизионному руководству. Пока Эдуард Сагалаев, в то время главный редактор Молодежной редакции, не добился встречи с председателем Гостелерадио Аксеновым, я так и не мог начать работу по монтажу. Когда же наконец это произошло и я начал монтаж, мне передали

полную расшифровку текста того, что происходило в двух студиях, из которого синим карандашом были вычеркнуты все те места, где советские участники отвечали, по мнению цензоров, не лучшим образом. Для меня стало очевидным, что если я механически вырежу цензурные правки, то монтаж не просто станет рваным и вырезки станут всем заметны. Потеряется элементарная логика разговора. А учитывая фактическое бездействие нашего ведущего, материал превращался в бенефис одного человека — Фила Донахью. На свой страх и риск я не просто поменял хронологию записи, а попытался выстроить монтаж как бы по нарастающей. От простых вопросов к сложным. От нейтрального поведения — к агрессии, поместив в конец в качестве кульминации историю с демонстрацией и выступлением рыбака с Аляски. Монтажные стыки я не просто перекрывал дежурными перебивками, а параллельно выстраивал эмоциональный ряд состояния людей, участвовавших в шоу. От скуки и равнодушия к заинтересованности и искреннему желанию высказаться. Огромную помощь в этом мне оказала запись телемоста автономной камерой. Еще до начала записи я договорился с оператором, что он будет снимать не разговоры, не выступления, а реакцию людей на сказанное. Вот эта реакция людей и помогла мне выстроить драматургию передачи, во многом отличающуюся от того, что было при записи. Вырезанные цензурой фрагменты я воссоздал эмоциями людей в студии.

После окончания работы над монтажом руководство Госкомитета назначило дату приемки. Выяснилось, что наши непосредственные руководители Валентин Лазуткин и Эдуард Сагалаев не могли взять

на себя решение судьбы телемоста. Ставить или не ставить его в эфир, должен был решить лично не только глава советского телевидения, но и член ЦК КПСС Александр Никифорович Аксенов. Не зная, каким будет решение, и предполагая, что после просмотра могут немедленно последовать оргвыводы, Эдуард Сагалаев пошел на просмотр сам, а я остался в редакции. Потом он мне рассказывал, как это было. На просмотр позвали Владимира Познера, Валентина Лазуткина, Сергея Скворцова и Павла Корчагина и Леонида Золотаревского от ГУВСа. На нем присутствовали два заместителя председателя Гостелерадио Евстафьев и Орлов, центральный комитет партии представлял Григорий Аганов. Просмотр проходил, как рассказывал Сагалаев, в полнейшей тишине, а после его окончания Аксенов предложил всем высказываться. Мнение у всех было крайне негативным.

Слово взял начальник иновещания Евстафьев. «Программа сыровата, — начал он, — она требует доработки, но даже в этом случае ее вряд ли следует демонстрировать на всю страну. Это же Ленинград — Сизтл. Так, что я предлагаю показать ее только в Ленинграде. Посмотрим, какая будет реакция. Потом решим, как поступить дальше. Во-вторых, так или иначе сейчас не время показывать ее, учитывая, что мы находимся в преддверии XXVII съезда партии. Это надо сделать после съезда, причем не сразу».

Вторым взял слово Орлов. Он фактически кричал, а не говорил. «Как можно такое предлагать для эфира? Что это за разговоры об отказниках, о каких-то евреях, о диссидентах? Как это можно допускать до показа советскому зрителю? Надо серьезно разобраться

с создателями этой провокационной поделки и решить, имеют ли они право дальше работать в крупнейшей идеологической организации страны».

Все замолчали. И тут слово взял Аганов. Вы знаете, сказал он, то, что мы сейчас посмотрели это и есть настоящее телевидение. По-моему, это замечательная программа. Это новый шаг в развитии нашего телевидения, в развитии гласности в нашей стране. А Аксенов продолжил: «Позвольте мне поздравить всех вас с замечательной программой. Вы заслуживаете всяческих похвал. Это не только хорошая работа, но это, Александр Петрович, — обратился он к Евстафьеву, — настоящий подарок к XXVII съезду нашей партии, который, как вы знаете, открывается послезавтра. Советское телевидение вправе гордиться вашей работой. И вы заслуживаете самой высокой оценки. Ну, а вам, — он обратился к Евстафьеву и Орлову, — следовало бы выпить рюмочку коньяку перед таким просмотром, для храбрости, что ли».

Вернувшись после просмотра, Сагалаев пригласил меня к себе в кабинет. А когда я вошел — на столе стояла открытая бутылка коньяка, две рюмки и разрезанный лимон. А самого Сагалаева я не узнал. Обычно нахмуренный и сосредоточенный, он буквально светился. Так закончилась история с первым телемоном, который был показан по первой программе Центрального телевидения дважды в течение одной недели в 21.30. — сразу после программы «Время». Без всяких кавычек его смотрела вся страна. Успех был огромный. Ну а лавры в таких случаях достались тому, чье участие в организации и реализации программы было, мягко скажем, минимальным. Познер за одну неделю стал

знаменитостью. В глазах телезрителей именно он был тем самым человеком, который на глазах у всей страны сделал то, что до него не делал никто. Вел не подцензурный разговор с рядовыми американцами. И тот факт, что в дискуссии были подняты темы, никогда до этого не поднимавшиеся в передачах Центрального телевидения, тоже целиком, как огромный успех, общественным мнением был приписан нашему ведущему, а не великолепной советско-американской команде и замечательной советской аудитории.

Телемон вызвал очень активное обсуждение в прессе, ведь он состоялся еще до того, как с кремлевской трибуны новый лидер государства Михаил Горбачев призвал средства массовой информации страны к гласности. Если раньше после программ к нам в редакцию приходили сотни писем, то после моста мой стол в 33-й комнате на двенадцатом этаже был не просто завален корреспонденцией. К самому столу было трудно подойти, потому что вокруг него стояли булочные мешки, наполненные письмами. Писем было десятки тысяч. А по содержанию они разделились почти пополам. Одна часть активно негодовала и призвала привлечь к ответу «продавшихся американцам советских журналистов и режиссеров», набравших в студию Ленинградского телевидения то ли откровенных идиотов, то ли специально подготовленных предателей. В каждом письме была приписка — «копия письма направлена в ЦК КПСС и КГБ». Авторы других писем поздравляли нас с успехом, удивлялись, как такая передача смогла появиться на советском телевидении, очень беспокоились за наше будущее и просили, если нам разрешат, продолжать делать передачи с уча-

ствием американцев. Кстати, если вспомнить о пресловутых цензурных полках, то ведь наш телемост, при другом развитии событий, мог оказаться запрещенным не только в СССР. Зеленый свет ведь дал передаче лично Аксенов, который, как я полагаю, уже знал о готовящихся в Кремле переменах в области идеологии. Но я хочу сказать об условной «полке» американской. С самого начала работы над телемостом абсолютное большинство коммерческих телекомпаний в США с сомнением отнеслись к самой идее и отказались покупать программу еще до того, как она была сделана. И уже смонтированный телемост, предлагаемый для покупки компанией Донахью-шоу, не принимался. Большинство компаний отказались, даже не запросив для предварительного ознакомления запись моста. Но если на условную полку в Америке программы попадали по чисто коммерческим соображениям, то у нас продолжало действовать телефонное право и жесточайшая партийная цензура. В своих решениях партийные идеологи основывались «на мнении советского народа», как это писалось в прессе.

Вот, например, какое письмо было напечатано в газете «Известия» (14 марта 1987 года), за подписью некого Бочеварова:

«В газету Известия, в КГБ, в Гостелерадио... Дорогой редактор! Вы упомянули, что получили большое количество писем от телезрителей, наблюдавших за телемостом. Вы отказались отвечать на них, ссылаясь на то, что трудно на все ответить. Почему же, интересно мне, Вам было так трудно ответить на письма, выражающие ярость и негодование

советских людей по поводу грязной антисоветской передачи, организованной Донахью и Познером. С каких пор вы начали питать жалость и неприкрытую симпатию к империалистической стране, пропитанной и возникшей из тьмы, из духа безумной антисоветчины и повсеместной потери человечности, испытывающей чудовищную ненависть ко всем русским? Уже не в первый раз вы рассуждаете о том, что Фил Донахью очень популярный телеведущий, человек заслуживший уважение. У кого? У кого угодно, только не у советских людей. У советских людей он заслужил репутацию политического провокатора и идеологического диверсанта. Он заслужил горящую ненависть советского патриота. Он, а также его более осторожный напарник Познер, они заявили (имеется ввиду интервью Познера и Донахью, опубликованное до этого в газете «Известия»), что они оба ответственны за выбор американской и советской аудитории. Именно благодаря их усилиям советская аудитория все время выглядела как стадо молочных телят против нападающей банды антисоветских и антироссийских «разоблачителей». Нам не нужны телемосты, наносящие вред нашей стране и нашему народу».

Таких откровенных доносов было много. Но в Кремле телемост понравился и даже дана была отмашка в якобы сказанной Горбачевым фразе: «Пусть ребята продолжают в том же духе». По всей видимости, для высшей власти был очевиден главный положительный эффект нашей программы: гласность — не фикция, а вполне реальное явление, появившееся

в общественной жизни Советского Союза после смены руководства. Это стало ясно и советским людям, и тем обыкновенным гражданам Соединенных Штатов, которые помнили, какой неудачей закончилась «перестройка» Хрущева. В телевизионном мире, а конкретно в телекомпании Кинг-5 в Сиэтле и в компании Донахью-шоу результаты выхода телемоста привели к необычному эффекту. Со всей Америки к ним пошли письма от рядовых граждан не с просьбой пригласить их на шоу, а я с ярой критикой Фила Донахью за его агрессивную манеру поведения во время телемоста. Это посчитали хорошим знаком. Стало ясно, что Фил был прав и если б он был другим, более мягким, то консервативные силы в Штатах обвинили бы его в заигрывании с Москвой, тем самым провалив и дискредитировав весь проект.

Я еще не успел вернуться в Москву, когда узнал, что неутомимый Эдвард Верзбовски предложил ряд новых проектов, среди которых наиболее любопытным мне показался «Ленинград-Бостон. Женщины — Женщине». Возможность проведения телемоста на волне грандиозного успеха первого начала всерьез обсуждаться руководством Гостелерадио. В Главном управлении внешних сношений был сформирован специальный отдел по производству телемостов. Тем не менее, работа над женским мостом вдруг резко застопорилась. Как я узнал спустя некоторое время, это было связано с незаслуженной, с точки зрения руководителей ГУВСа, славой, которая обрушилась на Познера. Началась внутренняя возня за право вести следующие телемосты. Я был далек от этой подковерной борьбы. Мне было достаточно того, что у некоторых

руководителей Молодежной редакции, в которой я работал, появилось ощущение, что я слишком много времени уделяю международным проектам, в ущерб подготовке новой программы, которая в дальнейшем стала известна как «Взгляд». Тем не менее, именно на меня была возложена обязанность быть режиссером следующего проекта с американцами. Решение было принято, и Павел Корчагин отправился в Бостон для отбора аудитории, где встретился со странным феноменом. Он так же, как мы в Ленинграде, ходил с телевизионной группой по улицам Бостона и приглашал женщин поучаствовать в телемосте с русскими. Одни просто отмахивались от журналистов, другие возвращали анкету с личными данными с категорическим «нет», а третьи, услышав фамилию Донахью, соглашались, но узнав, что в передаче будут принимать участие русские женщины, отказывались, говоря: «Всё равно они будут только врать!» Мы не очень были обеспокоены этим — была уверенность, что Павел наберет нужные двести человек. О том, что у нас будут проблемы в Ленинграде с аудиторией, мы даже не предполагали, думая, что после успеха первого моста нам все будут идти навстречу. Мы ошиблись самым серьезным образом. В ленинградском обкоме партии не забыли то унижение, которому они подверглись, когда мы их лишили возможности участвовать в подборе аудитории первого моста. И они пошли на хитрость, обязав руководство Ленинградского телевидения подобрать двести человек. Узнав об этом, мы поняли, что подобранные таким образом женщины в любом случае смогут попасть в студию, потому что их будут пропускать не мы и не по нашему приглашению, а местные

телевизионные администраторы. Тем не менее мы стали сами подбирать аудиторию на улицах Ленинграда. И тут встретились с неожиданной проблемой. Женщины отказывались, мотивируя свой отказ совершенно неожиданно. «Я не хочу выглядеть душой, как те, что участвовали в вашем телемосте!» Все наши попытки объяснить, что дискуссия в эфире будет идти совершенно свободно и их никто не заставят говорить то, что они не хотят, вызывало лишь раздражение. За три дня работы на улицах Ленинграда мы подобрали не более двух десятков кандидатур. Положение становилось угрожающим. Тем более, что это был разгар лета, улицы города были заполнены туристами, а нам нужны были ленинградки.

И тогда я предложил поехать на пляж у Петропавловки, где уж точно не будет туристов. Самым неожиданным образом мы решили проблему подбора участниц для моста фактически за один день. Ленинградки без одежды, но в купальниках почему-то значительно активнее шли на контакт и соглашались на участие в телевизионной передаче. Почему это произошло, для меня загадка по сей день. Проблемы на этом не кончились. Руководство ленинградского телевидения без согласования с нашей постановочной группой решило проинструктировать часть своих кандидаток, и это аукнулось очевидными проколами в диалоге с американками во время телемоста. К этому я еще вернусь. Но не могу не сказать и о том, что мы встретили на ленинградском телевидении не просто холодный прием руководства и рядовых сотрудников. Нам откровенно мешали, не выполняя наши элементарные просьбы об оформлении студии, подготовке аппаратуры, выде-

лении транспорта и т.п. Причина стала понятна после одного из застолий. Оказывается, дело было не в «накрутке» партийного руководства. Вся слава после выхода первого моста в эфир досталась Москве и московской съемочной группе. Ленинградцам, во многом предопределившим этот успех, кроме меня, никто даже не сказал «спасибо», не говоря уже о том, что работникам ленинградского телецентра, работавшим с нами на проекте практически круглосуточно в течение нескольких дней, не выплатили не только обещанные премии, но даже не заплатили сверхурочные. Обида на «москвичей» была настолько велика, что это очень серьезно мешало работе.

Тем не менее мост состоялся. Но с первых минут все пошло не так. Как мы планировали, американки были во всех смыслах интереснее, интеллигентнее и благожелательнее, чем наши участницы. Из нашей студии на первой же минуте прозвучало: «Мы — женщины — не должны говорить о политике. Это не наше дело. Будем говорить о любви». Я видел, как переменялся Познер, у него словно резко заболел зуб, ведь он прекрасно понимал, что в этот момент произошло в Бостоне. Американские женщины относятся к любому проявлению своего неравноправия как к личному оскорблению. А эта фраза была воспринята как очевидная дискриминация женщин. Дальше пошло еще хуже. Американки спросили о том, как у наших женщин хватает времени на воспитание детей, если они должны постоянно стоять в очередях за продуктами и всем другим необходимым. Ответ нашей участницы ошеломил обе студии: «Я ничего про это не знаю. Потому что я никогда не стояла в очереди. Потому, что у нас нет очередей».

Следующая женщина подхватила эту тему: «Нет, иногда мы стоим в очереди, но только в музей». И если до этого американская аудитория слушала нас внимательно, то последняя фраза вызвала откровенный смех. Американцы знали, что слово «дефицит» абсолютно точно определяет жизнь советских людей. Возникла пауза, и с американской стороны прозвучал вопрос: «Мы все пришли сюда в телестудию Бостона по приглашению ваших журналистов. А как вы попали в телестудию?» Я внутренне похолодел, потому что в нашей студии как раз и были специально подготовленные участницы, но, слава богу, слово брали в основном те, кого мы подбирали на улицах Ленинграда и кто честно об этом говорил. После часа разговора стало ясно, что это провал, что разговора не получается. Но тут слово взяла красивая девушка, которая начала говорить о нехватке полового воспитания в школах, о невозможности поехать за рубеж, например в Америку, даже в турпоездку, о проблемах выезда на постоянное место жительства в Израиль. Договорить ей не дали. Буквально вся ленинградская студия набросилась на девушку с криками: «Зачем вы врете?», «Не смейте клеветать на нашу страну!» Кто-то стал хлопать, кто-то гудеть, мне даже послышался топот ног. Забегая вперед, могу сказать, что после записи телемоста к нам в аппаратную зашел человек, который, показав удостоверение сотрудника КГБ, потребовал дать ему координаты этой девушки. Мы категорически отказались. Уже в Москве, когда я показывал предварительный монтаж телемоста руководству Госкомитета, этот момент передачи был категорически вырезан. Как сказал один из начальников: «Она враг страны и таких надо сажать в тюрьму, а не давать им слово».

Одним словом, и новым телевизионным руководством, и партийным руководством Ленинграда было сделано все, чтобы положить этот телемост на полку. При этом, не имея возможности его запретить, они сделали всё, чтобы он не повторил успех предыдущего телемоста. Так бы и произошло, если бы не один эпизод, который прославил не просто этот телемост, но и стал характеристикой целой эпохи. А было так. Одна американка средних лет задала вопрос: «У нас в телевизионной рекламе все вертится вокруг секса. А есть ли у вас такая реклама?» Первой подняла руку в нашей аудитории некто Людмила Иванова, дежурная по этажу гостиницы, где жила телевизионная группа, и приглашенная мною на передачу в качестве благодарности за то, что она позволяла многочисленным нашим гостям задерживаться у нас в номерах позже одиннадцати часов вечера. И две студии услышали историческое заявление. Иванова сказала: «Ну, секса у нас нет. И мы категорически против этого». В нашей студии раздался взрыв хохота. Сидящая рядом с Ивановой дама попыталась спасти положение и крикнула: «Секс у нас есть! У нас нет рекламы!» Это уже заставило засмеяться американскую студию. На следующий день после эфира этого телемоста эту фразу можно было услышать везде. Те, кто смотрел мост, со смехом рассказывали ее тем, кто передачи не видел. Всё это сразу стало обрастать бесконечным количеством подробностей и даже легенд. А сама Люда Иванова стала самым узнаваемым человеком Ленинграда. Ей постоянно звонили с вопросом, правда ли то, что она сказала. У нее пытались взять интервью журналисты практически всех газет, ее приглашали на телепередачи. В какой-то момент

она не выдержала и начала говорить всем, что режиссер, то есть я, вырезал слово «любовь», якобы сказанное ей. Но это помогало мало. Чтобы как-то разрядить ситуацию, я в своих интервью придумал историю, что она якобы звонила мне в аппаратную и просила убрать эту неудачную фразу, а я оставил ее, посчитав это прекрасным моментом в программе, что без юмора нельзя было обойтись в этом мосте. Эта фраза дала возможность разрядить гнетущую атмосферу непонимания двух студий. Это помогло мало. И тогда Людмила Иванова придумала уже совсем фантастическую историю о том, что эта фраза имела отношение к американским женщинам, которые теряли своих мужей во Вьетнаме и к нашим женщинам, к которым не вернулись мужья с фронта. Все это стало похоже на бред. В то время в домах не было видеомагнитофонов и просмотреть эту запись в повторе у себя дома никто не мог. А легенда об этой фразе росла и ширилась. Иванову взяли на работу в Комитет Советских женщин, она стала разъезжать по разным странам, вышла замуж за немца и уехала к нему в Германию. Но поставить точку в этой истории так и не получилось. Фраза стала крылатой. И несмотря на то, что каждый желающий может увидеть этот отрывок телемоста в интернете, страсти по поводу этой фразы бушуют до сих пор. Ее цитируют в самых разных вариантах, ей определяют советское время, эта фраза становится названием журнальных и газетных статей и даже книг. А совсем недавно небезызвестный г-н Кургинян заявил на собрании своего движения «Суть времени», что он будет добиваться реабилитации Людмилы Ивановой и судом заставит меня восстановить слово «любовь» в ее фразе.

Для того, чтобы как-то спасти мост, я вставил в него самые любопытные мгновения во время приглашения участниц при их отборе на улицах Ленинграда. Сделал несколько клипов, где главными действующими героинями были великие женщины мира, а вернее их фото либо художественные портреты. Но это помогло мало. Передача имела значительно меньший успех, чем предыдущая. А вскоре произошла странная вещь. Началось массовое, просто конвейерное производство мостов Главной редакцией пропаганды Центрального телевидения. И они перестали быть штучным товаром и событием в нашей общественной жизни. Буквально каждую неделю выходили телемосты с Финляндией, Великобританией, Швейцарией, Польшей, Кубой, Вьетнамом, Монголией, Афганистаном, Болгарией, Индией и т.д. Участники шоу хоть и находились в разных странах и были совершенно разными людьми, задавали практически одни и те же вопросы, на которые получали от советских людей одинаковые стандартные ответы.

На этом можно было бы поставить точку, если бы все сказанное выше не было всего лишь прелюдией к созданию совместного с американцами фильма, который принес советскому телевидению первую в истории награду американской академии телевизионных искусств и наук ЭММИ. Идея создания фильма, в отличие от телемостов и программы «Диалог», с которой и началась вся эта история, принадлежит нам. Мы предложили американцам выбрать из двух аудиторий телемоста «Ленинград – Сиэтл» двух самых запомнившихся участников и пригласить их в гости друг к другу. От нас в США поехал ленинградский художник Андрей Яковлев, предложивший сделать портреты всех участ-

ников телемоста и так страстно призывавший сделать все, чтобы дать миру шанс выжить. А американцы предложили для поездки в СССР учителя физкультуры из Сиэтла Роберта Морроу. Во время моста он спросил у советской аудитории, есть ли у них понятие советской мечты, по аналогии с понятием американская мечта. Мы снимали встречи этих замечательных людей с теми участниками телемоста, с которыми они дискутировали через космос. Но оказавшись за столами в домах у этих людей, нашим героям не хотелось продолжать политические дискуссии. Они говорили о самых простых человеческих делах: о воспитании детей, о работе и отдыхе, просто о жизни. И в конце фильма самым естественным образом у его героев, в независимости от того, в какой стране они находились, чем занимались и как жили, возникал один и тот же вопрос, озвученный в фильме Андреем Яковлевым. Почему так получается, что обыкновенные люди, общаясь друг с другом лично, так быстро преодолевают непонимание и недоверие друг к другу? И почему, когда дело доходит до проблем между странами и их руководством, это понимание приходит с таким трудом. А чаще всего не приходит вовсе.

Фильм был показан по центральному телевидению в самое неудобное, «несмотрительное» дневное время, а сразу после эфира все исходные материалы обоих телемостов, рулоны с телемостами, а также фильм были по приказу нового руководства Гостелерадио размагничены.

И в завершении, коротко, еще об одной полке. Главной полке, которая есть у каждого из нас. Полке памяти. Чего там только нет... Все хорошее и плохое,

радостное и грустное, то, чем мы гордимся и то, за что нам до последней секунды жизни стыдно. И ведь ничего не убережешь, не передвинешь, не спрячешь, не изменишь... Но я сейчас о хорошем. Съёмки в Сиэтле подходили к концу, когда мы узнали, что в порт с промысла у берегов Аляски, возвращается рыболовецкая шхуна, командует которой Рон Питерсон. Именно тот рыбак, который своим выступлением во время телемоста заставил обе студии буквально взорваться аплодисментами. И после чего герой нашего фильма-художник Андрей Яковлев воскликнул: "Какой замечательный парень! Какое у него прекрасное лицо, как и у вас у всех. Как бы я хотел нарисовать его портрет...". Естественно, мы решили воспользоваться таким подарком судьбы и поехали снимать этот эпизод-встречу Андрея и Рона. Шхуна уже пришвартовалась к пирсу. Мы подъехали к ней и стали разгружать всю нашу телевизионную "лохмату" — камеры, провода, фонари. И тут на палубе показался Рон. Андрей подбежал к борту. Рон, который оказался огромным детиной, на две головы выше Андрея, схватил его в охапку, легко, как ребенка перенес через борт и поставил на палубу. Они обнялись и, быстро, оживленно жестикулируя, пошли куда-то вместе и скрылись за рубкой. Я отчаянно и громко вопил, чтобы они остановились, потому что все это надо было снимать. Ведь собственно ради этого момента мы пролетели тысячи километров, ехали сюда в порт. Но герои скрылись, не обращая на меня никакого внимания. Наконец, мы подготовились к съёмкам и я пошел искать Рона и Андрея. И я их нашел... Представьте себе небольшую каюту с двухэтажными койками по стенам и столом посередине. За столом

сидели наши герои. А на столе стояла уже полупустая литровая бутылка смирновской водки и лежали несколько огромных красных крабьих конечностей. Но главное было в другом. Могу поклясться чем угодно — Андрей и Рон, держа наполненные стаканы, приобнявшись, РАЗГОВАРИВАЛИ. Не просто чокались и кивали головами. Они очевидно понимали друг друга. Ну и что, скажете вы — нормальные мужики... Все правильно, вот только ни Рон, ни Андрей не знали НИ ОДНОГО слова на чужих для них языках. Но это им не мешало! Повторяю! Они ОБЩАЛИСЬ! Я это видел собственными глазами. Эта картина навсегда врезалась в мою память. И сегодня, спустя 35(!) лет, я вижу ее так же отчетливо, как и тогда. Увидев меня, мои герои как-то смутились, поставили стаканы на стол и даже немного отодвинулись друг от друга. Я прекрасно понимал, что повторить и снять только что увиденное не получится. Но я был счастлив! Счастлив, как, наверное, никогда в жизни. Разве что после возвращения с афганской войны. Счастлив, потому что не я, а все мы, огромная советско-американская команда, делавшая телемосты и этот совместный фильм, добились главного результата. Мы соединили ранее не соединимое. Не по нашей указке, но с нашей помощью, два простых, нормальных человека, американец и русский, смогли несмотря на огромное сопротивление не просто двух держав, а двух враждующих мировых систем, преодолеть все искусственные барьеры и обнять друг друга. Они очевидно и легко доказали, что вражда между народами нужна только политикам, вцепившимся во власть, и тем, кто делает на войне деньги. Простым людям, где бы они ни жили, чем бы

ни занимались — вражда, недоверие, непонимание, а уж тем более война — не нужна...

Мы сделали то, за что людей в СССР преследовали, судили, сажали и даже расстреливали, а в Америке подвергали остракизму.

Не хочется говорить банальности о быстротечности времени. Но возраст позволяет мне уже подводить некоторые итоги. Тем более, как говорил булгаковский герой Воланд: «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен. Вот в чем фокус...». Так вот, когда я пытаюсь без кокетства, без жалости к себе, по возможности объективно ответить сам себе на вопрос, что же такого полезного, нужного не только для себя ты сделал в жизни и что останется после тебя, я вспоминаю именно эту историю...

ГЛАВА 6.

«НУЖНИКИ» СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В феврале 1986 года в Москве, в Кремлёвском Дворце съездов торжественно открылся XXVII съезд КПСС. Все государственные СМИ (других тогда не было) освещали его ход и «исторические решения». Естественно, что Гостелерадио СССР, в прямом эфире в полном объеме, транслировало открытие съезда и отчетный доклад, с которым традиционно выступал генеральный секретарь партии (в то время М. С. Горбачев). Освещение этого события было главным делом двух из десяти, входящих в состав Центрального телевидения Главных редакций: Главной редакции информации (программа «Время» и выпуски новостей) и Главной редакции пропаганды, которая свои передачи («Сельский час», «Девятая студия», «Сегодня в мире», «Служу Советскому Союзу» и др.) полностью посвящали работе съезда. Главная редакция

программ для молодежи, в которой в то время работал я, как и все остальные непрофильные, в политическом смысле, редакции — главная редакция спортивных программ, литературно-драматических программ, народного творчества и др., были обязаны откликнуться на это главное политическое событие в тех своих передачах, которые форматно попадали под понятие «пропаганда». В Молодежной редакции таких программ выпускалось две: «От всей души» и «Мир и молодежь». В силу того, что программа «От всей души» выходила раз в три месяца, единственной программой, в которой мы могли успеть откликнуться на происходящее во Дворце съездов, был еженедельный телевизионный журнал «Мир и молодежь» (хронометраж 1 час, по средам в 17.00). Съезду КПСС мы были обязаны посвятить первый материал программы, который между своими традиционно назывался «нужником». То есть нужным не нам, журналистам, редакции в целом, да и зрителям, а телевизионному начальству и высшему идеологическому руководству страны. Делались «нужники» следующим образом. В начале выпускающий редактор программы писал текст типа: «Сегодня в Москве в Кремлевском Дворце съездов, в торжественной обстановке, произошло событие поистине исторического масштаба — начал свою работу XXVII Съезд КПСС. С отчетным докладом выступил Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Михаил Сергеевич Горбачев. В своем многочасовом докладе он...» Далее шло перечисление повторяющихся банальностей про «... успехи в строительстве коммунизма, успешной борьбе с империализмом, успешно развивающейся

социалистической демократии, успешной борьбе с пережитками и кое-где еще встречающимися недостатками, успехами в освоении космоса, сельском хозяйстве, тяжелой и легкой промышленности...» и т.д. и т.п. Вся эта официальная белиберда заканчивалась обязательной фразой: «... отчетный доклад был заслушан собравшимися в Кремлевском дворце делегатами съезда с огромным вниманием и воодушевлением и не раз прерывался бурными и продолжительными аплодисментами!...». Этот текст, после визы заведующего отделом публицистики редакции, отдавался режиссеру программы, который «клеил» под него соответствующую картинку, передаваемую из Дворца съездов. Увидев материал в эфире, главный редактор облегченно вздыхал и все немедленно забывал о проделанных манипуляциях. Именно так все происходило и в памятном феврале 1986 года, до того момента, пока я не принес на подпись начальству свой текст про съезд КПСС. В то время отдел публицистики, где делалась передача «Мир и молодежь», возглавлял Виктор Осколков, прекрасный журналист, в дальнейшем перешедший на работу в Комиссию народного контроля ЦК КПСС, поработавший потом директором ТТЦ, а затем возглавивший Гостелерадиофонд и фактически спасший его от разграбления и уничтожения. Прочитав мой текст, Виктор Иванович отложил его в сторону и впервые за много лет обратился ко мне не на «ты», а на «вы»: «Скажите, Владимир Викторович, а вы сами-то слушали то, с чем обратился лидер НАШЕЙ партии к НАШЕМУ народу? Судя по вашему тексту, нет. Настоятельно рекомендую Вам еще раз прослушать отчетный доклад Горбачева и жду вас с другим текстом». В то время

(напомню, что это была середина 80-х годов) в каждом редакционном помещении Останкинского телецентра стоял монитор (телевизор без переключателя телевизионных каналов) с коммутатором, переключая тумблеры которого можно было увидеть не только то, что происходило в каждой из 28-ми студий телецентра, но и то что передавало Останкино по системе спутникового вещания «Орбита» по всей стране. То есть, находясь в Останкинском телецентре, мы могли наблюдать у себя в кабинетах не только то, что видели москвичи и жители центральных районов Советского Союза, но и, учитывая часовые пояса, то, что смотрели в данный момент жители Камчатки и Калининграда, Владивостока и Якутска, Ташкента и Риги, Тбилиси и Норильска, Красноярска и Новосибирска, Свердловска и Таллина. Таким образом, найти трансляцию съезда, повторно идущую по какой-либо программе, не представляло труда.

Первое, что я услышал от Горбачева, заставило меня буквально «прильнуть» к экрану: «...руководство КПСС считает своим долгом честно и прямо сказать партии и народу о наших упущениях в политической и практической деятельности, неблагоприятных тенденциях в экономике и социально-культурной сфере, о причинах таких явлений. В течение ряда лет, и не только в силу объективных факторов, но и причин прежде всего субъективного порядка, практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались. Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, на-

растание бюрократизма — все это наносило немалый ущерб делу. В жизни общества начали проступать ЗАСТОЙНЫЕ явления. ...Ситуация требовала перемен. Но в центральных органах, да и на местах стала брать верх своеобразная психология: как бы «улучшить дела», ничего не меняя. Но так не бывает, товарищи. Как говорят, остановишься на миг, отстанешь на версту. Нельзя уклоняться от решения назревших проблем. Подобная позиция слишком дорого обходится стране, государству, партии. И давайте скажем об этом в полный голос...».

Возможно, сегодня эти слова, произнесенные в далеком 1986-м с трибуны Дворца съездов руководителем огромной несуществующей ныне страны, мало кому что скажут. Но в то время услышать из Кремля вместо привычных здравниц и победных реляций определение происходящего в стране как «ЗАСТОЙ» было сродни взорвавшейся бомбе. Так советские люди в то время говорили на кухнях сугубо между своими. Да и то за закрытыми дверями, уложив детей спать. И потом, что значит «... сказать об этом в полный голос...», как этого требовал Горбачев? Ведь это касалось в первую очередь средств массовой информации, то есть нас, журналистов. «Хватит делать нужники, — как бы говорил Горбачев в своей речи, — ... пора извлечь серьезные уроки из всего того, благодаря чему наша страна отстала во всем. И первый урок — это урок правды. Ответственный анализ прошлого расчищает путь в будущее, а полуправда, стыдливо обходящая острые углы, тормозит выработку реальной политики, мешает нашему движению вперед...». Я разорвал бумажку со своим текстом, начиная пони-

мать, чем вызвал гнев начальства. Дело было не только в удивительных словах, несущихся с кремлевской трибуны, но стало очевидно, что лидер коммунистов обращается в своем докладе не к народу вообще или к своей партии, а конкретно ко мне, рядовому журналисту. Горбачев «просил» лично моей помощи в том, что он и его товарищи начинают в стране. Для осуществления затеянных огромных преобразований им нужна была поддержка нас, журналистов, тех, кто до этого много десятилетий лишь равнодушно повторял в своих материалах провозглашаемое с высоких трибун. Горбачев продолжал: «...Принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Это вопрос политический. Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении... Иной раз, когда речь идет о гласности, приходится слышать призывы поосторожнее говорить о наших недостатках и упущениях, о трудностях, неизбежных в любой живой работе. Ответ тут может быть только один, ленинский: всегда и в любых обстоятельствах нам нужна правда». Бог с ним, с Лениным и с цитатами из него! Я хорошо знал некоторых из тех, кто писал Горбачеву этот и другие доклады. Например, таких замечательных публицистов, как Александр Бовин и Георгий Шхазаров. Знал, что они по умолчанию просто обязаны были использовать работы классиков марксизма-ленинизма, вставляя определенное количество цитат из них в текст доклада генсека. Ведь это тоже был своеобразный «нужник», правда кремлевский. Так было всегда. Но в горбачевском докладе ленинские цитаты приобретали совершенно другой смысл. Они застав-

ляли задумываться о том, а что, собственно, я могу сделать для реализации предложенного с трибуны. А говорилось там следующее: «...Можно ли сказать, что наши средства массовой информации и пропаганды в полной мере реализуют свои возможности? Пока нет. Немало еще серости, не преодолена инертность, не извлечена глухота новому»...

Эфир очередного выпуска программы «Мир и молодежь» был только через три дня, что позволило мне и дальше проследить за ходом XVII съезда КПСС. Интересно было узнать, насколько серьезно его делегаты отнесутся ко всему тому, о чем говорил лидер партии и страны. Будут ли в их выступлениях при обсуждении доклада, как было всегда до этого, снова привычные потоки безудержного «одобрямса» и словословия в адрес нового генсека. Или они тоже услышат нечто такое, что заставило, например, меня и руководство моей редакции по-другому, внимательно и ответственно, отнестись к происходящему в Кремле. Напрасно я ждал реакции на горбачевские слова «правда» и «гласность» от участников прений по докладу. Все было как обычно, прямо по Твардовскому: «Ура! Он снова будет прав!!!» Особенно старался в высказываниях своей преданности и любви к партии и ее новому руководству лидер коммунистов Узбекистана, некто Усманходжаев. Пройдет всего год с небольшим, и он станет одним из главных «героев» громкого уголовного «хлопкового» дела. Лидер московских коммунистов, первый секретарь МГК КПСС, Борис Ельцин будет клясться в своей любви новому генсеку Горбачеву, а через несколько лет предаст и самого Горбачева, который приблизил его к себе и перевел на работу

из Свердловска в Москву, и ту самую партию, которая ... «дала ему все». О многих героях тогдашних лет и удивительных метаморфозах их политической карьеры можно рассказывать долго. Но вернемся в 1986-й. Вот что утвердили делегаты съезда в качестве резолюции к политическому докладу генерального секретаря: «... в партии не должно быть организаций, находящихся вне контроля, закрытых для критики. Ни один руководитель не должен быть огражден от ответственности за свои действия и поступки. Съезд отмечает возрастающую роль средств массовой информации и пропаганды в претворении в жизнь экономической стратегии партии, ее социальной политики, формировании социалистического сознания, рассматривает телевидение, радио и печать как мощный инструмент гласности и общественного контроля. Следует более эффективно использовать мощный идеологический потенциал телевидения...». Хочу обратить здесь внимание читателя на словосочетание — средства массовой информации и пропаганды. Во всех партийных документах эти два слова ИНФОРМАЦИЯ и ПРОПАГАНДА намертво соединены вместе. Но именно это соединение заставило нас, тогда молодых журналистов Молодежной редакции, задуматься. А правильно ли это? Может ли то, к чему призывает Горбачев, та самая п р а в д а, быть одновременно и информацией, и пропагандой. К сожалению, ответ на этот вопрос не прозвучал ни в одном из выступлений делегатов и полностью исчез из главного партийного документа, который был принят съездом. Партийная номенклатура начала постепенно оправляться от шока, вызванного предложением Горбачева и его команды взять

курс на Перестройку, высказанного еще в 1985 году на Апрельском пленуме ЦК КПСС. Но до активных «боевых» действий партийной номенклатуры, которые приведут к отставке Горбачева, свертыванию реформ и, в итоге, к развалу страны, было еще целых четыре года. Ни одного слова о Перестройке в принятой съездом новой редакции Программы партии сказано не было. Горбачевские призывы к гласности и демократизации были утоплены в привычных, ничего практически не значащих, формулировках: «...в жизни общества усиливается роль средств массовой информации и пропаганды. КПСС будет добиваться того, чтобы они глубоко анализировали тенденции и явления внутренней и международной жизни, экономические и социальные вопросы, активно поддерживали все новое, передовое, поднимали актуальные, волнующие людей проблемы и предлагали пути их решений. Работа печати, телевидения и радиовещания должна отличаться политической ясностью и целеустремленностью, глубиной содержания, оперативностью, информационной насыщенностью, яркостью и доступностью выступлений».

Могли ли предполагать авторы этих строк, что в самом центре подотчетного и полностью контролируемого ими «идеологического гнезда» на Центральном телевидении СССР, в Главной редакции программ для молодежи, найдутся люди, всерьез относящиеся ко всем этим пустым словам, в общем-то ничего тогда не значащим для абсолютного большинства советских журналистов? И они создадут программу, которую и сегодня, спустя более тридцати лет после первого выхода в эфир, называют главной телевизионной

программой перестройки, а ее создателей — чуть ли не разрушителями СССР. Думаю, что многим появление «Взгляда» на экранах советского телевидения, по сути антисоветской программы, в основе материалов которой и будет та самая «правда», не могло пригодиться даже в самом страшном сне. Но до 2 октября 1987 года, до выхода в эфир первого выпуска легендарной программы, было еще долгих полтора года, наполненных самыми разными событиями. И прежде всего, это создание новых программ, своеобразных ступеней на пути к «Взгляду»: «Мир и молодежь. Вечерний выпуск», «12-й этаж» и телемосты с Америкой.

ГЛАВА 7.

СТУПЕНИ

Специально именно для этой книги я написал только две главы — «Депутат Таганки» и «Максимовы». Все остальное написано в разное время и, в основном, для научных сборников, которые выпускает наш институт. Уже много лет я — ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания. В нашем секторе, который занимается изучением художественных проблем масс-медиа в самом широком смысле этого слова, работают такие удивительные люди и серьезные ученые, как Людмила Сараскина и Юрий Богомолов, Екатерина Сальникова и Евгений Дуков, Анна Новикова и Елена Петрушанская, Николай Хренов и Игорь Кондаков, Мария Каманкина и Дарья Журкова, Наталья Кононенко и другие. Спасибо огромное вам, мои друзья и коллеги, за порой очень жесткую, и, в то же время, доброжелательную критику всех предлагаемых

мною вам к обсуждению текстов. Некоторые из них вошли в эту книгу, так что с полным правом, я могу вам сказать — СПАСИБО, СОАВТОРЫ. К сожалению, ее не увидит человек, которому я обязан не только тем, что данная книга была написана и появилась на свет. Это недавно ушедший от нас, потрясающий теле- и кинокритик, многолетний заведующий нашим сектором, настоящий ученый-исследователь, профессор Анри Суренович Вартанов. Я обязан ему тем, что в очень трудное для меня время, когда мой запрет на профессию дошел уже до полного абсурда — я возглавлял «черные списки» практически всех, даже негосударственных медиа, он не побоялся пригласить меня на работу в институт. С его помощью и при его огромной поддержке, мне удалось завершить в целом 28-летнее расследования гибели моих друзей-журналистов Виктора Ногина и Геннадия Куринного. Этой трагедии, произошедшей 1 сентября 1991 года в воюющей Югославии, я посвятил две моих книги, вышедших под эгидой нашего института: «Черная папка» и «Не стреляйте, мы ваши братья!». Анри Суренович не только помог мне, как говорится, их «пробить», но и написал к ним не дежурные предисловия, а, прекрасно понимая, чем он рискует, по сути полноценные научные исследования о событиях на Балканах и роли в них нашей страны. Низкий поклон вам, дорогой мой Учитель. И не только за уроки профессионального мастерства. А прежде всего, за преподанный мне урок гражданского мужества и человеческого бесстрашия...

То, что вы сейчас будете читать, не глава книги и не статья. Это — записанная моими студентами, будущими журналистами, лекция, а, вернее, несколь-

ко моих лекций по курсу «История отечественной журналистики». Многое вам будет знакомо, особенно если вы прочитали предыдущие главы. По понятным причинам, я не стал убирать очевидные повторы. Иначе студенты могли бы заподозрить меня в самоцензуре. Кроме того, я не стал адаптировать устную речь, превращая ее в написанный текст. Отсюда фрагментарность, отрывочность, неточность в формулировках, «перескакивание» с темы на тему. В устной речи главное — интонация. В ней заключена большая часть смыслов. При письменной расшифровке это безусловно теряется. Но пусть все остается так, как это слышали студенты. Предлагаю, конечно, если вам это интересно, почувствовать себя студентом факультета журналистики какого-нибудь университета (я преподавал в нескольких). Вы сидите в аудитории. Входит преподаватель, здоровается, просит всех усаживаться поудобнее и пишет на доске:

«МИР И МОЛОДЕЖЬ»

На советском телевидении при председателе Сергее Лапине было много запретов.

Известно, что он практически не скрывал своего махрового антисемитизма. Я хорошо помню, как на больших летучках, в присутствии не только десятков таких, как я в те годы, рядовых сотрудников телевидения, но и руководителей Госкомитета, он мог, не стесняясь, под ржание приближенных, задать, например, вопрос создателю программы «Что? Где? Когда?» великому Владимиру Ворошилову: «Вы действительно считаете, что у «знатоков» не может быть русских лиц?

Или вы подбираете для участия в своей рулеточной программке исключительно себе подобных? Может нам и их убрать из кадра, как вас?»...

Я видел, чего стоило Ворошилову и его соавтору, другу и жене, Наталье Стеценко, промолчать и не реагировать на это больше чем хамство и очевидное издевательство. Но даром это не пройдет, и через несколько лет сердце режиссера и гражданина не выдержит. Он уйдет из жизни, как напишут в останкинском некрологе «... безвременно, на самом пике творческих и жизненных сил». Сколько же при коммунистах было сломано судеб, искалечено жизнью, загублено творческих биографий. И не только на телевидении. Сколько замечательных режиссеров, сценаристов, музыкантов, артистов эстрады, кино, театра, не только лишились работы, но и страны. И все благодаря стараниям сотен и сотен «лапиных» — советских и партийных «интернационалистов», считавших всех евреев скрытыми врагами советской власти, а евреями — всех, не желающих «ходить строем». Были и совершенно дикие запреты. Наряду с бородатыми мужчинами и женщинами в брюках, на телеэкране, например, не могли появляться обычные журналисты(!). Телевизионное начальство и стоящие за ним Лубянка и идеологический отдел ЦК КПСС официально допускали в «кадр» исключительно «правильных и проверенных товарищей» — политических обозревателей, специальных корреспондентов Гостелерадио СССР, работающих за рубежом, и журналистов программы «Время». За несанкционированное появление на экране рядового журналиста, случайно пропущенного при сдаче материала, и даже просто профиля корреспондента и его руки с микрофоном при интервью, допустивший

это руководитель редакции мог серьезно пострадать, а самого «нарушителя трудовой дисциплины» могли и уволить. Строгости эти объяснялись так: «... человек на экране — не просто журналист, а представитель нашей великой советской родины. Он сам и все, что он говорит, это не он и его личное мнение, а мнение руководства. Опять же нашей великой советской родины. Причем партийного и самого высокого руководства. Поэтому никакой самостоятельности в этом вопросе нет и быть не может, так как вопрос этот идеологический, а значит государственный...».

С приходом к власти Михаила Горбачева, не сразу, но постепенно стали меняться правила игры и на телевидении. В первую очередь это проявилось в отношении начальства к нам, журналистам. Мы перестали быть обслуживающим персоналом. Конечно, это произошло не сразу, но все-таки изменения были очевидными и ощутимыми. Например, не без сопротивления, но телевизионным руководством была принята наша новая концепция передачи-сторожила «Мир и молодежь». Несколько лет мы делали стандартный часовой тележурнал, состоящий из 5-6 сюжетов оковалков, соединяемых безликой отбивкой с титром названия программы. Часть сюжетов снималась журналистами Молодежной редакции ЦТ, а часть присылалась в Москву из местных и республиканских студий телевидения. Набор и тематика материалов были случайными, поэтому передача начисто лишалась внутренней драматургии и единой сюжетной линии. Не было ведущих, которые могли бы хоть как-то связать сюжеты друг с другом. Эфир был дневной. И если бы тогда кто-нибудь считал рейтинги, думаю, что наш журнал

имел бы рейтинг близким к нулю. Хотя некоторые материалы были по-своему уникальны и сделаны авторами вполне профессионально.

Наша идея изменения программы состояла в том, чтобы соединить в эфире ранее несоединимое. Репортажи об актуальных событиях, происходящих в стране и мире, с комментариями специалистов, ранее не допускавшихся в эфир. А так называемые «простые» люди, которые до этого времени, будучи зачастую главными героями наших же программ, и повторяли в них то, что писалось в передовицах советских газет, должны были, по нашей задумке, говорить с нами о том, о чем они говорили на кухнях, в общежитиях, пивных с самыми близкими друзьями. Собственно, идею эту подсказал нам новый генсек, произнося разумные и почти революционные призывы к «правде» и «гласности» с кремлевской трибуны. То есть оттуда, откуда со времен хрущевской оттепели ничего подобного не звучало...

И мы начали еженедельно выходить в эфир. Дело было так. Поздно вечером мы соединяли телемостом (в то время практически не существовавшем формате общественного вещания) нашу редакцию, расположенную тогда на 12-ом этаже останкинского телецентра, с литейным цехом непрерывной разливки стали крупнейшего предприятия Москвы — завода «Серп и молот». За редакционным столом, фактически на своем рабочем месте, по-битловски «a hard day's night», сидели журналисты и рассказывали друг другу то, о чем узнали в течение дня, какие материалы привезли из командировок или что успели снять в Москве. А на заводе мы устанавливали камеры в обычной курилке, где, по нашей задумке, рабочие,

фактически не отрываясь от дела, могли общаться с нами и отвечать на наши вопросы, спрашивать нас и комментировать те материалы, которые мы им будем предлагать для обсуждения. Мы наивно полагали, что никто и ничто не мешает рабочим свободно обсуждать с нами злободневные темы, говорить ту самую «правду», тем более, что, как известно, дома и стены помогают. Мы рассчитывали на прямой и честный разговор, этаким «прорыв в гласность». И...ничего не получилось. Проект провалился по многим причинам. Прежде всего это произошло потому, что своим громоздким телевизионным оборудованием мы все-таки нарушали естественный порядок вещей в цехе. То, что делали мы, достаточно точно и остроумно высмеял Владимир Меньшов в своем фильме «Москва слезам не верит». Конечно, мы не заставляли своих героев держать в руках гаечные ключи. Но к нашему приезду и началу записи (о прямом эфире тогда мы не могли даже мечтать), в новые и чистые комбинезоны и костюмы были переодеты (естественно не по нашей просьбе) не только рабочие, но и вахтеры на проходной и даже буфетчицы. Количество «рабочих» в цеху увеличилось раз в десять. Именно они и старались, как бы случайно, оказаться поближе к камерам и завладеть микрофоном. Подводило их незнание реальной жизни. Эти «рабочие» курили исключительно «Kent» и «Marlboro», абсолютно недоступные тогда простым советским гражданам, стряхивая пепел ухоженными и холеными ногтями. А настоящие рабочие смолиты «Приму» и «Беломор», мало заботясь о чистоте рук и ногтей. Кроме всего, заводчане были при исполнении своих

прямых обязанностей — варили сталь, долго курить с нами времени у них не было. И, как не старались наши ведущие, разговор в курилке был отрывочным, неглубоким и неинтересным... Тем не менее, несмотря на провал, мы поняли, что общение журналистов друг с другом, а не с телевизионной камерой, да еще и с гостями, даже не лично, а соединенных с Останкино телемостом, перспективно. Пройдет всего полтора года, и мы используем эту находку во «Взгляде».

«12 Й ЭТАЖ»

Неудача с «Миром и молодежью» заставила нас задуматься, как творчески использовать техническую возможность телемостов, соединять доселе несоединимое — людей с принципиально разными мировоззрениями и говорящими порой на совершенно разных языках. Понятно, что я имею в виду не только национальные — русский, английский и т.д. Мы искали возможность соединить носителей принципиально разных «языков мышления». В какой-то мере нам это удалось в новом проекте, который вошел в историю советского телевидения периода перестройки под названием «12-й этаж». Сейчас я уже не вспомню, кому из нас первому пришла в голову идея основой программы сделать телемост между студией в Останкино и теми местами, где часть советской молодежи собиралась и существовала вне зоны доступа, внимания и видимости их родителей и тех, кто досугом молодежи занимался, профессионально-комсомольскими и партийными функционерами. Думаю, что это придумали наши потрясающе талантливые коллеги, одни из буду-

щих основателей «Взгляда», журналист Кира Прошутинская и режиссер Анатолий Малкин. А может и сам лидер тогдашней Молодежки, будущий «крестный отец «Взгляда», Эдуард Сагалаев. Кстати, он, оберегая нас от начальственного гнева, который был неизбежен, а, значит, неизбежных «оргвыводов», решил сам вести новую программу, прекрасно понимая, что ждет его в высоких кабинетах. На войне это называется-«вызвать огонь на себя»...

Свои телекамеры мы устанавливали на последних этажах многоквартирных домов. Именно там, на лестницах, рядом с входом на чердаки, и «тусовалась», вызывая неудовольствие жильцов, не охваченная комсомолом, молодежь. На советском телеэкране, даже в передачах нашей редакции, советская молодежь обычно отдыхала и веселилась в специально отведенных для этого местах. То есть в клубах, дворцах и домах культуры, в садах и парках культуры и отдыха. Реже, и только в моем родном Питере, в комсомольско-молодежных кафе. Особо правильная молодежь ходила в театры, посещала филармонии и консерватории. Во всяком случае именно так представляла «культурный отдых советской молодежи» советская пропаганда. Кстати, свой первый выговор я получил всего лишь за то, что на титрах очередного выпуска «Мира и молодежи» дал «Поворот» «Машины времени». Причем только звук. Но и это посчитали крамолой... Молодежи другой, без комсомольских значков, для власти не существовало. Вернее, она была, но где-то на периферии внимания соответствующих структур, и была скорее ближе к криминальной, чем до-

бропорядочной и законопослушной среде, определяясь словами известной песни «... если где-то кое-кто у нас порой...». А этой молодежи были глубоко безразличны официальные партийные мероприятия, митинги, демонстрации, съезды, пленумы, фестивали и комсомольские почины. Именно она, неизвестная по сути, но реально существующая, думающая, ищущая ответы на самые сложные вопросы, которые ставила перед ними жизнь, сама способная ставить эти вопросы и задавать их кому угодно, как говорилось, «невзирая на лица» стала героем нашей новой программы. Эти ребята даже выглядели по-другому. Как говорили наши цензоры, требующие «вырезать» их из передач, они выглядели ВЫЗЫВАЮЩЕ. Они собирались на своих лестницах, бренчали на гитарах, пели Высоцкого, Анчарова, Галича, Кукина, Клячкина, Окуджаву, Кима, Городницкого. То есть страшно сказать — «не залитованных» авторов. Танцевали под битлов и других «антисоветчиков», а на секретных «квартирниках» они слушали своих кумиров — Гребенщикова, Шевчука, Кинчева, Цоя, Науменко, Борзова, Макаревича, выпивали, курили, далеко не всегда табак, и выражались языком улицы, комментируя все то, что происходило в стране. Далеко не сразу и не все они соглашались участвовать в «12-ом этаже». География «лестниц» была огромна. Фактически — вся страна. И скоро, после первых же эфиров нашей новой программы, стало ясно, насколько глубока пропасть между комсомолом, а особенно его функционерами, и реальной молодежью страны. Своими жесткими и глубокими, нестандартными вопросами, потрясающе интересными рас-

суждениями, эрудицией, начитанностью, истинным патриотизмом, наконец, мыслями о жизни, стране, ее прошлом, настоящем и будущем, они легко ставили в тупик своих собеседников в студии, тех, кто приходили в Останкино всегда подчеркнуто официально одетыми, знающими заранее ответы на все вопросы. И общались со своими сверстниками они всегда дежурно-официально. Они вещали, а не размышляли, поучали, а не дискутировали, указывали, как надо жить, а не пытались понять и переубедить «лестницу». Столкнувшись со свободно мыслящей, раскованной, «незашоренной» молодой аудиторией под светом софитов и прицелом телекамер, они терялись, демонстрируя тем самым абсолютное непонимание того, чем реально жила тогда советская молодежь. Во всяком случае, ее далеко не худшая часть. А тон программе задавали наши гости, друзья редакции, называемые впоследствии прорабами перестройки, представителями научной среды, историками, журналистами и публицистами.

Из нескольких десятков программ в Гостелерадиофонде осталось всего три, одну из которых, в сокращенном виде, показал недавно канал «Культура» в рамках проекта когда-то взглядовского режиссера Елены Никитан «20-й век. Знаки времени». Прочитую небольшой фрагмент одной программы, чтобы попробовать перенести вас в то время и в ту атмосферу. Хотя вряд ли по нему можно оценить степень накала дискуссии, которая был тогда в студии Останкинского телецентра. Но все же...

Программа «12 й этаж»

(тема «Быть мужчиной»)

Сюжет «Фарцовщики и проститутки»

Ведущий (Э. М. Сагалаев): ...Я не могу понять, откуда среди нынешних шестнадцатилетних берутся законченные приспособленцы, трусы, даже анонимщики. Почему те, на кого мы возлагаем надежды, не готовы себя реализовать?

С. Н. Федоров (МНТК «Микрохирургии глаза»): Экономическая система не изменилась. Ленин ведь мечтал, что весь социализм — это будущие цивилизованные кооператоры. Это люди, которые владеют орудиями производства, это люди, которые могут делать то, что нужно другим людям, люди, которые могут мечтать, которые могут работать по 16 часов в сутки. Наша же молодежь живет в жесткой экономической системе, полностью в жесткой иерархии. Без секретаря комсомола молодой человек ничего не может решить, без директора школы — ничего организовать. Так что чего вы удивляетесь, это все закономерно.

Э. М. Сагалаев: А кто все это даст? Сверху упадет, что ли?

С. Н. Федоров: Перестройка должна начаться с того, что государство должно отдать орудия производства в руки рабочего класса, трудового крестьянства, служащих, ученых и т.д., отняв их у бюрократии. Вот тогда у нас будет настоящая перестройка. Тогда мы перестанем болтать и начнем делать по-настоящему великие дела. И тогда можно будет заработать сколько хочешь денег... Революция

делалась, чтобы мы все были богатые, счастливые, свободные, раскованные, гармоничные. Революция преследовала чисто материальную цель. А мы всех пытаемся задавить идеологией, дескать, мы все должны быть бедные, но свободные и счастливые. Но это же ерунда. Ленин говорил, что революция — это хорошая жизнь, социализм — это нормальная жизнь. А я считаю, что должна быть сверхнормальная жизнь. Если мы ее не можем обеспечить, то за что мы ругаем молодежь? Что им остается делать? Вот они и идут в фарцовщики или в проститутки.

*Сюжет «Рокеры»
(Группа «Телевизор»,
лидер Михаил Барзыкин, клип)*

Генерал Козлов: После такого концерта никто в бой за родину не пойдет. И с этими в разведку тоже. Вы посмотрите на это чучело. Сплошные бездуховные иностранные буквы и слова. Ни русского языка, ни культуры. Ничего у них нет. Неужели вы этого не понимаете?

Лестница (Свердловск): Да, ерунда это все про разведку и про бездуховность. Мы давно уже в стране потеряли само понятие бездуховности. Те же рокеры, металлисты — это прежде всего талантливые, хорошие, нормальные ребята, с которыми мы с удовольствием общаемся.

Лестница (Свердловск): Молодежь ищет понимания, а найти его в семьях, например, не может. Родители считают, что если я сыт, одет, обут — то у меня все есть. А я хочу, чтобы меня понимали и морально поддерживали. И в семье, и в школе. Но этого нет.

Вот почему мы ищем понимания в неформальных организациях. Вам металлисты, генерал, не понравились, одеты, дескать, они не так, а вы хоть одного из них знаете лично? Какое же право вы имеете их осуждать?!

Лестница (Свердловск): Почему по внешнему виду вы, генерал, оцениваете их способность к патриотизму, их любовь к Родине? Они такие же полноценные граждане нашей родины, как и вы. Мне, например, не нравится ваша военная форма. Я же не требую из-за этого выслать вас из страны!

Генерал Козлов: У меня к вам один вопрос. Как вы относитесь к тем своим сверстникам, которые под разными предложениями уклоняются от службы в армии? Служат не все, но защищать родину придется всем.

Лестница (Москва): Что ж, я отвечу прямо и честно. Армия — это то место, где человека ломают. И вовсе не потому, что там трудно.

Э.М. Сагалаев: Вы имеете в виду дедовщину?

Лестница (Москва): Да. Но есть еще одна причина. Это Афганистан. Многие уклоняются от армии, потому что не хотят умирать в Афганистане. Это горькая правда, но это — правда.

Лестница (Свердловск): Люди, которые погибают в Афганистане, может быть, действительно дерутся за дело социализма, но это очень сложный вопрос — интернационализм. Мои друзья правильно говорят: — «Почему я должен драться за совершенно чужих людей и умирать за них?..»

Лестница (Свердловск): Есть еще моральный фактор. Великую Отечественную мы закончили за четыре года, а тут с какими-то душманами с семь-

десять девятого года ничего не можем сделать. Значит там что-то не так. Вот почему я не хочу идти служить не только в Афганистан, но и в армию вообще.

М. Борзыкин (группа «Телевизор»): Есть общечеловеческие понятия, которые нельзя подменять никакими словами. Война есть война. Но есть война за свою Родину, а есть за чужую. Мы погрязли давно в словесах, в политике, которой давят на нас сверху. Мы войну начали при Брежневе. Это он послал ребят на смерть. Это и есть интернационализм в деле. По сути — трагедия и преступление. Я думаю, что все молодые люди в стране это понимают. И только поэтому не хотят идти в армию.

Э.М. Сагалаев: Судьбу перестройки во многом решают такие качества, как гражданское мужество, умение стерпеть удар, умение нанести удар, внутреннее благородство. Мы много говорим о механизмах торможения и о механизмах демократизации. Иногда люди хотят, чтобы были представлены гарантии защиты личности. И вот, дескать, тогда-то мы пойдем на баррикады и будем сражаться за родину, за свое достоинство и за достоинство женщин. Я не могу понять, почему это не трогает того, кто сидит на лестницах.

Лестница (Свердловск): А с чего это вы взяли, что это нас не трогает?! Это — во первых. А во вторых, мы слишком часто все это слышим. Можно пройти по городу и на любом перекрестке увидеть кучу красных плакатов про какие-то «решения в жизнь». На самом деле они никакого отношения к жизни не имеют. Читаешь, и становится стыдно за тех, кто их писал. Стараешься не замечать и пройти мимо...

Далеко не все программы этого цикла можно было назвать удачными. И, прежде всего, из-за перегруженности их участниками. Это были и хорошо знакомые, популярные и, как бы сейчас сказали, медийные персоны, и множество молодых никому не известных людей, для которых приход в студию Останкино было своеобразным приключением, забавным и совершенно не требующим внимания и умственных усилий. Находясь несколько часов под палящими софитами в одном помещении, участники программы вели себя по-разному. Кому-то хотелось сказать длинную речь, кто-то решал свои проблемы сведения с кем-то личных счетов через телеэкран, а кто-то просто отбывал время, чтобы на следующий день можно было доложить об успешно выполненном задании своему руководству. Если прибавить к этому обилие прямых включений «лестниц», концертные номера и техническое несовершенство тогдашней видеозаписывающей техники, то можно себе представить, какую фактически неподъемную задачу решали каждый раз при записи и монтаже очередной передачи ведущий программы и вся творческая бригада. Тем не менее, это был прекрасный опыт работы с аудиторией, который пригодился мне в дальнейшем и во «Взгляде», а, главное, в совершенно новой для меня истории — совместного с американцами проекта «Телемосты с Америкой». Это была вершина своеобразного телевизионного триптиха — соединения несоединимого: «Мир и молодежь», «12-й этаж» и «Мосты с США». Но именно эти три программы дали нам тот опыт, который позволил, как на мощном фундаменте, построить здание «Взгляда» — передачи, которой суждено было стать

своеобразным реквиемом советскому телевидению, да и стране Советов в принципе. Но о «Взгляде» я буду говорить чуть позже.

ТЕЛЕМОСТЫ С АМЕРИКОЙ

Строго говоря, идея телемостов с США принадлежит Иосифу Гольдину, журналисту и диссиденту, отсидевшему за это срок в советской «психушке». Первый телемост через космос Москва-Калифорния был «построен» в 1982 году. И был скорее демонстрацией новых возможностей спутниковой и телевизионной техники, чем наполненной смыслом телевизионной передачей. Но очень быстро власти СССР и США поняли заложенный в телемостах мощный идеологический потенциал. Вот почему до 1986 года все телемосты носили в большей степени пропагандистский и, в какой-то степени, познавательный характер. Мы видели, например, советских космонавтов и американских астронавтов, наблюдали, как общаются друг с другом дети двух стран, смотрели на ветеранов Второй мировой, вместе боровшихся с фашизмом и когда-то встретившихся на Эльбе. Но мы слышали в основном очевидно отрепетированные речи. Во всяком случае, с нашей стороны. К мостам делались специальные подсьемки их участников. Они занимали основное эфирное время. Сам диалог через спутник был маленьким фрагментом, фокусом, что ли. Суть первых телемостов-официоз, пропаганда. И даже если при записи (а все передачи, кроме программы «Время» и хоккея, тогда шли в записи) появлялась некая «человечинка», ее вырезали безжалостно — это считалось проявле-

нием слабости. А с врагами нельзя быть слабыми. Так учили «партия и правительство»...

Кардинальное изменение в понимании того, что можно и чего нельзя на экране во время телемостов, для меня пришло вместе со знакомством, а потом и совместной работой, с американским журналистом и популярным ведущим Филом Донахью. Фил Донахью — автор первого в истории американского телевидения дневного ток-шоу, знаменитый тележурналист. Существует легенда: интервьюируя во время прямого эфира гостя своей программы, Фил Донахью в какой-то момент понял, что вопросы у него закончились. Тогда он подошел к одному из зрителей, сидевших в студии, и спросил: «У вас есть вопрос к нашему гостю?» У зрителя вопрос оказался, и таким образом Донахью изобрел жанр ток-шоу. Много раз, общаясь с Филом и у себя дома, и у него в студии, и дома в Нью-Йорке, я пытался выяснить, так ли это. Он лишь хитро улыбался в ответ. Пришлось обращаться к документам, и вот что выяснилось.

Впервые программа Фила Донахью появилась на телевизионном канале WHIO-TV, там в 1963–1967 годах он работал утренним ведущим и вел ток-шоу в прямом эфире с участием приглашенных в студию гостей. Это была провинциальная телестанция, бюджет выделили мизерный, и заполучить себе гостей из числа звезд Донахью было нелегко. Чтобы привлечь аудиторию, а вместе с ней и тех самых звезд политики и шоу-бизнеса, Донахью решил на принципиальное новшество. Он сосредоточил внимание в своем ток-шоу не на известных личностях, а на скандальных проблемах, которые открыто обсуждал в эфире.

Дебют The Phil Donahue Show состоялся в Дейтоне (штат Огайо). Первым гостем на Phil Donahue Show стала Маделин О'Хэйр, атеистка, с которой он обсуждал религиозные конфликты между учениками колледжей. В течение той же недели в ноябре 1967 года он выдал в эфир фоторепортаж из родильного дома с подробным показом всех деталей родов и обсудил этот процесс с собравшимися в студии. Так жанр ток-шоу приобрел некий статус, сближающий его к тому, чем заполняют эфир сегодня федеральные российские каналы. Причем в ежедневном режиме. Все эти «Пусть говорят...», «Воскресные вечера с...» «Вечерний У...» — не более, чем кальки старых американских программ.

Но вернемся к телемостам. Именно к тем, которые стали событием не только телевизионной, культурной, но и общественно-политической жизни двух, находящихся в состоянии холодной войны, стран. Я имею в виду «Ленинград-Сиэтл» и «Ленинград-Бостон», где мы телемостами соединили простых людей с улиц советского и американских городов. Они имели серьезное продолжение. Спустя год мы с американцами сняли совместный фильм, главными героями которого были ленинградский художник Андрей Яковлев и учитель из Сиэтла Роберт Морроу. Это был рассказ о том, как они съездили друг к другу в гости и встречались с другими участниками телемостов. И сидя за домашним столом, неважно, где это было, в Штатах или Союзе, Сиэтле или Ленинграде, всем было неудобно за себя прежних, с пеной у рта отстаивавших через космос навязанные им идеологические штампы. Фильм этот был показан практически всеми

крупнейшими телекомпаниями мира, а его создатели получили высшую награду американской телевизионной академии — «Эмми». Первым, кто меня поздравил с этой наградой, был мой начальник, главный редактор молодежной редакции ЦТ, человек, который когда-то круто изменил мою судьбу, пригласив меня на работу в Москву, Эдуард Сагалаев. Уже полгода на экране шел «Взгляд». Его и наш «Взгляд». Но с каждым выпуском врагов у Сагалаева становилось все больше. До времени, нас спасала, пусть молчаливая, но вполне ощутимая поддержка Горбачева. И все-таки противники перестройки и гласности среди его ближайшего окружения смогли найти вариант фактического уничтожения непокорной передачи. Эдуарда Сагалаева перевели на должность главного редактора Редакции информации. Стандартный номенклатурный ход — повышение неугодного чиновника. Именно об этом мы разговаривали с Сагалаевым, сидя у него на кухне, после того, как это случилось. Он жил с женой Людой и двумя детьми Мишей и Юлей в маленькой квартирке на первом этаже панельной многоэтажки на Аргуновской улице. Вспомнили мы и о том, с чего начинался «Взгляд». Во всяком случае для меня. Примерно, за год до этого, на этой же кухне, я неожиданно услышал от Сагалаева следующее: «Представь себе, — говорил он, — что я снимаю все ограничения: организационные, финансовые, временные, цензурные. Все, какие ты только можешь себе вообразить. Но взамен ты должен сделать совершенно новую телевизионную передачу — такую, какой еще не бывало и о которой ты сам всю жизнь мечтал, за которую бы тебе не было самому стыдно. Ты должен ее придумать такой и делать так, как буд-

то ты знаешь, что она в твоей жизни последняя. Сможешь? Слабо?»

Не помню, что я ответил тогда. Вряд ли что-нибудь очень умное. Не помню ни числа, ни даже месяца, когда произошел этот разговор. А жаль! Ведь именно с этого момента и для меня, и для очень многих моих коллег наступила самая драматическая, но и самая счастливая пора творческой жизни в Останкино. Началась работа над самой главной, как стало понятно через много лет, передачей, ставшей символом перестроечной журналистики, той, что через год после нашего разговора не только вышла в эфир, но и получила свое название: «Взгляд».

Потом, правда, выяснилось, что с подобным предложением Сагалаев обращался как минимум к десяти ведущим журналистам и режиссерам редакции, «заряжая» нас всех на размышления. И в итоге мы, сначала по одному, а потом все вместе принялись за работу. Камертоном для нее как раз и стали слова Сагалаева: «Запретных тем нет! Снимайте все, что считаете нужным». И дело ведь было не в разрешении «быть смелыми». Мы наконец-то стали уверены, что наши усилия не пропадут даром, и их результаты увидят зрители. Что и произошло!

«ВЗГЛЯД»

Было бы категорически неверно, вспоминая годы перестройки и ее отражения в советском обществе, говорить лишь о тех огромных изменениях, которые сопровождали горбачевскую эпоху гласности исключительно на телевидении. Глубина и серьезность

кризиса в стране, постепенно открывавшаяся перед советскими людьми, заставили задуматься большинство из нас о путях дальнейшего развития государства, о нашей истории, вспомнить ее не только героические, но и позорные страницы. И это произошло благодаря тому, что перестройку приняли и поверили в нее сотни и сотни деятелей искусства. Она коснулась всех без исключения сфер культуры. «Толстые» литературные журналы, буквально соревнуясь друг с другом, начали печатать неизвестные ранее широкому советскому читателю литературные произведения, воспоминания очевидцев и мемуары, дающие возможность читателю по-другому, по-новому взглянуть на историческую правду. Благодаря этому тиражи их резко выросли, а подписки на самые популярные из них, такие как «Нева», «Октябрь», «Новый мир», «Юность», стали дефицитом. Ежедневные газеты и особенно еженедельники, в свою очередь, стали с удовольствием размещать на своих страницах не только привычные новостные материалы, а серьезные рецензии и критические статьи на публикуемое журналами. И материалов для этого было более чем достаточно. За несколько лет в журналах и отдельными изданиями в свет вышли романы А. И. Солженицына «В круге первом», «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ», Ю. Домбровского «Хранитель древностей», Е. И. Замятина «Мы», М. А. Алданова «Святая Елена, маленький остров», Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», В. В. Набокова «Лолита», Б. Пильняка «Голый год», «Повесть непогашенной Луны», А. Платонова «Чевенгур», «Котлован», поэтические сборники А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилева, О. Э. Мандельштама. Публицистика, а точнее публицистическая

драма, пришла на театральные подмостки. И сейчас у меня в памяти осталась знаменитая тогда «Диктатура совести» Михаила Шатрова, поставленная Марком Захаровым в «Ленкоме». Темы Сталина и сталинских репрессий стали самыми обсуждаемыми у мыслящей части общества.

Начался активный процесс «возвращения» творческого наследия деятелей искусств, находившихся ранее под идеологическим запретом. Зрители смогли вновь увидеть работы художников П. Филонова, К. Малевича, В. Кандинского. В музыкальную культуру было возвращено творчество А. Шнитке, С. Губайдулиной, Э. Денисова.

В то время главная концертная площадка страны — зал «Россия», до этого предоставляемая исключительно официальным мероприятиям с участием «залитованных» коллективов, открыла сцену и для самодельных рок-групп. В концертах, при молодежных аншлагах, принимает участие «Аквариум», проходят сольные выступления групп «Алиса», «Бригада С». А осуществляла всю эту фактически «культурную революцию», происходящую практически ежевечерне, в двух шагах от Кремля, незнакомая мне тогда Татьяна Евгеньевна Листова, в то время руководившая репертуарно-концертной деятельностью «России». Пройдет несколько лет, и она поменяет фамилию и станет Таней Мукусевой. Такой вот поворот судьбы...

Огромное значение для понимания истоков сталинизма, его преступной сущности, имел роман Ч. Айтматова «Плаха». А как не вспомнить здесь великолепный роман А. Н. Рыбакова «Дети Арбата». О судьбах ученых-генетиков, о науке в условиях тоталитарного режима повествуется в романах В. Д. Дудинцева «Белые одежды» и Д. А. Гранина «Зубр». Послевоенным «детдомовским» детям, ставшим случайными жертвами событий, связанных с насильственным выселением с родной земли чеченцев в 1944 году, посвящен роман А. И. Приставкина «Ночевала тучка золотая».

Не отставал от писателей и кинематограф, причем и художественный, и документальный. Достаточно назвать «Покаяние» Т. Абуладзе, «Легко ли быть молодым» Ю. Подниекса, «Так жить нельзя» С. Говорухина, «Завтра была война» Ю. Кары, «Холодное лето пятьдесят третьего» А. Прошкина.

Ветер перемен ворвался и к нам, в коридоры Останкино. Но фактически единственной структурой на Центральном телевидении, которая оказалась готовой к «новому мышлению», была наша редакция — Главная редакция программ для молодежи. Мы скорее чувствовали, чем понимали, что стоим не только на пороге создания новых передач, мы оказались на пороге создания нового типа вещания. Прямой эфир не может и не должен быть монополией спортивных трансляций и отлакированной цензурой программы «Время». Прямой эфир — главное достижение эпохи перестройки и гласности — стал доступным для самых разных программ, в частности, для программ нашей Молодежной редакции, уже подготовленной к такому неформальному общению со зрительской аудиторией, ждущей и жаждущей нового ТВ.

Почти год шла работа над новой передачей, будущим «Взглядом». И вплоть до первого выхода в эфир шел спор о том, кто должен ее вести. Я полагал, что в «построенной» режиссером Анатолием Малкиным

и редактором Кирой Прошутинской квартире (хоть и студийной, но со всеми атрибутами подлинности, с настоящими кухней, кабинетом и гостиной) должна жить молодая пара. Он и Она. В гостиной они будут принимать гостей знаковых, уважаемых, серьезных, взрослых. В кабинете — своих сверстников: молодых ученых, врачей, учителей, студентов то есть мыслящую интеллигенцию. Кухня, как тогда в большинстве советских квартир, предназначалась для самых откровенных разговоров с близкими друзьями на запретные в ту пору темы. Мне казалось, что это как раз и обеспечит новый, разносторонний взгляд на проблемы, которые мы будем обсуждать. Но победила в результате другая творческая концепция. А виноват в этом, как ни странно, был мой большой товарищ и вечный конкурент в эфире, блестящий журналист Владимир Молчанов. 8 марта 1987 года впервые вышел в эфир первый выпуск его новой программы «До и после полуночи». И к своему ужасу, мы увидели в ней многое из того, что придумали и хотели реализовать в нашей, тогда еще безымянной, передаче. Мы поняли, что никому не сможем объяснить, например, выбор молодой пары для ведения. Именно так сделал Владимир Молчанов. Появись я с партнершей в кадре в своей программе, меня, не без основания можно было бы легко обвинить в банальном плагиате. Тем более, что и стилистически, форматно, мы с Молчановым делали одно и то же — тележурнал. Не сразу, но мы нашли все-таки выход из патовой ситуации. Было решено посадить в студию такую «битловскую четверку» молодых парней — образованных, раскованных, не лезущих за словом в карман. Все наши попытки найти таких ребят в сту-

денческих аудиториях, где учились будущие журналисты, провалились. То ли потому, что мы сами еще плохо понимали, как должна будет выглядеть новая программа и не могли это объяснить потенциальным ведущим, то ли потому что ведение программ всегда было делом авторов-то есть профессиональных журналистов или дикторов. И мы внутренне к этому настолько привыкли, что сами были маленькими «лапинами», сопротивляясь новому. Мы еще не понимали, что вплотную подошли к краю неведомого- к привлечению для ведения программ, людей, не имеющих отношений до этого с телевидением. Нам помог Андрей Шипилов, журналист, пришедший к нам в Молодежку из Службы радиовещания на зарубежные страны. Он, также как и я, был назначен одним из руководителей будущей программы — главным выпускающим редактором. У себя на Иновещании, он нашел четырех молодых ребят, которые и стали первыми ведущими новой программы. Мы были рады, что проблему решили так быстро и легко. Но пройдет совсем немного времени, и мы горько пожалеем о нашей поспешности и легкомыслии. Это была самая серьезная наша ошибка за все четыре года существования «Взгляда», которая привела к очень большим проблемам в будущем. Достаточно вспомнить страшную трагедию, произошедшую 1 марта 1995 года — убийство Владислава Листьева. Кто же мог тогда, в 1987-ом, представить себе подобное развитие событий...

Итак, за несколько недель до начала вещания, у нас появился Олег Вакуловский — самый талантливый из всех приглашенных, журналист. Жаль, что, проведя две программы, он ушел из проекта...

И его коллеги, Дмитрий Захаров, Владик Листьев и Александр Любимов — к сожалению, они так и не стали полноценными сотрудниками редакции и профессиональными тележурналистами, что и предопределило печальный конец «Взгляда».

Мы вышли в эфир в несколько размытом, бездумном формате, скорее развлекательном, нежели серьезном. Это был некий прообраз телевидения сегодняшнего. Но, уже с начала 1988 года, программа стала обретать свою подлинную сущность: глубину тем, остроту дискуссий, публицистический накал проблем. Вести ее начали профессиональные авторы, журналисты редакции. Истинным днем рождения «Взгляда» как передачи, о которой помнят и сегодня, можно считать выпуск, где все сюжеты, так или иначе, были связаны с проблемой прав человека. Точнее, фактического их отсутствия в нашей стране...

Главным эпизодом программы стало тогда интервью с замечательным кинодокументалистом Герцем Франком, сопровождавшееся фрагментами его нового, запрещенного к показу фильма «Высший суд». Разговор шел о судьбе осужденного на казнь человека. По сути же дискуссия шла о той проблеме, которая и сегодня раскалывает общество пополам: о праве государства на убийство, о праве человека на жизнь. Впервые тогда проблемы, поставленные в программе, мы с Александром Политковским обсуждали не друг с другом, а с приглашенными в прямой эфир гостями. Профессор права Александр Яковлев, журналист «Литературной газеты» Александр Борин, специализировавшийся тогда на юридической тематике, своими комментариями в прямом эфире «Взгляда» уже на сле-

дующий день заставили заговорить о проблеме смертной казни всю страну. Это была первая передача, которую наконец-то заметили и наши коллеги из печатных СМИ, и партийное руководство страны.

Как результат — вызов на Старую площадь. Впервые тогда нашу команду, которую возглавлял Эдуард Сагалаев, пригласили в отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС. Разговор был серьезным. Вернее, это были указания и распоряжения, как отныне будет происходить сдача отдельных материалов и передачи в целом, идеологическому руководству страны. Отныне каждый четверг (за день до эфира) мы должны были показывать практически готовую передачу, то есть проводить трактовую репетицию не только нашему начальству и руководству Гостелерадио, как было до этого, но и чиновникам, отвечающим за идеологию в стране. Оказалось, что технически это вполне возможно, потому что Останкино и здание на Старой площади, где размещался ЦК КПСС, были соединены, как нам объяснили, «прямым кабелем». По нему можно было транслировать не только все, что было в эфире и что видела страна, но и все, что происходило в любой студии телецентра. Началась фактически конфронтация программы и партийных чиновников. Горбачев требовал гласности, его подчиненные делали все, чтобы не допустить ее на телевизионный экран.

Единственным способом сохранить передачу были предельно тщательная подготовка к эфиру и доскональная, подтвержденная десятками дополнительных материалов и документов, разработка тем, сюжетов и репортажей. И тот факт, что нам удалось выжить и сохранить программу, выходя в эфир почти

четыре года, свидетельствует прежде всего о том, что горький опыт общения с разного рода «начальниками», приобретенный нами при работе над предыдущими проектами редакции, ставшими основой «Взгляда», о которых я рассказывал ранее («Мир и молодежь», «12-й этаж» и телемосты с Америкой), не прошли для нас даром.

Последний выпуск «Взгляда» вышел в эфир 28 декабря 1990 года. Таково было официальное решение коллегии Гостелерадио СССР «О приостановке выпуска программы» от 11 января 1991 г. За годы, прошедшие после официального закрытия программы, были опубликованы сотни, если не тысячи различных заметок, статей, интервью, «исследований» о передаче. Сегодня практически во всех учебниках по журналистике можно найти целые главы, посвященные телевидению эпохи перестройки, значительная часть которых отдана «Взгляду». А сколько студенческих курсовых и дипломных проектов защищены на эту тему — не сосчитать. Есть уже даже диссертации. Мне бы радоваться. Ведь все это означает, что дело, которому мы с коллегами отдали, как минимум, пять лет жизни (целый год подготовки, подбор персонала, строительство студии и почти четыре года собственно эфира), живет и продолжается. Причем не просто в памяти людей. Возьмите любую сегодняшнюю, так называемую, информационно-аналитическую передачу. Если не говорить о сути и содержании, то исключительно по форме — это фактически калька «Взгляда». А закрытые сегодня, но когда-то популярные передачи типа «Поединок» и «К барьеру» — всего лишь расширенный вариант придуманной нами маленькой рубри-

ки «контрвью». Все было бы хорошо, если бы не одно «но». Безусловно уже опубликованное и рассказанное о «Взгляде» имеет право на существование. Но вот парадокс. К самой передаче, к истории ее создания, времени выхода ее в эфир, да и к тем, кто, собственно, придумал «Взгляд» и делал его, все это практически не имеет прямого отношения. Сегодня перепутано все — от имен создателей до появления передачи в эфире и ее бесславного финала. А уж «отцов основателей» хоть пруд пруди. С каждым годом их становится все больше. Злонамеренная и бессовестная ложь о «Взгляде» повсеместно соседствует с банальным невежеством и очевидной дремучестью тех, для кого единственным и бесспорным источником информации является интернет. А ведь, слава Богу, все те, кто придумал «Взгляд», сегодня живы. Казалось бы, чего проще — найти телефон любого из нас, либо использовать соцсети, и ты получишь информацию из первых уст, а не перепечатку чужих глупостей, растиражированных сверх всякой меры. Но нет, этого не делается. Дошло до откровенного подлога, если не хуже, совершенного теми людьми, для которых телевидение вроде бы больше, чем работа. Я имею в виду членов так называемой Российской Академии телевидения. Несколько лет назад они вдруг решили облагодетельствовать «взглядовцев» своей премией. И случился конфуз. Для получения «ТЭФИ» на сцену поднялись несколько десятков человек, абсолютное большинство которых вообще никакого отношения ни к созданию «Взгляда», ни к его заслуженной славе, не имели. Повторяю, НИКАКОГО! Хорошо, что в зале при этом сидели «телеакадемики», а не настоящие профессиональные журналисты.

Ведь тогда любому из них могла прийти в голову идиотская мысль попросить кого-нибудь из награждаемых показать или хотя бы рассказать о чем-нибудь, сделанном лично ими во «Взгляде». И разразился бы скандал, потому что сделать этого они бы не смогли. Главный парадокс ситуации заключался в том, что «заветная» статуэтка была вручена человеку, не сделавшему самостоятельно не только ни одного выпуска «Взгляда», но и даже хотя бы просто приличного сюжета. Его держали в редакции исключительно благодаря тесным семейным узам, связывающим его с КГБ. Или, как говорило наше начальство, «... еще не известно, как все повернется. Пусть этот сынок будет у вас. Может еще на что и сгодится...». Как же прозорливы были наши начальники! Я про «... как все повернется...» и про то, кто сегодня руководит страной. Ведь сейчас нет практически никого в руководстве федеральных СМИ и постоянно мелькающих «в кадре», кто бы получил свою денежную должность благодаря своему профессионализму, таланту, опыту, порядочности, честности, а не как награду и в благодарность за выполнение «деликатных поручений органов».

Не могу не вспомнить здесь имя человека, которого в титрах обозначали, как «руководителя программы». Анатолий Григорьевич Лысенко, один из нынешних начальников Общественного телевидения России, действительно был руководителем, но только всего того, что имело отношение к производству программы — составлению графика эфиров, назначению режиссеров и редакторов, формированию творческих бригад и т.д. К содержанию или контенту, как бы сказали сейчас, он отношения не имел. Все, что при-

думывали и делали мы, он чаще всего, видел уже в эфире. Но его роль в нашей жизни была огромной. Именно его, после программы, вызывали «на ковер» к телевизионному начальству, которое не стеснялось в выражениях и угрозах, обрушивало на нашего «руководителя» все то, что им сливалось с самого верха. По количеству, запаху и содержанию, это напоминало прорыв фекальных масс. И лилось все это на голову несчастного Лысенко. Мы любовно называли Анатолия Григорьевича «нашим зонтиком». Действительно, благодаря ему, практически все начальственное дерьмо долетало до нас в виде мелких брызг. И мы четыре года смогли продержаться в эфире и упорно делать наше главное дело, пусть условно, но новую, независимую, свободную журналистику...

Но все это мелочи. Важно подчеркнуть главное: «Взгляд» — это всего лишь маленькая часть, а вернее, небольшое отражение тех глобальных, поистине тектонических сдвигов, которые произошли в СССР в 1985–1991 годах. И рассматривать «Взгляд» без упоминания и рассмотрения реальной жизни, в которой он рождался, его прямых телевизионных предшественников, по меньшей мере, неуважительно по отношению к их создателям и некорректно по отношению к исторической правде. А она заключается в том, что журналисты, работавшие в самых разных уголках страны, стали смелыми не вдруг. Они откликнулись на прозвучавшие в мае 1985 года с кремлевской трибуны из уст нового лидера страны М. С. Горбачева слова о «гласности», «перестройке» и «ускорении» во всех областях жизни.

Сегодня все перестроечные годы и все с ними связанное превратилось в удаленную временную точ-

ку. Для большинства людей, прежде всего молодых, действительно невозможно понять, какая, собственно, разница — происходило это в 85-м или в 89-м году? Для меня и для моих коллег, тех, кто жил и творил тогда, это играло огромную роль. За год страна и мы вместе с ней проходили путь, который иные страны проходили если не за столетие, то уж точно за десятилетия. Для нас, журналистов, не то что год, а один день тех времен был буквально насыщен таким множеством событий, имеющих отношение к глобальным изменениям в стране, что складывалось впечатление, будто в сутках было значительно больше двадцати четырех часов...

«ВЗГЛЯД» В СУХОМ ОСТАТКЕ

Какие же «взглядовские» сюжеты стали знакомыми? Чтобы это узнать, достаточно посмотреть любую программу сегодняшних федеральных каналов, посвященных очередному «взглядовскому» юбилею. Но любопытно то, что в студии при этом вы не увидите их создателей. Рассказывать о «Взгляде» приглашают лишь разрешенных нынешней властью так называемых «ведущих», вся работа которых во «Взгляде» заключалась в чтении подводок и отводок, написанных для них авторами сюжетов... В общей сложности во «Взгляде» работали более тридцати авторов, и большинство их материалов были по-настоящему профессиональными и даже сенсационными. Мы приглашали к себе лучших журналистов и корреспондентов, причем не только телевидения, но и печатных СМИ. Из газеты «Московские новости» к нам, например, пришла Елена Ханга, а из журнала «Огонек» Артем Боровик.

«Взгляд» был своеобразным инкубатором, в котором рождались не только новые имена, но и новая перестроечная журналистика. Именно у нас начинали свою профессиональную карьеру многие из тех, кто еще недавно, да и, к сожалению, сегодня руководят крупнейшими средствами массовой информации. И даже молодые журналисты, приглашенные для выполнения конкретных и узких профессиональных задач, со временем сами стали делать вполне приличные материалы. Дмитрий Захаров, например, запомнился материалом о судьбе девушки-рокерши, ставшей инвалидом после аварии, а Владислав Листьев с помощью режиссера Татьяны Дмитраковой сделал щемящий душу сюжет о человеческом сострадании и любви к братьям нашим меньшим. Герой сюжета, обычный молодой москвич, забрал с бойни обреченную лошадь и поселил ее у себя дома, в квартире на первом этаже обыкновенной панельной многоэтажки. Знаменитая сегодня правозащитница Елена Масюк тоже начинала во «Взгляде», рассказав в одном из первых своих материалов о том, что Чернобыльская катастрофа была далеко не первой в нашей стране. Впервые тогда прозвучал «Челябинск-40» (предприятие «Маяк»). А саму Лену мы увидели в самом эпицентре чудовищной катастрофы, на много лет засекреченной «органами».

Впервые на советском ТВ (я говорю только про телевидение!) столь масштабно и доказательно мы сначала очень робко, а потом все более смело, раскрыли человеконенавистническую сущность сталинских репрессий и ГУЛАГа. Мы первыми назвали коммунистическую партию и структуры ГПУ-НКВД-КГБ преступными организациями, деятельность которых

должна быть всесторонне и скрупулезно расследована, а гласный независимый суд должен определить меру и степень ответственности виновных в том, что страна оказалась на краю политической, экономической и нравственной пропасти. «Взгляд», с подачи писателя Владимира Солоухина, впервые заговорил о необходимости «русского Нюрнберга». Напомню, что это происходило не в «свободные» 90-е, а тогда, когда у власти находилась коммунистическая партия, а Центральное телевидение курировали не только ЦК КПСС, но и КГБ. Вот почему каждый материал, каждую программу мы делали как последнюю. А в доме всегда находился собранный чемоданчик с вещами «на первое время». Мы были готовы. Каждый день, особенно по субботам после передачи, ждали не только ее закрытия, но и ареста. Конфронтация с властью достигла пика, когда мне удалось найти останки уничтоженной коммунистами «Авроры» в ста километрах от той набережной в Ленинграде, к которой сегодня прикован фальшивый новодел (кстати, уже третий по счету) с тем же названием. Суть материала сводилась к следующему. «Коммунисты цинично уничтожили свой собственный идеологический символ, «легендарный крейсер революции». У них нет ничего святого. Точно так же они уничтожали в ГУЛАГе миллионы людей. Это — очередное преступление. И виновные должны за это ответить!». Мы постоянно показывали фрагменты художественных фильмов, запрещенных советской цензурой, и начали с фильма «Комиссар» Александра Аскольдова. Тем самым, мы помогли снять с полки и направить к зрителю многие киношедевры. Был спасен от уничтожения фильм «Рок» Алексея Учите-

ля. С помощью майора ВВС Михаила Пустобаева мы предупредили власть и народ страны о готовящемся военном перевороте, назвали его организаторов — крупнейших партийных, советских и военных чиновников. М. С. Горбачев не поверил и обвинил нас в провокации, а через год, после выхода материала в эфир, произошло то, что вошло в историю страны четырьмя буквами — ГКЧП. Главные действующие лица переворота были как раз те люди, о которых говорил «Взгляд».

Мы были прежде всего молодежной передачей, и музыкальным языком ее стал русский рок. Он вышел из подполья благодаря «Взгляду». Впервые на экранах телевизоров на многомиллионную аудиторию зазвучали произведения «Аквариума», «Алисы», «ДДТ», «Кино», «Наутилуса». А их лидеры не только запели, но и заговорили с многомиллионной телевизионной аудиторией. Именно во «Взгляде» следователи генеральной прокуратуры Гдлян и Иванов обнародовали результаты расследования «хлопкового дела» в Узбекистане, с очевидностью доказав, что нити республиканских партийных преступлений ведут в Кремль. В Афганистане мы снимали материалы, суть которых сводилась к одному: советские войска воюют не с бандитами, как вещала тогда советская пропаганда, а с народом — это преступление, а не выполнение интернационального долга, с этой войной нужно кончать. Впервые был начат разговор о наших пленных в Афганистане не как о перебежчиках и предателях, а как о безвинных и незащитных жертвах этой преступной войны, об их возвращении на Родину и полной реабилитации. Мы заставили Министерство обороны обратить внимание на работу поисковых отрядов. В результате им был

придан официальный, государственный статус, а сама работа в местах боев Великой Отечественной войны стала легальной и общественно значимой.

Моему другу и коллеге Александру Политковскому, первому из телевизионщиков, удалось проникнуть внутрь четвертого блока Чернобыльской АЭС. Тогда и были открыты стране истинные масштабы катастрофы. Но главное, что нам удалось сделать, это привлечь внимание к проблемам ликвидаторов аварии. Он же, по совету его жены Ани Политковской, сделал материал про минский гематологический центр для детей, куда онкологически больных малышей привозили со всей страны, но не лечить, а, фактически, умирать. В клинике не было ни медикаментов, ни оборудования, ни элементарных условий для пребывания. Это был ад. Сюжет был настолько пронзительным, что Михаил Горбачев вместе с супругой лично поехал туда... Сегодня это современный, один из самых лучших гематологических центров в Европе.

С подачи того же Политковского, мы предъявили зрителю первого легального советского миллионера Артема Тарасова и партбилет его заместителя по кооперативу «Техника». Черным по белому там было написано: партвзносы за месяц — 90 тысяч рублей. Напомню, что средняя зарплата в стране составляла тогда 120 рублей. Разразился грандиозный скандал, в который были вовлечены первые лица государства. В итоге был разработан и принят принципиально новый закон о кооперации, создавший правовую базу для выхода предпринимателей из тени и перехода страны к многоукладной экономике и реальному рынку. В прошлом году Артем Михайлович Тарасов ушел из жизни...

Мы первыми оказались в зоне страшного Спитакского землетрясения. В своих материалах отсюда мы не только рассказывали о беде и горе людей, но задавались вопросом, почему в Советском Союзе нет, как в других странах, специальной службы спасения. В итоге, правда уже не в СССР, а в России была создана такая служба — сегодня это всем знакомое МЧС. И все-таки главными во «Взгляде» были не мы и наши сюжеты, а гости программы, которым мы предоставляли возможность в прямом эфире высказать то, к чему они пришли в результате десятилетий работы в разных сферах и областях нашей жизни. К тому, что было их жизненной позицией, иногда выстраданной и определившейся не только на свободе, но и в стенах советских политических тюрем. Эти люди были, в прямом смысле слова, цветом нации — настоящими гражданами страны, не имевшими возможности до «Взгляда» говорить с многомиллионной страной с телевизионного экрана. Мы не гонялись за сенсациями. Хотя в нашем эфире их было достаточно. Своими безусловными победами мы считали те материалы, которые вызывали хоть и злобную, но конструктивную реакцию властей, вынужденных «решать вопросы», то есть помогать простым людям. Власти, прежде всего партийные, с самого начала пытались подчинить себе «Взгляд» и его журналистов, а когда это не удавалось, то передачу постоянно пытались закрыть. На Старой площади видели, что у большинства зрителей многие наши материалы вызывали живейший отклик: поступки героев становились предметами подражания. У «Взгляда» со временем появилась мощнейшая обратная связь. Фактически с помощью наших материалов

в стране все громче стало заявлять о себе гражданское общество. «Взгляд» стал не только высокой общественной трибуной, но еще и передачей, куда можно было обратиться в поисках справедливости, и, если это оказывалось возможным, мы старались помочь или, по крайней мере, сказать о проблеме вслух. Мы получали от людей письма (мешки писем!), и многие из них становились исходной точкой острых сюжетов и громких скандалов. Нашу команду даже называли в свое время «всесоюзной жалобной книгой». А если жалобы имели острый социальный контекст, то они никогда не оставались пустым сотрясением воздуха.

М. С. Горбачев, будучи главой государства, мог закрыть нас одним словом, одним телефонным звонком, но он этого не делал. Он был действительно сильной властью и понимал, что для реализации всего им задуманного нужны сильные СМИ, и прежде всего, сильное телевидение, а значит, сильные, независимые журналисты. Во всяком случае, так он объяснял мне наше «мирное сосуществование» в то время. Правда это случилось лишь в середине 90-х, когда мы подружались, сблизились. Уже не было ни «Взгляда», ни Горбачева как Президента, да и самой страны СССР не было тоже. При этом свои поступки он объяснял тем, что в конце 80-х годов внутренне, конечно же, оставался частью системы, которая воспитала его и выдвинула в лидеры партии и страны. Он постоянно балансировал между крайними позициями коллег по политбюро. А это было время жесточайшей конфронтации между Е. К. Лигачевым и А. Н. Яковлевым. Яковлев предлагал превратить «Взгляд», «До и после...» и другие передачи, а прежде всего программы Ленинградского теле-

видения (максимовские «600 секунд», «Общественное мнение», «Музыкальный ринг» и т. д.) в основу нового Центрального телевидения. А Лигачев требовал не только немедленного закрытия, например, «Взгляда», но и привлечения его авторов к уголовной ответственности по статье, карающей за антисоветскую агитацию. Именно отсутствие единой позиции в руководстве страны позволило нам выжить. Популярность «Взгляда» росла от выпуска к выпуску.

В книге рекордов Гиннеса даже был зафиксирован рекорд: нас смотрело одновременно больше людей, нежели любую другую передачу того времени в мире — сто девяносто миллионов человек (!). Нас смотрели практически все, говоря современным языком, у нас был почти 100-процентный рейтинг. И все-таки главное было не в цифрах и количестве зрителей — мы не гнались за ними, потому что у нас не было рекламного кнута и пряника. Мы предлагали людям думать вместе с нами, при этом соглашаясь или споря, одобряя либо люто ненавидя нас, но думать и еще раз думать. А значит, учиться принимать самостоятельные решения, а в итоге, извините за пафос, — становиться гражданином, хозяином своей судьбы и своей страны. Уйдя из эфира в конце декабря 1990 года, «Взгляд» больше так и не появился на телевизионных экранах. Нет его и поныне. Нынешней власти не нужна думающая страна. Она озабочена созданием новой, т. е. хорошо забытой коммунистической идеологии с православным налетом, гремучей смеси между православием и идеологией тоталитаризма, осененной двуглавыми орлами и красными звездами под церковные песнопения и советский гимн. Сам факт существования на расстоянии

прямой видимости Храма Христа Спасителя и Мавзолея не просто дик и кощунственен, но и говорит об абсолютной бесперспективности и опасности того курса, которым следует сегодня страна. Оглядываясь назад, я с удивлением понимаю, что еще тридцать лет назад мы пытались говорить с экрана именно об этом. Сама жизнь удивительно точно определила, какие же материалы во «Взгляде» были главными.

ДОРОГА К ХРАМУ

Полагаю, что те, кто сегодня переступают порог Храма Христа Спасителя в Москве или хотя бы наблюдают два раза в год по телевизору грандиозные шоу под названием «Прямая трансляция торжественного богослужения из ХХС», будь то Пасха или Рождество, вспоминают о том, что всего тридцать лет назад этого храма не было. На его месте зияла дыра, наполненная теплой водой и зимой в лучах прожекторов, издали напоминающая кинематографический образ входа в преисподнюю. То, что сегодня храм снова стоит там, где два столетия назад Николай I задумал его возвести, прямая заслуга «Взгляда». Я нисколько не преувеличиваю. Конечно же, не мы принимали решение о строительстве, а вернее о восстановлении, месили бетон, расписывали стены и устанавливали кресты, но именно во «Взгляде», впервые в 1988 году, родилась абсолютно на тот момент крамольная идея: отметить 1000-летие крещения Руси пусть не восстановлением храма целиком, но хотя бы возведением небольшой часовни или установки памятного знака. Крамольной эту мысль я называю неслучайно. Страной руководила та самая

власть, которая уничтожила не просто сотни храмов и церквей, но и тысячи священнослужителей, пытаясь убить саму православную веру, заменив ее коммунистическим суррогатом. Реакция «Старой площади» на мое интервью со священником во «Взгляде» была быстрой и жесткой. Раньше мы приходили туда достаточно большим коллективом Молодежной редакции. На этот раз я был вызван один. Даже не предложив сесть, ко мне обратились жестко на «ты»:

«Мукусев, это правда, что в свою программу ты зазвал попа?»

«Да, это так, — ответил я, — действительно у меня в гостях был священник. Мы говорили не только о грядущем юбилее, но и...».

Меня резко прервали:

«Так, у тебя с церковью юбилей, Мукусев?.. Запомни, в следующий раз ты пригласишь попа на наше телевидение только на следующий юбилей, то есть через тысячу лет, все понял?» И сразу же другим, сладким тоном садиста: «Мы вас больше не задерживаем, коммунист Мукусев».

Я «понял», и буквально в следующей передаче моими гостями стали руководители одной из архитектурных мастерских, которые принесли мне несколько проектов будущего памятника на месте разрушенного храма, словно решение о его установлении было уже принято. Это была авантюра, но отступать я не собирался. Мы закончили разговор в передаче тем, что, скорее всего, финансировать восстановление церкви или установку памятника государство не станет. Но можно попробовать повторить опыт предков, когда в 1812 году на строительство Храма Христа Спаси-

теля, буквально по грошу, деньги собрали граждане тогдашней России. Сделать это я и предложил зрителям. В следующую передачу я пригласил двух молодых священников, которые рассказали, что после предыдущего эфира Московская Епархия открыла счет для добровольных пожертвований. Его номер мы показали на экране. Это был вызов власти!

Передача закончилась поздно ночью в пятницу. В субботу в 8 утра я пришел в сберкасса в здании Центрального телеграфа и положил на этот счет свои, честно заработанные, 10 рублей. Я верил, что многие граждане страны сделали то же самое. И я не ошибся. Идея вышла за рамки телевидения и зажила своей жизнью, сначала поддержанная властями Москвы, а затем и Кремля. В итоге Храм был восстановлен. Но самое главное — по всей стране образовались инициативные группы людей, зачастую далеких от церкви, которые после взглядовской истории взялись за возрождение малых православных и не только православных приходов в самых отдаленных уголках СССР, не дожидаясь помощи государства и руководства конфессий. Подобный подход к теме: от постановки проблемы до нахождения людей, способных предложить неформальные пути ее решения, стал фирменным стилем «Взгляда».

«ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С МАВЗОЛЕЕМ»

История создания второго главного материала менее успешна. В расписании подготовки программы, определенном за три месяца, мой очередной выход в эфир был в пятницу 21 апреля 1989 года. Политическим обозревателем был назначен Владимир

Яковлевич Цветов. Я прекрасно понимал, что не мог выйти рядовой «Взгляд» накануне дня рождения Ленина. Было известно, что до «Взгляда» пройдет в эфире ЦТ торжественное заседание в Кремле и, как водится, будут произноситься речи, вся суть которых сведется к примитиву: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить». Не будет! Я убежден сегодня, убежден был и тогда. Но мало для этого крикнуть на митинге: «Долой!» — либо снести сотню памятников. Ленинизм — идеология тоталитаризма, терроризма и бороться надо именно с ним, а не с внешним его проявлением. Но как в два с половиной — три часа эфирного времени вместить то, чему надо посвящать тома серьезных исследований, да еще сохранить стиль молодежной не только публицистической, но и развлекательной программы?

В начале марта мы встретились с Владимиром Цветовым для обсуждения плана программы. Как всегда, спустились в останкинский бар пить кофе. Владимир Яковлевич многие годы работал в Японии собственным корреспондентом Гостелерадио СССР. И не просто работал, он бесконечно любил эту страну, ее культуру, искусство, а главное — самих японцев. Благодаря Цветову мы узнали о том, как жители Страны Восходящего Солнца воспитывают детей, варят рис, создают сады камней, строят дома. Он приносил на передачи немыслимые бытовые приборы и прекрасно изданные книги, приоткрывая завесу над тогда почти неведомой японской жизнью. Владимир Цветов был высокообразованным человеком, блестящим журналистом, профессионалом во всем, остроумным, легким и очень доброжелательным.

Цветов хихикнул, что видимо японцы на этот раз пролетели. И мы стали придумывать передачу про Ленина. Шли по обычному «взглядовскому» пути: политика, экономика, культура, религия. Но веселое настроение покинуло нас довольно быстро. Многие десятилетия страна жила с лозунгом: «Сталин — это Ленин сегодня». И что было странно: о Сталине и сталинщине говорить было можно уже почти в полный голос, а об его учителях все еще нет. Впрочем, Ленина мы в своих программах касались, но это был типичный «взглядовский» стеб: от «Когда был Ленин маленький, с кудрявой головой...» до грудастых пионеров в мини-юбках в шуточных клипах. Но уже прозвучало шевчуковское: «Революция, ты научила нас верить в несправедливость добра» ...То есть, конечно, мы делали «Взгляд», но и «Взгляд» делал нас. И на третий год существования передачи, мы вплотную подошли к оценке не отдельных преступлений отдельных руководителей страны Советов, а к оценке всей системы советской власти как системы преступной.

И чем больше мы говорили с Владимиром Цветовым об этом, тем яснее приходило понимание того, что 21 апреля 1989 года мы, возможно, сделаем главную передачу своей жизни. А будет она посвящена известным или только ставшим известными преступлениям «усатого бандита», его предшественников и последователей. Мы попытаемся ответить на вопрос: почему шестая часть суши, страна с практически неисчислимыми людскими и природными богатствами, за семьдесят лет правления коммунистов оказалась на краю гибели.

В то же время мы понимали, что это дело не одной передачи и не одного Центрального телевидения,

но надо было с чего-то начинать. И когда мы уже погружались в отчаяние от бессилия реализовать задуманное, Цветов принес перепечатку книги С.П. Мельгунова «Красный террор в России», изданной в Берлине в 1923 году. Эта книга стала той «печкой», от которой выстраивался весь ход будущей передачи. Вот несколько цитат из этой книги, оставшихся в моей записной книжке:

«Чтобы понять, что такое в действительности красный террор, продолжающийся с неослабевающей энергией и до наших дней, мы должны прежде всего заняться выяснением вопроса о количестве жертв. Тот небывалый размах убийств со стороны правящих кругов, который мы видим в России, характеризует нам и всю систему применения «красного террора». Кровавая статистика, в сущности, пока не поддается учету, да и вряд ли когда-нибудь будет исчислена. Когда публикуется, может быть, лишь одна сотая расстрелянных, когда смертная казнь творится в тайниках казематов, когда гибель человека подчас не оставляет никакого следа — нет возможности и историку в будущем восстановить подлинную картину действительности... Нельзя пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики; нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевистский террор. Это система, нашедшая своих идеологов; эта система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства, как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире. Это не эксцессы, которым можно найти в психологии гражданской войны то или иное объяснение...».

«Ну и что? — спросите вы, — все это мы слышали, читали, знаем». Ну, во первых, не всё и не все читали, даже сегодня, к 2019 году. Для меня же тогда, в 1989 году, сведения, опубликованные в этой книге, стали потрясением: «Шестьдесят миллионов, уничтоженных в постреволюционные годы, — это не статистика, а реальное горе, умноженное на шестьдесят миллионов». Это не другая точка зрения, это конкретное обвинение, по которому нужно судить. К этому выводу мы пришли с Цветовым после многих и многих часов обсуждения этой темы. Но если суд, то суд над кем? Над Лениным? Сталиным? ВКП (б)? КПСС? Тоталитаризмом? Сам разговор казался нам безумством, учитывая, что КПСС находилась у власти, а мы работали ее главным идеологическим рупором. И потом, даже если суд, то «судьи кто?» Как ведущий я не годился ни в судьи, ни в адвокаты. Мое дело — нейтралитет ведения передачи, а «Взгляд» и так всегда балансировал на грани запрещения. И, тем не менее, стало очевидным, что судить надо, причем не Ленина, а ленинизм и все, что с ним связано. Но нам это не по силам.

Решили раскручивать ситуацию «с конца». Все рушится, разваливается государство с его политикой, экономикой, культурой. Соответственно, сами реалии говорят о несостоятельности строя, в свое время насажденного Лениным и его единомышленниками. Все старое изживает себя, рождает нечто новое, и что же остается от прошлого? МАВЗОЛЕЙ! Так, наконец-то! Мы нашли формулу передачи: в день рождения В. И. Ленина надо говорить о «СМЕРТИ ЕГО ТЕЛА И ДЕЛА».

Следующую встречу Цветов назначил мне в архиве ЦК КПСС, и вот что удалось нам найти:

«Отзываясь на сообщение Сталина, Калинин указал, что надвигающаяся смерть Ленина ставит перед партией важнейший вопрос о его похоронах. «Нужно обдумать все к ним относящееся. Это страшное событие не должно нас застигнуть врасплох. Если будем хоронить Владимира Ильича, похороны должны быть такими величественными, каких мир еще никогда не видывал».

Сталин вполне поддерживал Калинина:

«Нужно действительно все обдумать заранее, чтобы не было никакой растерянности, незнания, что делать в часы великой скорби. Этот вопрос, как мне стало известно, очень волнует и некоторых наших товарищей из провинции. Они говорят, что Ленин русский человек и соответственно тому должен быть похоронен. Они, например, категорически против кремации, сжигания тела Ленина. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения пред усопшим. Оно может показаться даже оскорбительным для памяти его. В сожжении, уничтожении, рассеянии праха русская мысль всегда видела как бы последний высший суд над теми, кто подлежал казни. Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего, во всяком случае, достаточно долгое время, чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас все-таки нет».

Речь Сталина была длинная, верткая, но что я верно передаю ее смысл и направление, можно судить по ответу на нее, который с величайшим возмущением сделал Троцкий:

«Когда тов. Сталин договорил до конца свою речь, тогда только мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания. Что Ленин — русский человек и его нужно хоронить по-русски. По-русски, по канонам русской православной церкви, угодники делались мощами. По-видимому, нам, партии революционного марксизма, советуют идти в ту же сторону — сохранить тело Ленина. Прежде были мощи Сергия Радонежского и Серафима Саровского, теперь хотят заменить их мощами Владимира Ильича. Я очень хотел бы знать, кто эти товарищи в провинции, которые, по словам Сталина, предлагают с помощью современной науки бальзамировать останки Ленина, создать из них мощи. Я бы им сказал, что с наукой марксизма они не имеют абсолютно ничего общего».

В полном согласии с Троцким и с таким же возмущением говорил Бухарин. Превращение в бальзамированную мумию останков Ленина, по его мнению, до такой степени оскорбительно для его памяти, до такой степени противоречит, не вяжется со всем его материалистическим, диалектическим мировоззрением, что об этом не может быть и речи:

«Я замечаю, что где-то в партии, из каких-то щелей несет странным духом. Хотят возвеличить физически прах в ущерб идейному возвышению. Говорят, например, о переносе из Англии к нам в Мо-

скву праха Маркса. Приходилось даже слышать, что сей прах, похороненный около кремлевской стены, как бы прибавит «святости», значения всему этому месту, всем погребенным в братском кладбище. Это черт знает что!»

В таком же духе возражал Сталину и Каменев. Он указал, что существует предложение (его особенно поддерживает Зиновьев) переименовать Петроград в Ленинград. Такой акт, отмечающий грандиозное значение Ленина в истории октябрьской революции, вместе с изданием в десятках миллионов экземпляров его сочинений, явится действительным почитанием памяти Ленина. Что же касается сохранения тела Ленина, он, Каменев, видит в этом своеобразный и странный отголосок того «поповства», которое бичевал Ленин в своей философской книге.

По-видимому, на Сталина и Калинина протесты Троцкого, Бухарина и Каменева впечатления не произвели. Сталин отказался назвать имя «товарища из провинции», предложившего произвести бальзамирование останков Ленина, а Калинин продолжал настойчиво твердить, что Ленина нельзя хоронить как простого смертного.

И я сейчас не помню, кто из нас первым произнес имя Марка Захарова, но нам стало понятно, что в будущей взглядовской пьесе под названием «Что нам делать с мавзолеем? соавтором должен быть профессиональный режиссер, доказавший своими работами, что ему это под силу. Мы поехали в «Ленком».

Захаров моментально загорелся нашей идеей и сам стал предлагать различные сценарные ходы.

Одним словом, появился третий полноправный участник передачи. Наши встречи с Марком Захаровым стали регулярными. Мы обсуждали каждую деталь и каждую реплику, которую мы будем произносить в эфире, прекрасно понимая, чем передача может закончиться для каждого из нас и для «Взгляда» в целом. Незадолго до эфира я рассказал Захарову о сюжете, который снял в очереди к мавзолею. На простой и бесхитростный вопрос «зачем вы идете к Ленину?» 99% взрослых не задумываясь, и даже с какой-то радостью сообщили, что они идут просто посмотреть. Но ведь это бред какой-то — посмотреть на труп, вероятно, в этом должны разбираться скорее психиатры, нежели журналисты. Но больше потрясли дети, стоящие группами в той, же очереди. Они отвечали еще более радостно, что у них экскурсия: только что были в зоопарке, сейчас идут глядеть на Ленина, а потом поедут в цирк. С этим надо кончать, если мы хотим, чтоб наши дети выросли полноценными людьми, а не нравственными уродами. К этому выводу пришли мы с Марком Захаровым и тогда же решили, что нужно обязательно в передаче поднять тему захоронения Ленина. Но это ни в коем случае не должно было быть главным во «Взгляде», хотя мы прекрасно понимали, какой поднимется шум. Передача должна была быть о ленинизме, а не о Ленине и его похоронах.

Определив задачи для себя, мы — Цветов, Захаров и я, — долго не могли найти человека, который убедительно, опираясь на глубокие знания истории, философии и религии, мог бы говорить о таком страшном преступлении коммунистов, последствия которого и сейчас потрясают наше общество — о разрушении веры, а значит, и нравственности.

В то время у всех на слуху было имя протоиерея отца Александра Меня. Послушать проповеди отца Александра в Подмосковье съезжалось много людей. Он, хорошо известный богослов в кругу интеллигенции, близкой к диссидентам, в конце 80-х стал популярен среди студенческой молодежи, деятелей искусства, литераторов. В эти годы, благодаря отцу Александру, в православие пришли многие ранее убежденные атеисты. Кандидатура протоиерея Александра Меня устроила всех. Осталось только уговорить его.

Перед поездкой к отцу Александру в Новую деревню я прочитал его книгу «Сын человеческий» и еще раз убедился в правильности нашего выбора. И я был счастлив, когда он не сразу, а подумав, все же дал согласие на участие в передаче. Мне казалось, что именно ему было бы тогда под силу убедительно развенчать с экрана идеологию марксизма-ленинизма, прежде всего, как идеологию человеконенавистническую. Однако радость была преждевременной. Именно 21 апреля случилось что-то, что помешало отцу Александру приехать на передачу. О причинах я так и не узнал, потому что вскоре он был злодейски убит...

Позиция ведущего давала мне возможность «подкидывать поленья» в костер беседы в виде рассказов и мнений самых простых людей. Например, факт существования «девиза»: «С Лениным в башке, с нагаком в руке» во время Великой Отечественной войны. Ведь не было у страны, «вставшей на смертный бой», ничего, кроме этой веры. И тысячу раз доказано, что победа над фашизмом была одержана не столько силой оружия и военной подготовки, а силой духа, когда «Ленин в башке» и в сердце.

Готовясь к эфиру, я наткнулся на историю, произошедшую в одном из фашистских концлагерей. Среди военнопленных оказался русский парень, учившийся до войны в архитектурном институте. И однажды, комкая в руках кусок хлеба, больше напоминавший глину, которая не лезла в горло, несостоявшийся скульптор, сам не понимая, как это произошло, не контролируя действия своих рук, вылепил бюстик Ленина. Сработала сила подсознания, и там, в подсознании, оказался Ленин. Мало того, этот «хлебный бюст» прилепили к камню на территории лагеря, и вокруг него стали собираться другие русские пленники, как около святыни, наполняющей силой. В итоге эти встречи у «памятника» привели русских военнопленных к сговору и побегу. Я понял, что обязательно использую это в эфире.

Спектакль «мавзолей» готовился не только для телезрителей. Я готовил «сюрпризы» и для главных действующих лиц. Так, например, Владимир Цветов не знал, что Марк Захаров заговорит о необходимости захоронения останков Ленина и что вызвало у него прямо в эфире непосредственную реакцию. Впрочем, это заявление художника Ленкома повергло в шок всех сотрудников, находившихся в студии и за пультами прямого эфира, пожалуй, больший, нежели у телезрителей. Я же отыграл «неожиданность» заявления Марка Анатольевича, чтобы сохранить нашу тайну и не обидеть В. Я. Цветова. Мы прекрасно понимали, что задуманное можно будет сделать только один раз. Монолог Марка Захарова прозвучал только в московском «Взгляде» с выходом на европейскую часть страны, поэтому за Уралом до сих пор не знают, почему на Пленуме ЦК КПСС, который проходил в те же дни в Мо-

скве, многие выступающие просто взбесились, с пеной у рта крича, что надо кончать с такими подонками, как Мукусев и Захаров, и гнать их в шею из театров и с телевидения. Такого скандала «Взгляд» еще не знал. Мы были не просто под угрозой закрытия — в Кремле требовали крови. В следующий понедельник после эфира, мне позвонили из Дирекции программ и по секрету сказали, что им приказано уничтожить (размагнитить) не только эфирный рулон, но и так называемый тех. дубль-пленку, на которой была записана копия программы. Им также было приказано размагнитить все исходные материалы. Вокруг меня образовался вакуум: коллеги сторонились меня, а начальство сочувственно похлопывало по плечу. Все понимали, что мне конец. Это понимал и я, но не жалел о сделанном. Странно, но и на этот раз все обошлось. На встрече Горбачева с московской делегацией (с народными депутатами СССР от Москвы и области) генсек подошел в перерыве к Марку Захарову, обнял его за плечи и сказал, что передача получилась классная, и он смотрел ее всю, не отрываясь, вместе с семьей. «Может, немного не вовремя вы подняли вопрос, но совершенно правильно». Информация эта мгновенно распространилась. Дело было в среду, а в пятницу должно было состояться специальное заседание Коллегии Гостелерадио по делу Мукусева, где меня должны были увольнять. Когда же я позвонил в секретариат накануне и спросил, к какому часу мне явиться, там ответили, что приходить не надо, Коллегии не будет. Как сработал этот механизм, я не знаю до сих пор. Я выдохнул и продолжал работать.

Реакция государства на первую попытку разобратся в «вопросе» понятна. А как отреагировало об-

щество? Вот отрывки из корреспонденции, поступившей в Останкино после эфира.

Телеграммы:

«21 апреля мы слышали от старших много доброго о В.И. Ленине, но кто вам подсказал мысль о захоронении Ленина из мавзолея — век ему свободы не видать! Назовите их имена для нас наших детей В.И. Ленин человечен божественен вечен всегда жив будет жить мы наказываем тех, кто посмеет говорить оскорбительно о нашем учителе вожде если можно включите для нас ленинцев любимую песню в и ленина его голос к дню победы»

*Сочи А 341, Лесная 3, кв. 42
Рудаков Николай Викторович*

*Председателю комитета
Гостелерадио СССР
т. Ненашеву*

«Уважаемый председатель, уважаемая редакция!

Я давно уже не смотрел телепрограмму «Взгляд», т.к. вижу в ней вызов нашей человеческой нравственности и морали, нашему общественно-государственному строю. Сплошная грязь обрушивается на тебя с экрана, даже это ощущается физически. И это подается под видом демократических ценностей, по принципу «можно все, что не запрещено». Видимо, нужен немедленно закон о нравственности, на которую посягают эти самодовольные и самоуверенные молодые люди в свитерах и майках...

...Общий кризис в нашем обществе захватил и нравственный, который с каждым днем углубля-

ется, и ничего радикального не делается, чтобы его остановить. Одними проповедями ничего не сделаешь. Запретами? Да, бороться с этим злом нужно и запретами. Запрет это тоже воспитание. Не нужно понимать демократию, как вседозволенность. Зачем телевидение делать рупором нравственного разложения молодежи? Не много ли на себя берут эти молодые люди, изображающие из себя интеллектуалов, которые собираются вынести из Мавзолея Ленина, привлечь М.С. Горбачева к ответственности якобы за нарушение парламентской этики, пытаясь скомпрометировать наше правительство тем, что оно якобы не интеллектуальное и т.д.? Мне кажется, что специально такая категория людей подбирается для этой программы. Сейчас ведь демократия, и чем хуже отзываешься о том, что было раньше для нас святым, тем лучше. Сейчас это даже стало модно...»

Шестаков Евгений Евгеньевич, г. Винница

«Уважаемые организаторы и руководители программы ЦТ «Взгляд»!

Мало того, что вы заполонили дебильной музыкой и дебильными певцами, и певичками эфир — неужели вы не понимаете, что все это погано и скоро все пройдет, как в свое время так называемые стилиаги? Вы уже дошли до кощунства, что два жида, один Марк Захаров, а другой его ведущий, договорились до того, чтобы Ленина (его образ) выкинуть из Мавзолея?! За эту «программу» вас дураков народ проклянет и выкинет на улицу и сделает вас безработными. Никакого вам дуракам от народа прощения за это. Вы дураки и сволочи за это. Чем вам помешал мертвый Ленин???

Семенов и Ко, г. Пенза

Но, слава Богу, огромное количество людей поддерживали нашу передачу другими посланиями. Все их содержание сводилось к одному: «Сынок, береги себя. Ты расшевелил осиное гнездо, и укусы этих ос могут быть смертельны для тебя». А главное, что во всех письмах поддержки просматривался единый подход к этой теме: предельное уважение к мертвому телу Ленина и предельная жесткость к его делу.

И все-таки главным я считаю не эти письма, а то, что произошло через два месяца после выхода передачи в эфир.

Уже в июне 1989 года на Съезде народных депутатов СССР литератор Юрий Карякин открыто поднимает этот «вопрос» пред лицом власть имущих (стоит вспомнить, что транслирующиеся на всю страну в прямом эфире «в полном объеме» заседания съездов вынужденно, но заставляли большую часть граждан хоть и пассивно, но участвовать в государственных вопросах).

...«Меня давно мучает вопрос. Меня отговаривали говорить о нем. Простите, но я, конечно, решусь. Еще в детстве я узнал один тихий, почти забытый нами факт. Сам Ленин хотел быть похороненным возле могилы матери на Волковом кладбище в Петербурге. Естественно, Надежда Константиновна и Мария Ильинична, сестра его, хотели того же. Ни его, ни их не послушали. Произошло то, что произошло. И это было еще одним, не сразу заметным, не сразу осознанным моментом нашего расчеловечивания. Была попра-на не только последняя политическая воля Ленина, но была попра-на его последняя личная человеческая воля. Конечно, во имя Ленина же.

Идеологических, политических доводов можно против этого набрать тысячу. Человеческих доводов нет ни одного. Меня предупреждали: народ не поймет. Народ-то и поймет! Уверяю вас, сам поймет. Один этот тихий, забытый нами факт, что Ленин хотел лежать по-людски, — неужели мы это не поймем?

Танки ходят по Красной площади, тело содрогается. Ученые, художники лепят это лицо — это же кошмар, чтобы создать видимость, а там ничего нет, страшно говорить об этом. Ну пускай покоится это тело там по его, ленинской, воле. И если бы я был верующим, и, если бы душа была бессмертной, она бы вам сказала “Спасибо!”.

Таким образом, в апреле 1989 года «Взгляд» про-рвал фактически заговор молчания вокруг темы Ленина и мавзолея. Но это было всего лишь небольшое журналистское расследование, что позволило Юрию Карякину с самой высокой тогдашней трибуны, трибуны Съезда народных депутатов СССР, продолжить начавшуюся во «Взгляде» дискуссию о том, что нам де-лать с мавзолеем.

В этом году Марка Захарова не стало. Ушел большой художник, замечательный человек, настоящий гражданин своей страны. И как бы сейчас не пытались поставить ему в вину «особые отношения» с властью, его многочисленные награды, полученные в Кремле, мне хочется попросить этих людей послушать то, что говорил Марк Захаров у меня в программе. И вспомнить то, с чего он начал. А ведь сначала разговор пошел о кровавых событиях в Тбилиси, о которых рассказали мы, «Взгляд». И были единственным СМИ, кто на это решился. Напомню, что в Тбилиси, на проспекте Шота Руставели мирную демонстрацию, состоящую в основ-

ном из женщин, разогнали тогда наши солдаты. Зверски избив их. Причем используя при этом саперные лопатки... Вспомним год, когда это произошло, 1989-й! Просто задайте сами себе вопрос, конечно, если вы уже жили тогда: — «А что я говорил и делал в эти дни?» Думаю, что если у человека сохранились хотя бы остатки совести и ума, не говоря о памяти, он никогда не скажет больше о Захарове ни одного худого слова...

Итак, 4-я студия останкинского телецентра, 21 апреля 1989 года. Программу «Взгляд» ведут Владимир Мукусев и политический обозреватель Гостелерадио СССР, Владимир Цветов. Гость программы — художественный руководитель и главный режиссер театра «Ленком» Марк Захаров.

Марк Захаров: ... пользуясь прямым эфиром, мне бы сейчас хотелось сказать всего несколько слов нашим грузинским братьям и сестрам. Мне бы хотелось передать им свою скорбь, не только свою, а от имени многих москвичей, от имени театральных работников, кинематографистов. Я сегодня утром был на пресс-конференции депутатской группы, которая вернулась из Тбилиси. Она рассказала страшные вещи. Я не берусь их комментировать. И не хочу! Я понимаю, что рука на рубильнике нашей гласности. Она его может вырубать. И может потом постепенно включать. Каждый день мы что-то узнаем новое. Лучше, чем Эдуард Амвросиевич, не скажешь. Поэтому я хочу сказать самое главное. Дорогие наши грузинские сестры и братья! Та боль, которую вы сейчас испытываете, ту трагедию, которую сейчас переживает ваш великий город Тбилиси, это и наша боль, и наша трагедия. И пусть несколько секунд молчания превратятся в символическую минуту молчания.

Пауза. ТИШИНА в студии

Марк Захаров: Теперь по поводу этого пронзительного репортажа, который я увидел. Я ничего подобного не видел на советском телевидении. У меня разные и сложные ощущения. Я депутат, народный депутат от творческого союза. Проблемы нашего культурного созидания мне страшно близки. И я, при всей своей самоиронии, к этому отношусь серьезно. Отношусь серьезно к своей депутатской миссии. Пусть она будет очень короткой. Вы знаете, отношение к святые, пусть она и далекого прошлого, наших предков, наших праотцов, это и святые нашего настоящего. Здесь мне кажется часто мы были бездарны, мы были глупы, нам не хватало эрудиции, таланта, нам не хватало одаренности, культуры, нам не хватало уважения к нашим религиозным, историческим, культурным традициям нашего народа. И отсюда этот переизбыток информации, о котором вы говорили. Это очень важно. Оно требует очень серьезного коллективного обдумывания и раздумий. Замечательный драматург, Михаил Шатров подарил на две пьесы, которые идут в нашем театре. Мы иначе стали смотреть на Ленина. Иначе! И даже стали его перечитывать. Причем не только мы, артисты, но и наши зрители. Они это признавали. И этот факт для меня совершенно с ног сшибательный и неожиданный. Я хочу сказать, что конечно к каждому великому человеку отношение может быть различным. И разные, субъективные отношения. Для меня гениальность Ленина в его политике. Это гениальный политик, который нам вот сейчас необходим. Для нашей перестройки. Я это чувствую сейчас всем своим естеством. Это решительность, это смелость в поворотах. Самых кар-

динальных, политических, важных, государственных. Это обратная связь с народом в постоянно меняющейся революционной ситуации. Это удивительная самокритичность и умение признавать свои ошибки. Это чувство юмора, кроме всего прочего. Но это может быть не самое главное. Хочу сказать еще одну вещь, которая касается лично меня касается и волнует. Возможно это субъективное ощущение, возможно я заблуждаюсь. Но это входит в часть моей культурной программы, как народного депутата от творческого союза. Понимаете, вот как я считаю, глядя на очередь, которая идет смотреть Ленина. Понимаете, мы можем как угодно ненавидеть человека или как угодно его любить, до самозабвения, но мы не в праве лишать человеческое тело захоронения, подражая древним язычникам. Ни одна культура, ни одна религия нашей великой цивилизации себе этого не позволяла. Даже язычника, варвары, они единожды прощались с человеком. Потом оставался символ, потом оставалась память, потом оставался знак. Очень священный, важный, как в каждой культуре. Злодеяния Сталина в отношении тела основателя нашего государства, заключается в том, что он, используя свое процедурно-процессуальное коварство, провел, минуя мнения других членов высшего органа нашего партийного руководства, минуя тот испуг, тот ужас близких людей, то просто шоковое состояние Крупской, провел эту акцию. Это конечно злодеяние — создание искусственных святых мощей — это акт безнравственный. Он требует очень суровой оценки. И постепенного трудного мучительного осмысления. Так я думаю. Если кого-то шокируют мои слова, я допускаю это. Но представьте самого дорогого и близкого для вас

человека. Когда-нибудь он умрет. Что делать, такова жизнь. Представьте, что вы идете не на могилу, а вы идете смотреть его труп. Труп под колпаком. Заспиртованный, не заспиртованный. Это не важно. Зачем мы ходим к могиле? Мы ходим к могиле, чтобы думать. Для того, чтобы молчать и сверять свои ощущения с тем величием, которое осталось от этого человека. Великого! Который лежит в могиле. Кто-то идет молится, как умеет. Кому что дано. Но не идут смотреть. Это очень важно. Есть документальная фраза Крупской в нашем спектакле: «Не делайте из Ильича икону!», просила Надежда Константиновна Крупская. Мы к сожалению ее завет не выполнили. Поэтому я считаю, что гигантский символ, нашей героической социалистической истории, мавзолей, должен превратиться в Пантеон, Пантеон основателя нашего государства. Пантеон, который всегда открыт, куда всегда можно прийти, помолчать, подумать. И это святой акт — даже молчание. Даже если тебе не приходят какие-то сверхестественные мысли. Я думаю об этом Пантеоне. Я думаю об этих могилах вокруг мавзолея. Я думаю, что должно быть бережное, святое отношение к этим могилам. Дело историков разобраться: кто был белый, кто был черный, кто середина на половинку, кто был палач, а кто был жертва. Кто был и так, и сяк. Историки разберутся. Нам нужно сейчас думать сообща, всем миром. Очень важный вопрос нашего культурного созидания, нашей новой социалистической цивилизации. За которую я готов отдать жизнь. Извините за такие высокопарные слова!..

Послесловие

...Почти тридцать лет прошло с тех пор. А споры о мавзолее не утихают. Хотя давно они потеряли свою остроту и злободневность. Я думаю, что существование незахороненного «вождя мирового пролетариата» дело лишь времени. А вот с Храмом Христа Спасителя вопросов становится с каждым днем все больше. И страсти вокруг него бушуют нешуточные. Вернее, не вокруг самого храма, превращенного, к сожалению, в бизнес-центр, а того, что он олицетворяет — христианскую веру, а вернее, ее православную, то есть ортодоксальную ветвь. В страшном сне нам не могло привидеться тогда, когда мы бились за восстановление храма, что гонимая, оскорбленная, поруганная наша вера и ее святыни, возродясь из пепла и вернувшись в нашу жизнь, станут частью государства и, что страшно, его репрессивной частью.

Журналисты «Взгляда» никогда публично не демонстрировали свою приверженность какой-нибудь

конфессии. Мы одинаково уважали и веру, и атеизм, считая, что это личное дело каждого. Делая все, чтобы вернуть церковь и веру в общественную жизнь, мы прежде всего думали о той нравственной основе, которую она может дать обществу после семидесяти лет богоборчества и вероотступничества. Как нам кажется, мы сделали для этого немало. Но кто стал «живой иллюстрацией» этого великого возвращения? Кто демонстрирует нам примеры праведности, чистоты помыслов, благородства и смирения? Кто проявляет истинно христианское терпение и мудрость? Кто ни на шаг не отступает в своих помыслах и делах от заветов столпов и основателей христианства? Может быть, те, кто со свечками в руках, под прицелами сотен телекамер неумело крестятся и кланяются два раза в год в главном храме страны? Ответ, к сожалению, очевиден. Зачем это делается — ясно. Народ должен видеть это и знать, что пусть не любая, но уж нынешняя власть точно от Бога. А значит, даже самая осторожная и доброжелательная критика этой власти — страшный грех. И совершившие это святотатство грешники не просто должны быть наказаны, а, по благословению церкви, преданы суду и посажены в клетку. При этом сам глава церкви запросто позволяет себе чудеса с дорогостоящими часами и нано-пылью, борясь, как простой смертный, за свои земные владенья и блага. А молодые священнослужители, беря пример «со старших товарищей», в пьяном виде рассекают на дорогах спорт-карах по ночным улицам российских городов, сбивая и убивая случайных пешеходов, не неся за это практически никакой ответственности. Больно и стыдно наблюдать за всем этим, ощущая свое полное бессилие.

Да, есть сегодня интернет, есть «Новая газета» и телеканал «Дождь». Есть буквально несколько, напечет, журналистов и изданий, которые не изменили своей профессии. И это на 140-миллионную страну! Но нет сегодня «Взгляда». Некому сегодня правдиво и объективно говорить в телеэфире со всей огромной и несчастной страной обо всем происходящим. Некому, или почти некому создавать то самое общественное мнение, которое могло бы серьезно повлиять на ситуацию в стране, как это было в конце 80-х годов прошлого века. А еще есть список. В нем почти 300 фамилий. Это те, кто был убит за последние 30 лет только потому, что они были журналистами. Страна медленно и верно возвращается к доперестроечным временам. Мало того, мы вступили в эпоху политических репрессий. И первыми жертвами их становятся лучшие представители молодого поколения. Модное у власти и обывателей слово «стабильность» сегодня определяет то, что когда-то определяло слово «застой». Не надо быть историком или политологом, чтобы понимать, чем это закончится. С той лишь существенной разницей, что падение власти коммунистов и произошедшие потом поистине тектонические сдвиги в обществе и стране произошли практически бескровно. И случилось это во многом благодаря, как тогда кричали на митингах, «... нерешительности и трусости» Горбачева, а сегодня очевидно, что его мужеству и мудрости. И еще благодаря тому, что принципиальный спор открыто вели носители абсолютно противоположных взглядов. И власть не боялась этого. Наоборот! Принимала в дискуссиях самое активное участие. И трибуну для этого спора предоставляли государственные (!) СМИ.

И, в первую очередь, «Взгляд». Это был не банальный «выпуск пара». Шла серьезнейшая дискуссия героев наших передач о будущем общей для всех нас родины. Сегодня Россия подошла к тому краю, за которым не просто очередная перестройка, а скорее всего война. И война не идеологий, а война денег, точнее преступно нажитых капиталов. А эта война, к сожалению, не будет бескровной. Учитывая масштабы страны и масштабы украденного, а главное, отсутствие каких-либо нравственных устоев у обладателей этих капиталов, кровь может быть огромной. Можно ли все это предотвратить? Безусловно. Рецепт прост и сложен одновременно. Честные выборы, независимые суды, свободные СМИ. Способна ли сегодняшняя власть пойти на это, и если нет, то почему? Вот главный вопрос, который мог бы прозвучать во «Взгляде», существуй он сегодня. Но его нет. И, очевидно, в ближайшие годы не будет.

...Иногда я показываю своим студентам, будущим журналистам, свои, чудом сохранившиеся, взглядовские сюжеты. А после просмотра задаю вопрос: «Как вы думаете, уважаемые коллеги, когда снято то, что вы сейчас увидели?» И в ответ зачастую слышу: «Ну, наверно, очень давно, два-три года назад. В эфире этого точно не было — слишком смело...». А ведь материалам-то больше 30 лет! И в эфире они были. Молодым, случайно заглядывающим в телевизор сегодня, в это трудно поверить. Что и понятно. Журналистика наша вновь превратилась в пропаганду, правда, в отличии от советской — в агрессивную, наглую, грязную, но зато хорошо оплачиваемую. Публицистика выродилась в бесконечные, отвратительные «шоу бесноватых» на всех федеральных каналах. А журналисты, с таким

трудом завоевавшие когда-то право на собственное мнение, свободное, не подцензурное слово в эфире, на честь и достоинство, на правду, либо ушли из профессии, стали преподавать, либо вновь превратились в обслуживающий власть персонал и «девушек по вызову». Это значит, что мы все — страна, государство, народ — не только не решили тех проблем, которые привели Советский Союз к распаду, но по сути снова оказались там, в начале 80-х годов прошлого века. То есть в эпоху всенародного «одобрямса». Я не знаю, когда общество и власть придут к пониманию, что «так жить нельзя». Не знаю когда, но то, что это произойдет обязательно, никаких сомнений нет. Будет это называться «перестройка-2» или как-то иначе, не важно. Важно, что мы должны к этому готовиться уже сейчас и делать все, чтобы наши дети не повторили наших ошибок. Нельзя допустить, чтобы они дали себя обмануть тем, кто, как только зашатается трон, начнут громко и обличать действующую власть, то есть самих себя и «перестроятся» первыми, выбросив или спрятав свои партбилеты и надежно припрятав наворованное. Как сделали это когда-то коммунисты. Сегодняшние робкие разоблачения высокопоставленных чиновников коррупционеров — только начало. Стране еще предстоит пережить страшную правду об огромных масштабах сегодняшних — воровства, взяточничества, коррупции. И, конечно, горькую правду об истинных заказчиках громких убийств журналистов и политических деятелей. И тогда наши дети и внуки спросят нас: «А вы что, не видели и не понимали, что происходит. А если все видели и все понимали, то почему молчали? Трусили? Или завидовали, но мечтали и надеялись

быть среди них?». Что мы ответим? Начнем врать, изворачиваться? Будем все объяснять некими непреодолимыми обстоятельствами, своей якобы доверчивостью и наивностью? Будем стыдливо убеждать детей, что в глубине души всегда презирали эту, по сути, оккупационную власть, но были вынуждены ей служить и ее поддерживать, потому что надо было «... думать о вас, наших детях, о вашей учебе и работе, о будущей карьере. О внуках. А еще думать о кредитах, ипотеках, болезнях, операциях, о стареньких бабушках и дедушках, о дачах, отпусках, кошках и собаках...». Поймут ли нас наши дети, простят ли, поверят ли, «войдут ли в положение и учтут ли обстоятельства»? Не знаю. Очень бы хотелось, чтоб поняли и простили. И прежде всего за то, что мы оставляем им страну, которая так и не вернулась с войны...

Предисловие. В. Смехов	6
ГЛАВА 1. ДЕПУТАТ ТАГАНКИ	10
КОНЕЦ ПЕРЕСТРОЙКИ	10
А ГДЕ ТЫ БЫЛ 19 АВГУСТА?	12
КОНЕЦ ПЕРЕСТРОЙКИ (продолжение)	17
ТА ТАГАНКА	18
САЛЮТ, ФЕСТИВАЛЬ!	19
ТА ТАГАНКА (продолжение)	30
КУРИЦА ИЛИ ЯЙЦО	41
ТА ТАГАНКА (окончание)	49
ГДЕ МОЙ ЧЁРНЫЙ ПИСТОЛЕТ	55
ГЛАВА 2. ЗВОНОК	67
ГЛАВА 3. МАКСИМОВЫ	100
ГЛАВА 4. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВТОРНИК	115

ГЛАВА 5. ДВЕ ПОЛКИ ОБЩЕГО ВАГОНА	152
ЧАСТЬ 1. КИНО	152
ЧАСТЬ 2. ТЕЛЕВИДЕНИЕ	187
ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ. ДУБЛЬ ДВА	204
ГЛАВА 6.	
«НУЖНИКИ» СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ...	240
ГЛАВА 7. СТУПЕНИ	250
«МИР И МОЛОДЕЖЬ»	252
«12 Й ЭТАЖ»	257
ТЕЛЕМОСТЫ С АМЕРИКОЙ	266
«ВЗГЛЯД»	270
«ВЗГЛЯД» В СУХОМ ОСТАТКЕ	282
ДОРОГА К ХРАМУ	290
«ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С МАВЗОЛЕЕМ»	292
Послесловие	312

Владимир Викторович Мукусев

**ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА «ВЗГЛЯД»
ИЛИ
ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА**

Редактор А. Парин

Дизайн и верстка Н. Половниковой

Подписано в печать 20.10.2019. Формат 84х108/32
Усл.-печ. л. 16,8. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Аграф»
e-mail: mnogoknig2011@yandex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1